

Тьерри Коэн

Тьерри Коэна ждет блестящее будущее. Запомните его имя — это достойный соперник Марка Леви и Анны Гавальды.

EVENE

Я сделаю это для тебя

Издательство «Иностранка»

- [Жан](#)
  - [Даниель](#)
  - [Жан](#)
  - [Даниель](#)
  - [Жан](#)
  - [Даниель](#)
  - [Жан](#)
  - [Даниель](#)
  - [Жан](#)
  - [Даниель](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Благодарности](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
    - [7](#)
    - [8](#)
-

Тьерри Коэн

Я СДЕЛАЮ ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ

Жислен, моему
вдохновению

Солаль, Джонасу,
Ялон и Амьель, моей
силе

Пролог

Я ничего не почувствовал.

Разве что сильную воздушную волну. Нет, не так. Больше всего это напоминало мощный удар кулаком в живот и в лицо, только больно не было.

Мужчина сел в автобус на остановке Флёрюс и сразу показался мне странным. Он был похож на бесноватого. На человека, встретившего дьявола и не знающего, гонится тот за ним или отстал. Глаза у него были как у маньяков в фильмах ужасов, и он что-то беспрестанно бормотал. Но в Париже полно людей со странностями. Я и сам иногда бываю странным. На свой манер.

Я испугался, когда мы встретились взглядами. Он как будто удивился и рассердился, что я еду в автобусе. Я думал, он со мной заговорит. Скажет, например, так: «Не годится ездить в автобусе одному, малыш! Давай выходи, пока я тебя не вздул!» Я не понимал, с чего дядька так разозлился, и решил, что он вообще не любит детей или... слишком сильно любит, если вы понимаете, о чем я. Мама все время рассказывает мне о психах, которые обижают детей, и велит быть начеку.

Вообще-то я не трус. Ладно, признаюсь: когда брат прикидывается в темноте привидением, я делаю вид, что мне всё нипочем, но он так классно играет, что я в конце концов все-таки пугаюсь! Но этот тип... Я начал жалеть, что поехал на автобусе, а не пошел домой пешком, потому что папа с мамой не хотят, чтобы я так поступал. Слишком много улиц надо переходить. Слишком опасно.

Опасно: смешно, да?

Не-а, не смешно, даже не забавно.

Я подумал: может, пора применить правило номер три «кодекса поведения ребенка, который остался в городе один» — так его называет папа. Правило номер три гласит: «Если чувствуешь угрозу, сразу подходишь к какой-нибудь старушке и просишь помощи». Но, во-первых, автобус был набит до отказа, а единственная старушка сидела рядом со мной и дремала, во-вторых, у этой самой старушки все лицо было в морщинах, а подбородок зарос волосами, и она пугала меня почище того человека. В-третьих, мне ничто не угрожало, испугался я только потому, что взгляд у мужчины был странный, он разговаривал сам с собой и то и дело на меня поглядывал.

Будить старую даму я бы не стал ни за что на свете, проехать оставалось несколько остановок, ну и я бросил себе вызов: «Досчитаешь до трех, поднимешь глаза и будешь смотреть на него, пока он первым не отведет взгляд. Сумеешь — значит, ты мужчина!» Я люблю вот так себя испытывать. Глупо бояться человека только потому, что он похож на зомби и сам с собой разговаривает. Я набрал в грудь воздуха, сильно выдохнул, посчитал — раз, два, три — и посмотрел, но опоздал: ему больше не было до меня дела. Он повернулся лицом к двери и как будто говорил со своим отражением в стекле.

Автобус подъехал к остановке «Национальное собрание». Тут-то и начался полный кошмар! Двери открылись, и психованный маньяк что-то проорал. Не знаю что. Что-то вроде «у-ля-ля, Карамбар!». Знаю, знаю, он не это кричал, я не полный болван! Можешь вообразить человека, убивающего целый автобус людей из-за какого-то там Карамбара? Смешно? Не-а, даже не забавно.

Его крик меня ужас как напугал. И других пассажиров тоже. Все на него посмотрели. Некоторые, наверное, поняли, и глаза у них стали как в ужасниках. Я успел все это увидеть, потому что бомбу он взорвал не сразу, а через секунду или две. Секунда? Две? Не знаю, трудно сказать, да это и без разницы.

Вообще-то я был бы не против взглянуть на бомбу. Я любопытный, мама мне все время это говорит! Не каждый день выпадает шанс увидеть бомбу. И далеко не каждый день тебе швыряют бомбу в рожу.

Смешно, да?

Знаю, знаю...

Все происходит совсем не так, как в кино. Никакого тебе «бум-трах-тарарах», никакого дыма, никаких криков и стонов. Во всяком случае, те, кто умер на месте, не кричат от боли. Взрыв — это яркий, ослепительный свет и воздушная волна, от которой перехватывает дыхание... Навсегда.

Мужик с безумными глазами напугал меня своим диким воплем, хоть я и не понял ни слова, а потом убил меня, но я бы хотел посмотреть ему прямо в лицо, по-мужски, и сказать: «Эй, придурок, мне даже не больно!»

Моя жизнь закончилась в тот день, когда моего сына разорвало на куски. На каждом клочке его плоти был запечатлен момент моей жизни, уничтоженный бомбой и огнем. Тысячи обрывков существования, вплавившихся в асфальт и сталь среди множества чужих останков.

Я не могу собрать их воедино. Они мне больше не принадлежат... почти не принадлежат.

Но некоторые придется эксгумировать и попытаться восстановить ускользнувшую от меня историю.

Я должен рассказать эту историю ему и всем тем, кто останется жить и должен будет смириться с нашим отсутствием. Тем, кого я люблю и кого больше не увижу. И себе тоже. Я не могу допустить, чтобы безумие разъело мой мозг прежде, чем я буду готов.

Я употреблю последние проблески сознания, соберу фрагменты воспоминаний и расскажу о своей жизни и смерти.

Моя жизнь: годы до проклятого дня. История в прошедшем времени, которая сегодня кажется мороком.

Моя смерть: мгновения боли, все так же яростно атакующие рассудок.

Те, кто будет однажды читать мои записи, возможно, отыщут смысл в этой истории. Я не могу.

Даниель

Он сидит на бортике бассейна, опустив ноги в воду, сгорбившись, как маленький старичок, и грызет ноготь на большом пальце. Он один и одинок. Мне хочется кинуться, обнять его.

Я иду — медленно, жестокий спазм перехватил горло. Его силуэт постепенно выплывает из темноты. Я сажусь рядом, спиной к воде. Он не реагирует, продолжает терзать свой палец.

— Тебе грустно?

Он слегка передергивает плечами.

— Я вижу, что тебе грустно.

— Сегодня мамин день рождения, — отвечает он.

— Знаю. Но у нас не было настроения...

— Она не задула свечи, так что день рождения невзаправдашний.

— У нее болела голова. Она поднялась к себе — решила немного отдохнуть — и, должно быть, заснула.

Он хмурит брови:

— Она плакала. Зарылась головой в подушку, чтобы вы не слышали, и плакала.

— Я слышал.

Он смотрит на свой палец, потом снова сует его в рот.

Мой любимый мальчик.

Желтый свет из гостиной падает на террасу, создавая обманчивое впечатление тепла и благополучия.

— Это был ненастоящий день рождения. Все грустили. Ни свечей, ни торта, — огорченно бросает он.

— Мы по тебе скучаем.

Он улыбается. Нежно, показывая, что понимает.

— Не люблю, когда мама плачет. Не хочу слышать. Ее плач напоминает крики раненого зверя, которому очень больно.

— Ей очень больно, Жером.

— Не хочу этого слышать. Сначала она всхлипывает. Потом становится тихо, она молчит, очень долго, и как будто не дышит... а потом раздается крик.

— Стон.

Он кивает.

— Иногда бывает страшно. Мамин плач похож на вопль призрака.

Он умолкает, но лицо тут же озаряется солнечной улыбкой.

— Знаешь, когда мы с Пьером играли, он часто издавал такие вопли. Я трясся от страха, а он веселился.

Я воображаю эту сцену, улыбаюсь, и мне становится чуточку легче дышать.

— Помню. Я его за это ругал.

— Ага. Но это была просто игра. Мы с Пьером здорово играли.

— Тебе этого не хватает?

Он пожимает плечами:

— Нет. Я все еще играю. Ну, иногда. У меня не так много времени. Я все еще с вами. Но без игр с Пьером скучно.

— Неужели? Но вы так часто ссорились!

— А вот и нет! Вовсе не часто.

Он поднял голову и распрямил плечи.

— Мы играли часами — в нашей комнате, в саду. Было очень весело. Иногда ссорились, но редко. Родителям кажется, если дети ссорятся раз или два в день, это караул! Но в последнее время вы с мамой... вы все время кричите друг на друга.

Я растрогался:

— Ты прав. Теперь я тоскую даже по вашим спорам. Пьер продолжает играть в футбол. Стучит мячом о стену. Он повеселел. Мальчик сильнее нас.

— Ты видишь лишь то, что хочешь видеть, папа. Пьер не в порядке. Он выходит поиграть, чтобы сбежать от вас, а мяч пинает, чтобы дать выход накопившейся внутри злости.

— Откуда ты знаешь?

Он смотрит на меня с укором: я его разочаровал.

— Прошу тебя, папа, не задавай больше таких вопросов.

— Прости. Я удивлен. Я думал... Пьер выглядит таким... сильным.

Он раздосадованно качает головой.

— Сильным... — Он хмыкает. — Пьер, как всегда, изображает крутого. А сам плачет втихаря — как ты. В хижине, в глубине сада.

Эта картина терзает мне сердце.

— И вечерами, в постели. Он целует вас на ночь, улыбается, потом ложится, натягивает одеяло на голову, зовет меня, говорит со мной, зовет и... плачет.

— Зачем ты это говоришь? Мне так больно...

Он снова качает головой.

— Я говорю, потому что ты приходишь, чтобы услышать это.

— Вовсе нет. Я прихожу поговорить с тобой.

Он переводит взгляд на воду:

— Ты растравляешь рану, потому что ищешь другой способ выразить горе. Ты кидаешься на колючую проволоку, но не для того, чтобы убежать: ты хочешь пораниться и истечь кровью.

Я задумываюсь. Со мной говорит ребенок. Мой ребенок. Говорит как взрослый. Его зрелость всегда меня удивляла. Детские игры, детская речь, детский смех и взрослые размышления. Иногда его слова казались мне неуместными, даже нелепыми. Я восхищался, но и тревожился. Случалось, я говорил Бетти: «Этот ребенок не от мира сего». Ирония судьбы. Он был в нашем мире проездом.

— Жером, я не знаю, нужно ли... Думаю, ты больше не должен возвращаться.

Я тут же пожалел о сказанном: нет сил смириться с его уходом. Не сейчас.

Он не отвечает. Он понял.

— Ступай домой и ложись спать, папа.

Я не засну. Знаю, что не засну, но следую его совету и встаю.

— А ты что будешь делать? Надеюсь, здесь не останешься?

— Почему?

— Один в темноте, у... бассейна.

Он прячет улыбку:

— Я не в темноте. Тут нет ни дня, ни ночи, ни света, ни тьмы.

— Конечно. Но как подумаю, что ты сидишь тут совсем один... Я не могу...

— Ладно, я уйду. А теперь иди в дом.

Я делаю несколько шагов в сторону террасы. Он окликает меня:

— Папа...

— Да, сынок?

— Я бы хотел... поцелуй маму. Скажи, что я ее люблю. — Он колеблется. — Нет, ничего не говори. Просто поцелуй в щеку.

— Хорошо.

— Спасибо.

— Когда вернешься?

— Когда понадобится.

— Ты нужен мне всегда.

— Я приду, когда возникнет нужда.

Бетти вздрагивает, когда я касаюсь ее щеки.

Она приняла снотворное и забылась глубоким тяжелым сном, но

отбивается от меня и во сне.

Я ложусь рядом и упираюсь взглядом в потолок.

Видит ли нас Жером?

Знает ли, о чем я думаю?

Догадывается, что собираюсь сделать?

* * *

«Салливан и партнеры, консультационное агентство по связям с общественностью». Я на мгновение замираю перед табличкой из полированного дюрала — она так же претенциозна, как и само здание, расположенное у въезда на остров Жатт. Делаю глубокий вдох, пытаюсь обрести спокойствие: оно мне понадобится, чтобы пережить ждущее меня испытание. Толкаю дверь офиса, и время на мгновение останавливается. Я улавливаю эмоции окружающих: неловкость, участие, жадное любопытство. Потом все вокруг начинают двигаться в ускоренном ритме, словно желая наверстать упущенное. Взгляды присутствующих устремляются на меня — как бы между прочим: вежливое безразличие, радость от новой встречи, кивки, приветствия, улыбки. Ролевые игры. Натужные усилия.

Они знали, что я выхожу этим утром на работу, хотели меня видеть, искали на моем лице, в манере держаться следы пережитой драмы. Они — коллеги отца жертвы. Это дает им привилегии.

Привилегию комментировать, рассказывать: «Видел Даниеля, ужасно выглядит!», «Совершенно подавлен», «Хорошо держится», «Какое мужество!», «Бедняга так похудел»...

Я все стоически переношу. Минимум информации. Улыбка в ответ, сдержанное приветствие. Но время караулит за углом, а коридор кажется бесконечным. Шагнуть вперед, улыбнуться, еще шаг, кивок, новый шаг, глоток воздуха... И вот наконец дверь моего кабинета. Поворачиваю ручку, вхожу. Знакомый, привычный запах действует как удар под дых, я падаю в кресло, ослабляю галстук. Ничего не изменилось. Папки лежат там, где я их оставил.

На столе — план работы и записочки. Сцена совершенно ирреальная. Я смотрю, и мне кажется, что она относится к совершенно другому времени, такому давнему, где меня забыли. Я как будто на мгновение вернулся назад. В один из мартовских четвергов. Телефон не зазвонит. День

закончится, и я вернусь домой, к жене и сыновьям.

Но чудесная греза тут же отталкивает меня, я снова в кабинете. Я здесь чужой. Напоминаю артиста, стоящего на сцене, среди декораций, после спектакля. Некто похожий на меня работал здесь, из кожи вон лез, чтобы протолкнуть свои идеи, достичь своих целей, быть оцененным одними и внушить страх другим. Этот некто играл в жизнь. Не я. Я здесь не жил. Был всего лишь элементом системы, которая могла бы обойтись и без меня — и обошлась. Я выжил в кораблекрушении и смотрю, как уходят под воду обломки корабля. Да, была жизнь, и я в ней участвовал. Да, случилась драма. Да, я выжил. Нет... это был не я. Прежний я умер в тот самый день.

Мне здесь больше нечего делать. Нужно встать и выйти. И не возвращаться. Но я не могу. Нужно заняться работой, сделать вид, что прихожу в себя. Это часть моего плана.

Легкий шум за дверью. Появляется Беранжер с чашкой кофе:

— Здравствуйте, Даниель.

Она, наверное, не сразу решилась войти, пыталась «сделать» лицо, мысленно настраивала голос на нейтральный тон. Ее выдают руки и легкое подергивание в уголке рта у верхней губы.

— Здравствуйте, Беранжер.

— Рада вас видеть.

— Спасибо.

Она ставит передо мной чашку, расплескав немного на блюде. Неловкое движение пробивает брешь в хрупкой броне самообладания. Она на мгновение поддается панике, не сразу осмеливается взглянуть на меня, снова опускает глаза, краснеет и спрашивает, пытаясь справиться с собой:

— Как вы?

Она тут же пожалела о своем вопросе, прикусила губу и не ждет ответа.

— Я добавила немного сливок, как обычно.

— Спасибо.

Она выпрямляется, идет к двери, но на пороге оборачивается. В глазах у нее стоят слезы.

— Мне так жаль, Даниель. Я хотела сделать вид, что все... нормально. Но... мы все так...

— Спасибо, Беранжер.

Она удивлена холодностью моего тона. Хочу, чтобы она ушла. Исчезла, пока моя ярость не выплеснулась наружу. Я ненавижу ее за эти слезы. Я не нуждаюсь в слезах!

Я вернусь к этой чертовой работе. Буду продавать что скажут, находить креативные концепты, придумывать гениальную рекламу и уморительные слоганы, обедать с клиентами, улыбаться... буду играть свою роль!

Я просматриваю расписание. Совета директоров не будет. Мой патрон, Салливан, избавил меня от этого испытания. Предпочел более интимную встречу за обедом. Воображаю, как он принимал это решение. Придумал две или три красивые фразы — настолько красивые, чтобы я оценил его человечность. Витиеватые тирады, возвышающие его над другими смертными с их мелкими, приземленными интересами слова докажут, что он по праву занимает свою ступеньку иерархической лестницы. Он мысленно отрепетировал сцену: отеческая, покровительственная манера, несколько слов утешения, быстрый переход к обсуждению рабочих дел, жизнь продолжается, работа лечит, у меня все впереди, доверие коллег, борьба за инвестиции.

Я всегда ясно видел ничтожность одержимых властью и богатством людей. Единственный полезный навык, оставшийся от бурной молодости. Он позволял мне быстрее перестраиваться, различать истинные мотивации всех и каждого. Трудная или позолоченная молодость, некрасивость, недолюбленность, комплекс неполноценности или превосходства, потребность в признании и жажда власти, желание любви и восхищения. Типические, легко разгадываемые схемы. Большинство не голодали. Они никогда не боялись ни нужды, ни побоев. Они всегда умели спланировать свою жизнь, научился это делать и я: повышение, комфорт, статус, умение подбирать слова, нужные знакомства, знаки отличия и иногда — круг чтения.

Я, в отличие от них, двигался вперед, чтобы не упасть. Как велосипедист на проволоке на высоте пятидесяти метров над землей. Я изжил свой страх, прежде чем заняться делом.

Мелкие начальники — честолюбивые, заносчивые, у них одно желание — видеть в глазах подчиненных отражение своей власти. Я в конечном итоге нашел решение: нужно как-то изловчиться и попытаться их уважать — во всяком случае, настолько, чтобы возникло желание взять над ними верх. Вот так, незаметно, я уподобился им, а потом стал одним из них. Так было до того дня, когда...

* * *

На моем столе стоит фотография в рамке.

Помню тот день, когда Бетти дала мне ее. В этом жесте было столько веселой подначки, что я не смог отказаться.

«Кабинет, семейное фото», — с юмором произнесла она. Я не сразу достал рамку из кейса, но глаза сыновей на снимке согрели мне душу и решили дело. Я признал правоту жены. Ирония. Ирония как смазка, чтобы было проще уговорить себя. Я не был одним из идиотов, бахвалящихся трофеями. Я был отцом семейства — счастливым и ироничным.

Жером смотрит со снимка так, словно хочет привлечь мое внимание. У него отрепетированная улыбка и «специальное» выражение лица, прядь светло-каштановых волос изящно падает на глаза. Тонкие черты, нежный рот — почти женская красота. Пьер выглядит гораздо уверенней, у него вид победителя. Он очень похож на старшего брата, только лицо жестче — сразу видишь, каким он станет, когда повзрослеет. Я вдруг осознаю, что почему-то никогда не представлял себе Жерома взрослым.

За спиной Пьера и Жерома стоит Бетти, ее нежная красота светится в ласковом взгляде. Бетти — идеальная жена и идеальная мать. Она всегда выглядела неуязвимой, казалось, никакая сила не способна омрачить ее милое лицо и стереть с него счастливую улыбку.

Фотография образцовой семьи.

Трофей. С чего я взял, что отличаюсь от остальных? Почему поддался гордыне и счел, что ирония может стать образом жизни?

Фотография на моем столе — свидетельство моего поражения.

Жан

Человек приставил дуло пистолета ко лбу бродяги, и холодная сталь разбудила его. В первый момент он подумал, что ему снова приснился кошмар. Тот самый, что терзал его все последние годы. Но головная боль, пульсирующая в висках кровь, ужасный вкус во рту свидетельствовали, что он проснулся и все происходит наяву.

Бродяга попытался отодвинуться.

— Твое имя? — спросил человек с пистолетом.

Бродяга сдвинул брови. Стоявший перед ним мужчина в черной одежде был высоким и крепким, лыжный шлем с прорезями для глаз скрывал лицо. За его спиной стояли еще двое: один — маленький, тщедушный, одетый, как и главарь, во все черное — нервно следил за улицей, второй, среднего роста, спокойно наблюдал за происходящим, положив руку на дверцу грузовичка.

— Твое имя! — повторил главный и придвинул оружие к лицу бродяги.

Тот улыбнулся и сказал, помедлив мгновение:

— Поэт. Так меня тут называют. В самом начале я разговаривал сам с собой и плакал. Когда человек плачет, бормочет, смотрит на мир выцветшими голубыми глазами и ведет себя тихо, улица считает его поэтом. Люди лишены воображения.

— Назови свое имя! — приказал бандит.

— Жан Ларив. Хотите увидеть мои документы?

Он кивнул на лежавший рядом с ним мешочек. Мужчина с пистолетом схватил его, достал удостоверение личности, проверил и повернулся к сообщнику. Тот пожал плечами и знаком подозвал третьего. Тот взглянул на документ и посветил фонариком в истощенное, заросшее бородой лицо Жана.

— Довольно, прекратим бесполезную игру. Вам нужен именно я, — спокойно произнес тот.

Короткое мгновение человек с фонариком изучал лицо Жана, потом кивнул, вернулся к машине и открыл заднюю дверцу.

— Долго же вы меня искали, — съязвил бродяга, пытаясь справиться со страхом. — Разочарованы? Не ожидали увидеть жалкого пьяницу?

— Поднимайся! — велел главарь.

Жан не пошевелился. Он хотел умереть здесь, среди грязных коробок.

— Заткни пасть и вставай!

— Я никуда не пойду, убивайте прямо тут.

Ему показалось, что человек в маске колеблется, не зная, как поступить.

— Не беспокойся, сюда никто не заходит, — со смешком успокоил Жан. — Во всяком случае, в это время суток. Можешь меня замочить, ни одна собака не услышит.

— Если не подчинишься, твоим родным не поздоровится! — взорвался его собеседник.

Жан вздрогнул. Его родные?

— У меня никого нет, я один как перст, — неуверенно пробормотал он.

— То, что ты бросил своих, еще не означает, что они исчезли. Мы легко их отыщем.

У Жана закружилась голова, и дело было не в похмелье.

— Не трогайте их! — закричал он. — Они совершенно ни при чем.

— Не тронем... если пойдешь с нами.

Жан встал.

Третий член группы уже сидел за рулем. Вооруженный главарь надел Жану наручники, заткнул рот кляпом, натянул на голову капюшон и швырнул в грузовик.

— Ну вот и все, подонок! — буркнул он.

Даниель

Мои глаза скользят по страницам газеты. Читать не хочется. Не хочется пить кофе. Не хочется смотреть на измученное усталостью лицо Бетти. После похорон мы ни разу не посмотрели друг другу в глаза.

Небрежно сколотые волосы и мятый халат говорят о том, в какое беспомощное состояние впала Бетти. Она не следит ни за одеждой, ни за лицом. Погружается в пучину своего горя, тонет в нем.

Бетти стоит у плиты, скрестив руки на груди, и делает вид, что караулит молоко.

Время от времени она бросает на меня взгляд исподтишка, отмечает, как я одет, как веду себя, и это подпитывает ее ненависть. Она ненавидит меня за то, что я не выставляю свою боль напоказ и не погружаюсь в пучину отчаяния на пару с ней. За то, что я вернулся к работе. Я хотел бы рассказать жене о своем бессилии и о той пародии, которую вынужден разыгрывать, но молчу. Чтобы защитить ее.

Она поймет — потом, позже.

Я переворачиваю страницу и едва не захлебываюсь от ярости: мой враг, чудовище, погубившее Жерома, что-то вещает, брови грозно насуплены, указательный палец, как перст указующий, поднят к небу. Фотография самая четкая из всех, что я прежде видел. Мои руки сжимаются в кулаки, глаза прожигают газету насквозь, я почти не дышу, как будто хочу шагнуть на снимок и оказаться рядом с ним. Встать напротив. Мне знакома каждая черта его лица. Я видел только фотографии, но он живет в моем мозгу. Я «озвучил» его, наделил манерой держаться, криком, словечками, ругательствами. Уверен, что угадал. Я не оскорбляю и не проклинаяю его. Не трачу попусту свой гнев — пусть копится, сгущается и ждет своего часа.

* * *

В кухне появляется Пьер, прерывая мои мучительные размышления.

— Привет, па, — произносит он противно-тягучим голосом.

— Привет.

Я обнимаю его, глажу по спине, пытаюсь притянуть к себе, но он не дается.

— Привет, ма.

Он ждет, что она обернется, делает вид, что ищет что-то в ящике рядом с ней, но в конце концов сдается, садится и упирается взглядом в стол.

Мною овладевают гнев и печаль. Как она может настолько не замечать сына? Он избегает меня, но жаждет общения с матерью. Пьер не раз слышал, как после случившегося Бетти в припадке злобы и страдания жестоко упрекала меня. Неужели он тоже считает виноватым меня? Пьер выбрал сторону матери. Возможно, он хочет ее утешить, но Бетти этого не видит, она просто не способна на проявление чувств.

Боль разделила нас. Разбросала по параллельным вселенным, и мы живем бок о бок, но не способны ни помочь друг другу, ни утешить. Страдание пожирает наши силы и энергию. Потому-то я и прилагаю столько сил, чтобы держать Бетти на расстоянии. Я должен поддерживать свою волю всеми силами и способами.

Моя жена ставит перед Пьером горячий шоколад. Рассеянно гладит по волосам и протягивает ломтик хлеба. Пьер не реагирует — сидит и смотрит на чашку. Он как будто дуется. На лице Бетти написано раздражение.

Внезапно я понимаю причину замешательства сына. До Бетти тоже доходит. На фаянсовом боку округлыми буквами написано имя — Жером. Бетти хватает чашку, начинает переливать шоколад в «правильную», но у нее так дрожат руки, что ничего не выходит. Она швыряет обе чашки в мойку, мгновенно устыдившись своего жеста, беззвучно плачет, пытается собрать черепки от чашки Жерома, у нее ничего не выходит, и она выбегает из кухни.

Пьер так и не шелохнулся. Его щеки мокры от слез.

Я склоняюсь над ним, хочу положить руку на плечо.

— Ничего, Пьер, ничего.

Он отшатывается и молча уходит к себе.

Я смотрю на лежащую на столе газету: шейх Фейсал указывает на меня пальцем.

Статья называется «Новые подстрекательства». Больше я ничего прочесть не могу — в глазах стоят непролившиеся слезы.

* * *

Я встретил Бетти на вечеринке по случаю дня рождения, на который мы с друзьями приглашены не были.

День рождения был ее.

Мы приоделись для выхода: костюм-тройка, рубашка с воротником-стойкой и лакированные мокасины. Мелкая шпана из предместья, собравшаяся на ночную прогулку.

Мы отправились из Лиона в Вильфранш на дискотеку, где обычно праздновали удавшиеся мелкие кражи, решили не ехать по окружной, заблудились в Мон-д'Ор, а в довершение всех бед машина заглохла. Мы вышли, оставив Реми колдовать под капотом.

Вид нашего старенького «пежо» оскорблял пейзаж с вписанными в него роскошными виллами. Мы покуривали, привалившись спиной к ограде дома, стоявшего в глубине ландшафтного сада. Теплый вечер был напоен ароматами свежей зелени.

— Черт, парни, я чую запах денег! — бросил Бартоло.

— Не стоит нам тут светиться, — ответил его кузен Витто. — Если кто-нибудь нас заметит, тут же вызовут легавых.

— И что? — отозвался Набиль. — Мы ничего не сделали.

Тут в разговор вступил Реми:

— Парни, я бессилён — головка блока цилиндров полетела.

Мы принялись обсуждать случившийся облом, решая, как будем продолжать вечер, и Витто кивнул на стоявший в конце улицы дом:

— Смотрите, там вроде праздник.

У ворот с кичливой позолотой остановились две тачки, из них вышли смеющиеся парни и девушки. Автоприемник замолчал, и легкий вечерний бриз донес до нас приглушенные басы мелодии диско.

— Можем рискнуть и войти, — предложил Витто.

— Хочешь потанцевать с богатыми? Да они нас и на порог не пустят! — Бартоло был настроен скептически.

— А мы не будем спрашивать разрешения! Войдем — и всё. Прикид у нас подходящий, так что все прокатит. Давайте рискнем!

Идея показалась нам абсурдной. Мы, мелкие хулиганы из квартала Ле-Тотем, пробуем просочиться на вечеринку? Да не просочиться, а войти через парадный подъезд! Обычно двери таких домов мы взламывали.

Окончательное решение принял, как обычно, Соломон:

— Чем мы рискуем? В худшем случае будет драчка. Вперед!

Никто никогда не оспаривал вердиктов Соломона. Его главенство в нашей банде вначале основывалось на исключительной физической силе, но очень скоро и как-то незаметно отношение Соломона к нам утвердило

эту роль вожака. Мы были его семьей, его братьями и чувствовали, что он готов отдать за нас жизнь.

Перед домом мы на несколько минут остановились поболтать и перекинуться парой шуточек, после чего без малейших затруднений попали внутрь.

Мы здоровались и кивали тем, кто оборачивался при виде нас, и, как это ни странно, очень быстро оказались в большой гостиной, где шло веселье.

Обстановка была роскошная: высокие потолки, дорогие люстры, изящная мебель, картины на стенах, абстрактная скульптура.

Шикарной была и гулянка: элегантные молодые люди разговаривали с нарядными, красиво причесанными девушками, стойка ломилась от разнообразнейших закусок, слуги в ливреях разносили напитки, звучали мелодии диско и классика рока.

С восторгом маленького Гавроша, попавшего в магазин игрушек, я открывал для себя эту роскошь, этот достаток, эту беззаботную веселость. Мелкому хулиганью из предместья все происходящее вокруг казалось чистым сюрреализмом.

— Черт, Витто, заткни пасть, — рыкнул Бартоло. — Мы из-за тебя засыплемся!

Впрочем, одежда и манера держаться уже нас выдали. Кое-кто из гостей с удивлением комментировал наше присутствие в доме.

— Может, попробуем проскользнуть в комнаты, поглядим, есть ли чем поживиться? — предложил Витто.

— Забудь. Судя по их взглядам, легавые уже в пути, — ответил Набиль.

Собравшиеся смотрели на нас с высокомерным презрением. Мы не принадлежали к их среде, и наш так называемый «хороший вкус» в одежде не только не помог нам слиться с остальными гостями, но сразу нас выдал.

Я взбесился из-за того, что нас так быстро раскрыли, и мне захотелось бросить вызов этим жалким снобам, смутить их, мои друзья чувствовали то же самое. Гости перестали танцевать и тихо переговаривались.

В этот самый момент и появилась Бетти. Красотка в коротком платьице, подчеркивавшем безупречность ее хрупкой фигуры. Черные волосы обрамляли идеальный овал лица. Зеленые глаза смотрели недоверчиво и дерзко.

— Думаю, я вас не приглашала, — бросила она, пытаясь говорить твердо, но я различил в ее голосе опаску.

Витто уже готов был пуститься в наглые лживые объяснения, но я его опередил:

— Не приглашали. Мы ехали мимо вашего дома, у нас сломалась машина, мы увидели, что у вас тут веселье, и понадеялись, что никто нас не вычислит.

Я вдруг успокоился, загипнотизированный взглядом бездонных глаз Бетти: казалось, она видит мою душу до самого дна и выискивает там оправдание для незваных гостей. Много позже она призналась, что влюбилась в меня в тот самый момент — из-за нахального, самоуверенного вида и детской улыбки, предложенной в качестве извинения.

— Не вычислят? — переспросила она. — В таком виде?

Я же понял, что хочу ее, когда она смерила пренебрежительным взглядом мой «выходной» наряд. Бетти была драгоценнейшим из сокровищ этого дома, и во мне сработал рефлекс закоренелого воришки: я хотел присвоить ее и утвердить свое превосходство над розоволицыми ломаками с делаными манерами, которых она позвала на свой день рождения.

— А в чем дело? Что не так с нашими тряпками? — возмутился Реми. — Они фирменные, по полтиннику за штуку!

Бетти едва заметно улыбнулась, но глаз не отвела.

Я понял, что в ее отношении нет ни капли враждебности. Только желание утвердиться.

— Ну да, мы из разных миров, — признал я. — Для нашего мы отлично одеты. А в вашем... кажемся белыми воронами. Если хотите, чтобы мы ушли, проблем не будет.

Мой мягкий тон и сговорчивость удивили Бетти, мгновение она колебалась, глядя мне в глаза и оценивая намерения.

— Знаете что, если обещаете вести себя прилично, оставайтесь, — наконец решила она. — Можете выпить по стаканчику и вызвать техпомощь.

— Техпомощь? — шепотом изумился Реми. — Сказала бы еще — такси!

— Не тревожьтесь, мы хорошие ребята, — ответил я.

— И никогда не покушаемся на собственность тех, кто приглашает нас в гости, — счел нужным добавить Набиль.

— Да, мы тоже получили кое-какое воспитание, — вмешался я, чтобы перевести его слова в шутку.

Бетти сдвинула брови и скорчила очаровательную гримаску на манер голливудских актрис, которые на пресс-конференции смеются любой шутке журналистов.

— Что у вас за банда? — спросила она.

— Банда друзей, поклявшихся до конца дней относиться друг к другу по-братски, — с вызовом бросил Витто, обняв нас с Реми за плечи огромными лапищами.

— Очень трогательно... — кратко прокомментировала Бетти, и я различил в ее голосе не только насмешку, но и интерес.

Она оставила нас и вернулась к гостям. Мы пили и обсуждали их тряпки и манеру танцевать, их спесь и красоту некоторых девушек. Как только зазвучали первые аккорды рока, мои друзья бросились приглашать тех, кого заранее высмотрели. Возник момент неловкости, девицы колебались, их кавалеры злобно на нас поглядывали, но достаточно было согласиться одной, самой отчаянной, и ее примеру последовали остальные.

Реми, Бартоло, Набиль и Витто мгновенно стали королями танцпола, другие пары почувствовали себя смешными (некоторые именно так и выглядели) и образовали вокруг них круг. Этот танец стал суператтракционом, что явно обрадовало Бетти, и она подошла ко мне.

— Не хотите меня пригласить?

Контраст между претенциозным «выканьем» и банальностью предложения показался мне старомодным и прекрасным. Я привык общаться с девушками, которые не стеснялись в выражениях, всем тыкали и не гнушались крепкого словца.

— Не танцую, мне очень жаль, — ответил я.

— Хоть попытайтесь, мне ужасно хочется танцевать! — Бетти прикинулась обиженной и надула губки, как маленькая девочка.

— В танцах я не силен; зато умираю от желания заняться с вами любовью. Но вы вряд ли согласитесь.

Она расхохоталась, и ее смех уподобился сладкому вину, согревшему мне душу и тело. Я жаждал взять ее лицо в свои ладони и коснуться губами ее губ. Я хотел владеть этим смехом, этим ртом и этими глазами. Во мне открылась какая-то дверца, и свежий воздух прогнал все наносное, обнажив мою истинную натуру. Я понял, что создан для любви и уже никогда об этом не забуду.

— Элизабет! — представилась она и протянула руку.

— Даниель, — ответил я, схватил Бетти в охапку и притянул к себе.

— Вы торопитесь, — шепнула она, когда мы оказались лицом к лицу друг с другом.

— Проблема в том, что я не знаю, как себя с вами вести: впервые в жизни знакомлюсь с Элизабет, хотя Бетти встречал — и не одну.

— А знаете, я терпеть не могу свое имя, — доверительным тоном сообщила она. — Бетти? Мне нравится!

Она со мной кокетничала.

— И я впервые выкаю девушке, которая мне нравится, — признался я. — У нас мало общего, но нас друг к другу... тянет.

— Какое самомнение! Вы всегда так прямолинейны?

— Частенько. Но тут особый случай. Если не скажу, что чувствую, упущу свой шанс: как только вечер закончится, вы вернетесь в свой мир, к вашим друзьям и забудете обо мне.

— Кто знает? — рассмеялась она.

Ее вопрос прозвучал как обещание.

* * *

— Алло, кто говорит?

Его голос несколько не изменился, как будто время над ним не властно, я словно наяву вижу его лицо, каким оно было двадцать лет назад.

— Соломон?

— Кто его спрашивает?

— Даниель.

— Думаю, вы ошиблись.

Узнаю осторожного пройдоху.

В трубке тишина. Он хочет услышать «пароль».

— Даниель Леман... Квартал Ле-Тотем.

Я угадываю его удивление по короткой паузе, которая на мгновение сближает нас.

— Привет, Дани. Сколько лет... Откуда у тебя мой номер?

Соломон не был бы Соломоном, не задай он этот вопрос.

— Мне нужно с тобой увидеться.

Он отвечает не сразу:

— Я знаю, что случилось, Дани.

Соломон понял, зачем я звоню.

Я вешаю трубку: встреча назначена. Нервное напряжение, обручами сжимавшее тело, ослабевает. Мне стало немного легче.

Я наконец начинаю действовать.

* * *

— Папа, смотри!

Он делает несколько танцевальных па. Нечто среднее между джерком и хип-хопом.

Мой сын очень способный. Я всегда поражался тому, как он владеет телом. Любые физические упражнения и усилия были ему по плечу. Помню, как он впервые сел на двухколесный велосипед и сразу поехал — сам, без посторонней помощи. Решил — и сделал. А еще он элегантен от природы. Каждая его поза выглядит выверенной, отработанной.

— Кто научил тебя танцевать?

Он молча опускается на стул.

— Как-то раз, три или четыре года назад, ты спросил, каким спортом мы хотели бы заниматься.

— Помню, я задавал вам этот вопрос каждый год, в сентябре.

Он кивает.

— Ты ответил — футболом, как и твой брат.

— Да, правда.

Он пожимает плечами:

— Я боялся разочаровать тебя. На самом деле я хотел учиться танцевать.

Я потрясен его признанием.

— Нужно было сказать!

— А ты бы согласился?

— Конечно! Сам знаешь, я не фанат футбола, даже не смотрю матчи по телевизору! Разве что самые важные встречи.

Он на мгновение задумывается.

— Забавно... Иногда такого себе напридумает... Я думал, ты надо мной посмеешься: парень — и вдруг танцы! Вообще-то я не собирался заниматься классическим балетом, мне больше нравился хип-хоп... но так и не решился признаться.

Мы молчим. Он сидит, прислонившись спиной к стене дома.

— Ты пишешь, папа?

Я вздрагиваю.

— О чем ты?

— Ты ведь всегда мечтал быть литератором.

Он поднимает глаза и отвечает на мое немое изумление:

— Я знаю некоторые вещи — непонятно откуда. Мне известно, что ты хотел стать писателем.

— Да нет, я просто хотел писать.

— Так почему никогда не пытался?

Я вспоминаю самое начало нашей с Бетти совместной жизни: мы в моей комнате, ужасно хочется есть, но я не могу оторваться от книги и воображаю, как однажды возьмусь за перо и положу на бумагу историю. Мою историю.

— Я было начал. Написал... всякие глупости. Но мне нужно было работать, зарабатывать на жизнь. Вышло так, что я потерял ее в гряде дел. Вот так. Время проходит, унося с собой наши мечты. Наверное, я просто не мог рассказать ничего интересного. Только страдания делают человека настоящим писателем.

— А теперь?

Не уверен, что понимаю точный смысл его вопроса. Не дождавшись ответа, он продолжает:

— Мне очень нравились твои истории. Ты рассказывал их мне перед сном и в машине, когда мы отправлялись на каникулы.

— Придумывал не я, а мы вместе.

— Да, конечно, ты начинал, а мы должны были продолжить. Маме это нравилось. Она никогда ничего не могла придумать. Помнишь, как мы смеялись? Особенно в конце, когда получалось бог знает что!

Мне кажется, что голос Жерома доносится откуда-то издалека. Так бывает в горячечных снах, в которых чередуются отрывистые звуки и смутные образы. Я осознаю странность ситуации. Почему он рядом? Почему время от времени приходит на закате поговорить со мной? И почему я никогда не удивляюсь его появлению?

Значит, жестокие, бесчеловечные события вытолкнули меня за пределы жизни. Я больше не от мира сего. Случилось невозможное, разметав в клочья основу, на которой я выстроил логику своего существования. И слова — носители образов, ценностей, смыслов — начинают размываться. Возможно, однажды они снова обретут форму, но уж точно не в тех местах, куда я их поставил.

Не знаю, угадал Жером мои мысли или нет, но он встал:

— Ложись спать, папа. Тебе завтра на работу.

Я улыбаюсь:

— Ты же не запретишь мне бодрствовать?

Он улыбается в ответ:

— Мне иногда кажется, что мы поменялись ролями. И это я должен тебя защищать.

Я содрогаюсь:

— Защищать меня? Но от чего?

— Иди в дом и возьми книгу, — вместо ответа говорит он. — Я давно не видел, чтобы ты читал. А ведь писателям положено читать.

Он машет мне рукой и исчезает. Еще мгновение я чувствую его присутствие рядом с собой и пытаюсь во что бы то ни стало наполнить им душу.

Когда я решаюсь вернуться в дом, свет в гостиной уже не горит. Бетти отправилась спать.

Я продвигаюсь на ощупь, ищу светильник. Натыкаюсь левой рукой на край столика, касаюсь какого-то предмета и едва не роняю тяжелую лампу. Зажигаю свет и вижу книгу. Джон Фанте, «Спроси у пыли». Мое первое потрясение от чтения.

Книга стояла на стеллаже. Может, Бетти взяла полистать и забыла поставить на место? Нет, она так не делает.

В рассеянном свете лампы мне чудится улыбка Жерома.

Жан

Комната была обставлена по-спартански: кровать, стол, стул, отгороженный туалет и маленькая душевая кабина. Дорога заняла сорок пять минут. Потом они волокли его по лестницам, втолкнули в квартиру, отвели в комнату и только тогда сняли с головы капюшон и вынули кляп. Он увидел двоих похитителей.

Здоровяк кинул его на кровать, сел сверху и расстегнул наручники.

Потом оба сняли капюшоны. Как Жан и думал, лица у них были восточного типа.

Здоровяку он бы дал лет двадцать. Темные глаза, густые брови и тонкогубый рот. Он выглядел нервным и агрессивным. Второй — того же возраста, пониже ростом, почти тщедушный, с мягким взглядом. Он старался не смотреть на заложника и словно бы сожалел о его присутствии в комнате.

Они говорили друг с другом по-арабски. Жан запомнил имена: здоровяка звали Хаким, другого — Лахдар. Акцент он определить не смог.

— Раздевайся, — приказал Хаким. — Одежду положишь в мешок. Вымойся. От тебя воняет, как от бродячего пса!

Лахдар протянул Жану мешок для мусора, Хаким держал его на мушке.

Жан не имел ни малейшего желания сопротивляться. Что это даст? Он должен смиренно пройти свой путь до конца.

Жан начал раздеваться. Хаким наблюдал за ним с явным отвращением, Лахдар смотрел в пол.

Кожу Жана покрывали темные пятна и струпья, от него исходило зловоние. Хаким отвернулся, когда он снимал кальсоны, и Жан незаметно спрятал под матрас кожаный мешочек, который носил между свитером и тенниской. От страха он почти не дышал.

Хаким кивком указал на душевую кабину.

Горячая вода и ароматное туалетное мыло принесли облегчение. В городских душевых, куда он иногда заходил помыться, особого комфорта не наблюдалось: требовалось мужество, чтобы мыться холодной водой в компании других бродяг.

Когда Жан вышел, Лахдар протянул ему полотенце. Мешок с его

одеждой исчез, на кровати были разложены трусы, джинсы и белая майка.

При мысли, что умрет чистым, Жан улыбнулся.

Он оделся, и Хаким пристегнул его руку к спинке кровати.

— Отдыхай, — насмешливо бросил он. — Тебя ждет ад, так что силы понадобятся.

Они вышли, оставив Жана одного в темноте.

Он не боялся смерти. Она была частью его истории, он почти привык к мысли о ней. Жан не собирался добровольно сдаваться курносой на милость, но к встрече был готов. Живя на улице, он регулярно напивался, но топил в спиртном не мрачное будущее, а демонов и призраков прошлого.

Он знал, что однажды к нему явятся ангелы его персонального апокалипсиса. Оставалось дожидаться, глядя на небо. И пить, чтобы обмануть время и смешать воедино часы и литры, дни и ночи, кошмары и галлюцинации. Пить, чтобы забыть тот проклятый день, когда он должен был...

Он не поддался навязчивой идее: под рукой не было лекарства — бутылки.

Даниель

Он сидит у двери, лицом к залу. Соломон похудел, волосы у него поредели. Черты лица кажутся более заурядными, но вид по-прежнему волевой и жесткий.

Любая шантрапа умеет распознавать истинную силу и никогда не судит о человеке по внешним признакам и проявлениям. Истинная сила скрыта во взгляде. Неистовый огонь в глазах говорит о решимости и жестокости человека, а иногда и о том, какой ад заключен в его душе и вырывается наружу при первых признаках противостояния, сметая все чувства, стирая улыбки, морщины и гримасы. Два настоящих подонка вступят в схватку друг с другом только в самом крайнем случае, если их к этому вынудят. Во всех иных ситуациях они с первого взгляда оценят авторитет, силу и историю противника, и один отступится — не чувствуя себя побежденным и не испытав позора.

Мы обмениваемся рукопожатиями, и он притягивает меня к себе, чтобы обнять. Я прижимаюсь к его крепкому телу и неожиданно успокаиваюсь.

Он заказывает нам кофе. Несколько мгновений мы молча вглядываемся друг в друга. Он, как и я, вспоминает прошлое.

Я нарушаю неловкое молчание:

— Ты не слишком изменился.

Соломон выслушивает комплимент и подмигивает.

В обычной ситуации каждому было бы о чем рассказать другому и каждая фраза наверняка начиналась бы со слов «А ты помнишь тот день, когда...». Но не теперь.

Внезапно его лицо каменеет.

— Я очень горевал, Даниель.

Я коротко киваю.

— Они не люди, — продолжает он. — Человек смотрит врагу в лицо и дерется на равных. Не нападает на невинных, на детей. Как изменился мир, черт бы его побрал! Мы были шпаной, но соблюдали правила. Знали, что такое честь. Да у меня больше уважения к худшему из врагов, чем к вождю этих мерзавцев.

Он говорит о «нашем мире» и «наших правилах» так, словно я никогда не покидал банду. Его слова утешают меня, воссоздавая основу моей

жизни, какой бы хрупкой она ни казалась. Но они же и ранят, напоминая, сколь глубоко мое беспамятство и неблагодарность. Я покинул Соломона и остальных, чтобы сочинить для себя новую жизнь. Я вычеркнул их из моей истории. Но я позвал, и Соломон пришел, как будто мы виделись только вчера. И я снова чувствую принадлежность к этой своей семье — давней и надежной. Неужели есть на свете структура — реальная, хоть и неосязаемая, — способная подхватить мои гниющие на солнце останки?

— У меня никогда не было врагов, Соломон. В юности мы просто развлекались. Мы были безумны и жаждали свободы, но ни с кем конкретно не враждовали. Сегодня у меня появился настоящий враг.

Он задумчиво кивает:

— Я догадываюсь, зачем ты здесь. Ты готов совершить ужасную глупость, Дани. Эти люди думают не как мы. Хочу, чтобы ты знал: я тебе помогу. Во всем, без всяких условий. Но что бы ты ни задумал, это безумие. Что тебе о них известно? Ты собрал информацию? Легавые всех стран пытаются их отловить, но не преуспели, так почему должно получиться у тебя?

Вчера мы были друзьями, братьями, сообщниками. Готовыми пожертвовать жизнью за друзей. Реми, Набиль, Витто, Бартоло и я составляли маленький замкнутый клан. Вокруг нас крутились другие мелкотравчатые негодяи, они участвовали в наших делах по необходимости или сродству душ. Соломон всегда был самым решительным, умным и умелым. Когда мы планировали кражу или стычку с другой бандой, он давал нам высказаться насчет деталей, даже поспорить, потом прерывал обсуждение, выдавал решение, и мы его не обсуждали.

— Мне нужно... оборудование.

— И только?

— И только.

Он вздергивает брови:

— Ты один?

Я киваю.

— Совсем рехнулся! — восклицает он. — У них наверняка мощная разветвленная организация...

— Не беспокойся, я знаю, что делаю. — Мой голос звучит твердо.

— Думаешь, я дам тебе в одиночку ввязаться в такое опасное и скользкое дело? Я всегда прикрывал ваши тылы!

— То было раньше, Соломон. Теперь нет ни банды, ни вожака. Только ты и я. И я прошу тебя оказать мне эту услугу.

Я оскорбил Соломона, низведя его до уровня обычного поставщика

оружия. Он смотрит на меня не отрываясь, пытается угадать мои мысли. Он пока ничего не решил. Прикидывает риски, оценивает мою решимость, взвешивает, можно ли меня переубедить.

Соломон подносит чашку ко рту и медленно допивает кофе, по-прежнему не спуская с меня глаз, потом наконец спрашивает:

— Что тебе нужно?

* * *

Банда друзей сложилась в нашем квартале.

Я жил вдвоем с отцом. Он был честным, порядочным и славным человеком и пытался воспитывать меня в перерывах между двумя приступами депрессии. Мы с ним редко разговаривали. Он наблюдал за мной, думая, как установить контакт со смышленным, но скрытным ребенком. Я видел, что он пытается выразить свою привязанность, понимал его умолчания, но не знал, что чувствую сам — сыновнюю любовь или сострадание. Я справлялся лучше его, потому что знал в этой жизни только разлуку: мама умерла от рака, когда мне было два года. Отец же лелеял свою печаль, то и дело сравнивая нашу нынешнюю жизнь с прежней.

В детстве я сам вставал по утрам, сам завтракал, один шел в школу, обедал в буфете, делал уроки на продленке, возвращался домой, сам готовил ужин, после чего присоединялся к ребятам, которые собирались на лестницах. Нас тогда было много, но настоящими моими друзьями стали Соломон и Реми, а позже — Витто, Бартоло и Набиль. Мы вшестером играли, спорили, вместе выкурили наши первые сигареты. Как родилась эта близость, как стала такой сильной наша привязанность, почему я полюбил именно их? Мне трудно это объяснить. Помню только, что мы были детьми, но воображали себя взрослыми и застенчиво делились друг с другом невзгодами, трудностями и твердым намерением изменить жизнь.

Вырваться за пределы означало для нас найти повод для веселья, испытать сильные эмоции и заработать денег. Деньги и девушки занимали нас тогда сильнее всего.

Найти подход к девушкам из квартала было нетрудно: мы знали, как с ними разговаривать, им нравились наши повадки рано повзрослевших хулиганов, наши мопеды, а потом и машины, на которых мы возили их в город выпить по стаканчику.

Деньги приходилось добывать там, где они водились. Мы начали воровать в магазинах подержанных вещей и у своего же окружения — в основном диски и тряпки. Позже мы стали навещать богатые кварталы, охотясь на велосипеды, неосторожно оставленные хозяевами в саду или на лестничных клетках. Это было очень легко.

Когда мы попадались, нам устраивали выволочку в комиссариате и отпускали, а если прегрешение было серьезным, полицейские вели нас домой, к родителям. Мы с Соломоном всегда честно называли свои имена, потому что не боялись предков, а вот Бартоло, Витто, Набиль и Реми рисковали получить несколько хороших затрещин — это в лучшем случае! В худшем их могли сильно избить или даже выпороть ремнем. Соломон ничем не рисковал, потому что был старшим из шести детей в семье, где мать с отцом не работали и жили на незаконные доходы сына. Моего отца целый день не было дома, а вечером он к телефону не подходил, так что оповестить его о прегрешениях сына никто не мог. Если же он все-таки узнавал, что я провел час или два в комиссариате, то воспринимал это как свою вину и не ругал меня.

Помню, один раз полицейские позвонили отцу на работу и вызвали его. Обычно стоило мне сказать, что мама умерла, как полицейские ограничивались нравоучением и отводили меня домой, чтобы проверить мои слова. Но в тот день инспектор опознал во мне рецидивиста и попросил отца немедленно приехать.

Когда папа появился, волосы у него были взъерошены, руки дрожали. Он был в панике, с трудом подбирал слова, не зная, что следует говорить в подобных обстоятельствах.

Когда мы дошли до дома, он остановился и посмотрел мне прямо в глаза.

— Мне очень жаль, — расстроено пробормотал он. — Я понимаю, что делаю не все, что должен... но я просто не знаю, что именно нужно делать.

Он пожал плечами и добавил:

— Все должно было сложиться иначе.

Я тогда подумал — уж лучше бы надавал оплеух и наказал. Но папа был тихим человеком и просто не мог изобрести никаких суровых санкций. Он хотел прожить другую жизнь, планировал быть отцом семейства, добытчиком денег, любящим мужем преданной жены, воспитывающей его сына. Преждевременная смерть супруги разрушила все надежды. Я ушел из дома в шестнадцать лет и поселился в сквоте вместе с Соломоном. Для меня ничего не изменилось: я по-прежнему сам решал все свои проблемы и

общался с друзьями.

Для моего отца тоже все осталось по-старому, разве что ужин он теперь готовил себе сам.

* * *

Теперь у меня есть все необходимое. Я нахожусь у подножия стены. Меня охватывает возбуждение, оно смешивается с другими чувствами, разбавляет их, искажает. Я отправился в «Маленький Париж». Старая бессмысленная привычка, которой я всегда следовал, прежде чем принять серьезное решение. Я не раздумывал, ноги сами принесли меня туда. Я не сомневаюсь в том, что должен делать. Иного выхода нет.

Запах еды, алкоголя и табачного дыма, скрежет отодвигаемых стульев, блеск оцинкованной стойки бара, шершавые деревянные столешницы, гул голосов... мои чувства обострены, мозг выискивает мысли, способные оживить чувства.

Я сижу в углу и жду пробуждения себя прежнего — того, кто скажет, верный ли выбор сделан. Но сегодня волшебство не работает. Я чужак, выпавший из времени. Я свободен от прошлого, в душе нет ни одного чувства, способного привязать меня к подлинному, но уже миновавшему мгновению.

Я потерял себя в тот момент, когда бомба разнесла в клочки моего сына. Разум я тоже утратил. И не удивляюсь, что бы со мной ни происходило.

Я вижу его, он со мной говорит, и это нормально. В тот день я лишился рассудка. Но именно безумие поддерживает мои последние силы.

У меня остались жена и другой сын, они ждут моего возвращения, караулят знак, слово, которые заставят их поверить в будущее, но я храню молчание, я погружен в себя, сосредоточен на своей цели. Эта цель несет меня, заставляет каждый день двигаться вперед, рисует картины ближайших событий. Я посвящаю себя смерти. Я больше не принадлежу этому миру, уже нет.

Жан

Его головные боли утихли. Они скоро вернутся и будут еще сильнее и мучительней, как только организм потребует привычную дозу алкоголя.

Он подумал о родных. Похитители знают, где они живут. Неужели им грозит опасность? Он успокоил себя, решив, что их наверняка защищают. Да и какой смысл вредить его близким?

Врагам нужен он.

Его они разыскивали целых десять лет.

Собственная смерть Жана не волновала. Он всегда был уверен, что так все и закончится, только не знал, как именно его казнят. Перережут горло? Пристрелят? А как будут избавляться от тела? Жану хотелось надеяться, что они ограничатся холодной мстостью, спрячут тело и семья будет ограждена от зловещей и бессмысленной посмертной встречи. К несчастью, сострадание его врагам было чуждо. Смерть они рассматривали как способ выдвинуть требование, а кровь — как чернила для своих агиток. Эти нелюди наверняка устроят из казни целое действо и используют его в своих целях.

Жан сунул свободную руку под матрас и коснулся пальцами кожаного мешочка. Это его успокоило. Внутри хранились последние предметы, которыми он дорожил. Фотография, несколько вырезок из газет, блокнот и документы. Он задумался, что со всем этим будет после его смерти. Ему была невыносима мысль, что похитители найдут их, будут рассматривать. Плохо не то, что они узнают недостающие детали правды, которая частично им уже известна, а вторжение в его личное пространство. Он надеялся, что мешочек так и останется лежать под матрасом.

* * *

Когда Хаким вошел в комнату, Жан лежал на боку, пытаясь унять сотрясающую тело дрожь.

— Что, выпить хочется? — язвительно поинтересовался громила.

Заложник не отозвался.

— Мог бы повернуться, когда я с тобой говорю! — угрожающе гаркнул Хаким.

Жан был сосредоточен на своих мучениях, пытаясь сконцентрировать

боль в какой-нибудь одной части тела.

— Живот болит? — притворно сочувственным тоном поинтересовался Хаким.

Жан несколько раз судорожно вдохнул, и жестокий спазм скрутил его внутренности.

Хаким ударил его ногой в солнечное сплетение, лишив доступа воздуха.

— А может, голова? — сладким тоном спросил Хаким и отвесил узнику звучную оплеуху.

Жана вырвало прямо на постель.

— Чертов придурок! — взорвался Хаким. — Даже сдержаться не можешь! Получил удар в брюхо — и тут же выдал все наружу! Думаешь, станем менять тебе матрас? Нет, собачий сын, будешь спать в собственной блевотине!

Он схватил Жана за волосы и макнул лицом в зловонную жижу, тот решил, что задохнется, но мучитель ослабил хватку, прижав его спину коленями к испачканной кровати.

— Ты больше не человек, не мужчина. Ты — пес. Полюбуйся на себя, кялб!^[1]

Хаким протянул ему зеркальце, но Жан отвернулся. Он много лет избегал смотреть на свое изображение.

— Не хочешь? Стыдишься? Да ты вообще помнишь, что такое стыд? Нет, ты грязный пес, как и все тебе подобные. Думаете, что свободны, совокупляетесь, как собаки, роетесь в дерьме, а мгновение спустя задираете голову и прыгаете на задних лапках за кусок сахара, пару монет или толику власти.

Жан попытался оказать сопротивление тюремщику и сесть, но тот усилил давление и не дал ему подняться с колен.

— Бунтуешь? Неужто не всю гордость растратил?

Последняя реплика Хакима причинила Жану невыносимое страдание, гнев захлестнул душу. Он готов был умереть, но не терпеть подобные унижения.

— Подонок! — закричал он. — Что ты знаешь о гордости, стыде и чести? Бьешь связанного человека.

Хаким дал ему пощечину и наклонился к самому лицу:

— Я бью не человека — животное. Называешь себя человеком после всего, что сделал? Мы нашли животное, тварь, спавшую в коробках, грязную пьяную скотину. Человек так себя не ведет.

В комнате появился Лахдар. Увиденное привело его в ярость, он начал

ругаться по-арабски, поднял Жана, усадил на кровать и протянул ему полотенце.

Хахим пожал плечами и придвинулся к самому лицу Жана.

— Кялб, — прошептал он ему на ухо и вышел.

Даниель

Трудней всего мне сейчас сопрягать миры моего существования: пропитавшийся атмосферой драмы дом, где я живу опустив голову и ни на кого не глядя; работа с ее усыпляющей будничностью, где приходится соблюдать правила игры; мой растревоженный, измученный видениями рассудок.

Необходимость сопряжения этого множества разнообразных персонажей заставляет меня без конца изворачиваться и как-то справляться с непосильной задачей.

Я должен оставаться виноватым в глазах Бетти. Участвовать в создании новых семейных связей, в поиске нового равновесия, учитывающего исчезновение одного из близких, полагаясь на время и усталость от страдания, рано или поздно овладевающую всеми, кто потерял близкого человека. Я все это отвергаю. Не хочу ничего восстанавливать. Не сейчас. Вот и множу стратегии уклонения. Ухожу рано, возвращаюсь поздно, ем один, прячу лицо за газетой. Мое поведение выводит Бетти и Пьера из себя, и мы каждый день понемногу отдаляемся друг от друга. Приходится делать над собой нечеловеческие усилия, чтобы не броситься к их ногам, не заключить в объятия и не оплакать вместе с ними нашу утрату. Именно это лекарство нам сейчас и нужно: пролить слезы, отдаться истерии боли, чтобы излечиться, пережив катарсис. Но я сопротивляюсь. Правда, Пьера я стараюсь щадить, веду себя с ним мягко, нежно. Но он меня избегает, подражая матери, чем облегчает мою задачу.

На работе я легко прячусь за разными ипостасями собственной личности. Образ убитого горем человека позволяет хранить молчание, не участвовать в заседаниях, запираюсь в кабинете, избегая некоторых контактов и ситуаций, которые я не смог бы вынести. Работа помогает мне строить планы и готовиться к действиям, выходить, ездить, встречаться с людьми. Я все еще способен играть роль руководителя, интересующегося проектами подчиненных. Я должен продемонстрировать, что горе не повлияло на мою компетентность. Чтобы действовать, мне необходим мой статус и его возможности.

Больше всего проблем у меня с собственным рассудком. Его

переполняют пугающие картины и нежные воспоминания, проблески жизни, дыхание смерти и сильные, но быстро гаснущие эмоции. Его сотрясают жестокие судороги, вызывающие растерянность и панические припадки. Я сошел бы с ума, если бы не островок ясности, где можно укрыться, дать себе отдых и спланировать акцию, которая меня освободит.

Но может, этот островок и не островок вовсе, а острый риф, губительный для моего рассудка?

Может, я уже безумен?

* * *

За два года, что мы прожили в сквоте, наша дружба стала еще крепче. Мы вместе выросли, превращались в мужчин. Наша общая история составлялась из забавных происшествий, секретов, драк, смеха и слез, общих девушек. Будущее тоже было частью нашей тогдашней жизни, хотя планировали мы всего лишь на две-три кражи вперед.

Мы были семьей.

Витто разведывал место действия. Мы очень скоро перешли от мелкого хулиганства к кражам автомагнитол из машин, запаркованных на тихих улицах лионских пригородов.

Реми, Витто и Бартоло седлали мопеды, выжимающие после небольшой переделки восемьдесят километров в час, занимали наблюдательный пост в конце улицы и караулили, пока мы с Соломоном, вооружившись искусно согнутыми стальными вешалками, вскрывали машины и забирали товар, после чего прыгали на мопеды и все вместе возвращались домой. Этот этап операции был самым опасным: полицейские патрули отлавливали молодежные моторизованные банды.

Магнитолу можно было толкнуть франков за пятьдесят, а при везении — и за сто пятьдесят, в зависимости от марки, так что этот промысел был очень даже доходным и обеспечивал нам безбедное существование и возможность развлекаться.

Первое ограбление задумал Витто. Стоящий на отшибе дом пустовал — хозяйева уехали в отпуск. Мы не удивились, когда наш друг выдвинул эту идею. «Карьера» банды развивалась вполне логично. Мы выросли, и нам пора было переходить от мелких краж к рискованным предприятиям — более выгодным и мужским. Мы не хотели становиться уличными дилерами, толкать дурь и травку, работая на «дядю», потому что очень

дорожили независимостью. Решение было принято: ограбление со взломом занимает почетное место в преступной шкале ценностей...

Первое дело прошло легко и гладко, определив нашу специализацию. Взломав ставни на одном из окон, мы вырезали стекло и попали внутрь. Оделись мы во все черное, а на головы натянули капюшоны с прорезями для глаз. Нас переполняло какое-то новое, необычное возбуждение, когда мы крадучись переходили из одной уютной, богато обставленной — чужими людьми! — комнаты в другую. Мы все еще оставались детьми и чувствовали пьянящую радость, участвуя в поисках сокровищ, открывали шкафы, шарили на полках и перекликались, если обнаруживали что-нибудь ценное. Добыча оказалась недурной — несколько дорогих украшений и много наличных, и это окончательно убедило нас в том, что грабеж — наше призвание.

* * *

Мне нужно уехать. Как можно скорее попасть в Лондон. Приблизиться к моей мишени. Только на месте я смогу продолжить намеченное. Кроме того, я боюсь, что моя решимость тает из-за того, что приходится все время сдерживать, маскировать свои чувства. Атмосфера в доме стала для меня невыносимой. Как и обстановка в агентстве.

Я долго размышлял, как обосновать командировку в британскую столицу. Анализ рынка позволил выявить предприятия, представляющие потенциальный интерес для агентства. Я знаю, что Салливан мечтает о продвижении в Европе, и смогу это использовать, чтобы объяснить неожиданную тягу к английской земле.

Салливан все еще окружает меня покровительственным вниманием, и меня корбит от этой приторной ласковости. Я очень хорошо знаю этого человека и не сомневаюсь, что в действительности ему глубоко плевать на мое горе. Случившееся со мной — для него инцидент, который он должен «разрулить», удобный случай продемонстрировать служащим агентства свою человечность, каковой они долгие годы не замечали.

Ценности — это слово не сходит у него с языка. У агентства могла бы появиться этика. «Общность предназначения», связывающая мужчин и женщин, которые в нем работают, будет питаться его просвещенным и добродетельным взглядом на деловой мир. И мой статус жертвы помогает ему выставить в выгодном свете этот новый порядок. Я знал, что он

упоминает мое имя на встречах со всеми контрагентами, говорит о моем беспримерном мужестве и плавно и незаметно переходит к собственной роли утешителя. Я стал знаковой фигурой фирмы «Салливан и партнеры» и олицетворяю собой все ценности, которые он хотел бы внести в хартию поведения: сила воли, храбрость, умение пройти испытание, стремление к успеху...

Мне донесли, что незадолго до моего возвращения на работу он даже разразился речью перед служащими и со слезами в голосе призвал коллег сплотиться вокруг меня, стать мне еще одной семьей, помочь и поддержать. Говорят, он был убедителен. Дело не в искренности, просто этот съевший собаку на маркетинге человек угадал эмоциональные ожидания сотрудников. Все выразили готовность забыть, что Салливан — бессовестный патрон: он мог сделать каждого из них значительным, показать, как использовать случившееся себе на пользу — они ведь тоже имели к нему отношение, пусть и опосредованное! — и стать ангелами милосердия. Да, они помогут мне оправиться, будут очень стараться, не оставят одного в беде! Да, они были моей семьей — еще одной! — армия святых мужчин и святых женщин, жаждущих проявить свою заботу.

Но сострадание — всего лишь маска инертности, выражение неспособности действовать и быть полезным, лицемерие людей, предпочитающих бонтонную солидарность подлинной вовлеченности в дело.

Я знаю, потому что совсем недавно сам был таким.

* * *

Я целый час готовился к нашему первому свиданию, злясь на себя за то, что нервничаю, как мальчишка, и никак не могу выбрать одежду.

Я попытался уговорить себя, что будет лучше не выпендриваться и надеть джинсы, футболку и кожаную куртку. Но любовь вступала в противоречие со здравомыслием, хотелось соответствовать стандартам ее мира, и я нашел компромиссное решение — прямые брюки и нейтральную (на мой вкус!) рубашку.

Я пришел в «Маленький Париж», увидел, что Бетти надела джинсы, кеды и футболку, и мы посмеялись над нашей глупостью.

В тот день мы впервые поцеловались. Уточню — она меня поцеловала.

Мы прогуливались по улице Мерсьер. Меня просто распирало от гордости — рядом со мной танцующей походкой шла настоящая красавица с гордо поднятой головой. Всех моих прежних подружек роднили агрессивная чувственность и недоверие к окружающему миру. Они, безусловно, лучше подходили такой шпане, как я, но с Бетти я чувствовал себя другим человеком. Я был открыт миру.

Она задавала вопросы о моей жизни, я отвечал, стараясь обойти молчанием то, что могло неприятно ее удивить или шокировать, и тут она вдруг совершенно неожиданно толкнула меня к стене и прижалась губами к моим губам. То, что я испытал, сравнить было не с чем, как будто раньше я ни разу не целовался с девушкой. Я чувствовал жар тела Бетти и все крепче сжимал ее в объятиях, чтобы ошеломляющее, пьянящее чувство навсегда пропитало мою плоть и мой дух.

Потом Бетти отступила на шаг, схватила меня за руку, и мы пошли дальше. Мое сердце бешено колотилось, хотелось кинуться бежать и признаться всему миру, что я счастлив, просто пьян от счастья. Я ограничился улыбками в адрес прохожих.

Бетти принимала меня за крутого, избалованного победами над женским полом парня и хотела выглядеть дерзкой, расстаться с ролью девочки из хорошей семьи. Мы молчали, пытаюсь осмыслить эмоциональное потрясение. Я видел, что она смущена, и влюблялся все сильнее. Хотелось говорить, действовать, чтобы показать себя хозяином положения, но я не мог подобрать соответствующих моменту слов. Чтобы ничего не испортить, я увлек ее в проулок, притянул к себе и поцеловал. Я действовал порывисто, даже грубо, чтобы не разочаровать Бетти. Она дрожала, ей было страшно, и я решил закрепить преимущество.

— Сколько времени девушки вроде тебя маринуют своих парней, прежде чем лечь с ними в койку? — прошептал я ей на ухо.

В моем вопросе был вызов. Она поцеловала меня, вздохнула и прошептала:

— В теории — до самой свадьбы.

Бетти сделала паузу: она сразу пожалела о своей шутке, испугавшись, что я не пойму.

— Но, знаешь, теория в наши дни... — шепотом добавила она.

— Конечно, а потом, мы ведь все равно поженимся, — ответил я.

Слова сами сорвались с губ, но я произнес их на полном серьезе.

— С первого взгляда видно, что мы созданы друг для друга, — шутливым тоном согласилась она.

Теплое дыхание Бетти щекотало мне шею, она обнимала меня, прижимаясь всем телом, я чувствовал вкус ее губ, ощущал ее желание и купался в волшебстве момента.

— Как думаешь, сколько детей у нас будет? — спросил я, используя шутку как последний бастион, защищавший мою гордость, которая так быстро сдалась на милость победителя.

— Трое, — спокойно ответила Бетти, как будто ждала этого вопроса.

И еще теснее прижалась ко мне.

Возможно, мы бы и правда завели третьего ребенка, если бы...

Жан

Начался новый день, но Жану показалось, что он и не засыпал. Лахдар принес завтрак. За его спиной маячил ухмыляющийся Хаким. Аппетита у заложника не было, жажда его не мучила, но ему хотелось почистить зубы и прополоскать рот, чтобы избавиться от едкого вкуса желчи во рту.

Лахдар протянул пленнику чашку, но Хаким упредил ответный жест, смачно сплюнув в кофе.

Лахдар только головой покачал — ему надоели злые выходки сообщника.

— Давай пей! — подзадорил улыбающийся Хаким. — Никогда не поверю, что ты побрезгуешь, всего несколько дней назад ты добывал себе пропитание в помойных баках!

Жан не поддался на провокацию, вложив всю свою ненависть в ответный взгляд.

— Что, сильно не нравлюсь? — поинтересовался мучитель.

Жан опустил голову, чтобы не спровоцировать насилия.

— Так вот, знай — ты мне отвратителен. Подобное падение оскорбляет Создателя.

— Оставь его, Хаким! — не слишком убежденно приказал Лахдар.

— Ты думал о семье, когда с головой зарывался в грязь? Думал, что они скажут, если увидят, как ты напиваешься, блюешь, потеешь и воняешь?

— Не смей говорить о моей семье, — сорвался Жан и тут же пожалел, что так глупо купился.

— Ты мне запрещаешь? — с иронией в голосе спросил Хаким. — Да кто ты такой, чтобы кому-нибудь что-нибудь запрещать? Чтобы запрещать, нужно иметь моральные ценности и принципы, соблюдать законы! Ты убиваешь святого, бросаешь семью, живешь на улице, ты животное — и что-то мне запрещаешь?

Жан хотел ответить, но его дух был слишком слаб, и слова негодя подавили слабую попытку протеста. Он почувствовал, что ни на что не способен.

На пороге возник человек, который в день похищения сидел за рулем. Маску бандит не снял, но кофе в чистую чашку Жану налил: судя по всему, он видел, что случилось.

Главарь постоял несколько мгновений, не сводя с пленника взгляда черных глаз, потом вышел, так и не сказав ни слова. Хаким и Лахдар,

словно подчиняясь приказу, последовали за вожаком.

Жан остался в одиночестве. Он не мог знать истинных намерений похитителей и подумал, что приказ о ликвидации пока не отдан. Кто же решает его судьбу? Жан понимал, что смерть неизбежна, но не знал, когда это случится, и такая неопределенность мучила его сильнее всего.

Даниель

Я живу в Лондоне уже неделю. Я приложил немало усилий и получил право на освоение бюджета «Спаркс». Нанятый внештатный сотрудник сопровождает меня на встречах, обобщает данные и готовит документы к совещаниям. Мне необходимо время для слежки за шейхом и выработки плана, который позволит подобраться к нему.

Я обосновал решение взять помощника, заявив, что ставки в игре очень высоки и мне необходим двуязычный консультант, иначе не получится уловить всю информацию, выдаваемую административной командой «Спаркс». Кейта я выбрал не только за профессиональные, но и за личные качества. Этот молодой человек напорист, но предельно сдержан: он не станет удивляться моему поведению — либо сделает вид, что ничего не замечает.

Я все чаще теряю контроль над собой, и меня это очень тревожит. Бывает, что я погружаюсь в сумеречное состояние среди дня и не могу отличить явь от кошмара, переживаю болезненно-тревожное расстройство. Мое душевное здоровье под угрозой. Нельзя расслабляться, вызывая недоумение и подозрения у окружающих, я не могу сорваться, иначе цель не будет достигнута.

Предполагалось, что я пробуду в Лондоне месяц. Неизвестно, хватит ли мне времени, но, если понадобится, я сумею задержаться.

Я нашел гостиницу на той улице, где живет шейх Фейсал. Из окна хорошо виден вход. Я распланировал график работы с клиентом на две недели вперед: в первые семь дней мы проводим встречи и рабочие заседания в первой половине дня, а в следующие семь — во второй. Это позволяет изучать передвижения моей мишени.

Я сижу у окна за шторами, выставив вперед длинноствольный объектив, и иногда чувствую себя то ли шпионом, то ли наемным убийцей из плохого триллера. Видимо, боюсь, что в скором времени стану таковым и в реальности.

* * *

Вчера утром я впервые увидел его воочию. Он вышел из дома в

окружении телохранителей. Угрюмо оглядел улицу и быстро сел в роскошный автомобиль.

Странно, но я остался спокоен.

Я думал, что захлебнусь ненавистью, когда наконец увижу убийцу моего сына, и мне придется из последних сил сдерживаться, чтобы не поддаться порыву и не провалить дело. Вышло иначе. Осознав это, я решил, что мое бесстрашие сродни безмятежности воина, не сомневающегося в смысле порученного ему дела. Своего рода профессиональная реакция. Точно так же наемный убийца или снайпер умеют оставаться предельно собранными, чтобы сохранить ясность сознания.

Потом я понял, что через оконное стекло вижу его как на экране телевизора, он выдернут из реальности. Он похож на свои собственные многожды виденные изображения, на которых я мысленно оттачивал ненависть. Я столько раз представлял шейха рядом с собой, что мог угадать цвет его глаз, почувствовать живое дыхание, ощутить холодный запах. По всем этим причинам далекое видение на другой стороне улицы показалось мне менее реальным, чем те, что жили в моем мозгу.

Я сломался во второй половине того же дня, когда он снова вышел из дома: стоял на ступенях крыльца в окружении друзей и чему-то смеялся. Его смех пробил брешь в защите, я ожидал встречи с чудовищем, а увидел человека. Как ни странно, человек показался мне куда омерзительней.

Моя душа переполнилась яростью, я не мог совладать с исступлением. Он все еще радуется успешному теракту, во время которого погиб мой сын, думал я. Он насмехается над нами, над нашим горем! Мне даже показалось, что он произнес наши с Жеромом имена. Меня качнуло, я схватился за спинку стула и закричал.

Как это возможно — убивать, а потом смеяться? Разве мыслимо быть убийцей и иметь друзей?

Я отказывался в это верить.

И лучшее тому доказательство — я сам. У меня больше нет друзей, и я разучился смеяться.

Заранее.

* * *

Бетти задалась целью предложить мне другую жизнь.

Для возвращения блудного сына в общество она решила помочь мне оценить простые радости, честные удовольствия и законные устремления.

Бетти преуспела только потому, что, целуя ее, я покорно соглашался измениться, дорасти до нашей любви и того будущего, которое она нам сулила. В тот день я сжимал в объятиях другой мир. Мир, в котором я стоил дороже мелких краж и выходок, приносящих мгновенное возбуждение, за которым неизбежно следовала душевная опустошенность.

Бетти все удавалось, потому что действовала она очень умно.

Она не противопоставляла свой мир моему, не пыталась опорочить моих друзей и разлучить нас. Ей было весело с маленькой бандой, она проявляла уважение, хотела убедить остальных в полезности перемен.

Она ничего мне не навязывала. Просто указала направление и позволила идти новыми путями, оглядываясь по сторонам и оценивая многообещающие возможности, а себе определила скромную роль штурмана. Она умело представила эту жизненную переменную как возможный и логичный результат моего опыта и жизненной ситуации. Лыстя моему эго, поощряя честолюбие, Бетти помогла мне оценить альтернативы, где я мог бы пустить в ход волю, хитрость и мой, как она говорила, грубый ум.

Я медленно следовал за ней, постепенно отвыкая от прежних привычек и отдаляясь от приятелей.

Чтение стало одним из главных мостиков, перекинутых между мирами.

Бетти часто говорила о своих любимых авторах, рассказывала мне их биографии. Она действовала тонко, учла мою натуру и начала с тех, кто мог оказаться мне ближе других, выбрав хулиганов и бунтарей, отклоняющихся от нормы. Буковский, Фанте, Селин, Керуак. До знакомства с Бетти я, как дурак, думал, что литература создается одними буржуа для других, и вдруг обнаружил среди писателей алкоголиков, арестантов, забияк, ставших гениями, властителями дум, кумирами. Люди, чья жизнь была трудной и голодной, изгой могли вызвать трепет в душах образованных читателей, потому что писали, обмакивая перо в кровь собственных страданий и времени, в которое жили.

Оказалось, что существует страна, где правильно расставленные буквы могут изменить жизнь, заставить мое сердце биться сильнее, а душу — трепетать в ответном переживании. Я открывал эти новые земли, слушая, как Бетти пересказывает сцены из повестей и романов или читает

тщательно подобранные отрывки.

Как только мне стало мало просто кивать в ответ и задавать вопросы, она подсунула мне роман Джона Фанте «Спроси у пыли». Я прочел его за одну ночь, обнаружив, что способен глотать страницу за страницей, борясь со сном. Простые, отточенные, как лезвие бритвы, слова ранили мне душу. Агрессивные образы воспринимались как удар кулаком в лицо. Чтение превращалось в иную форму столкновения, и я уже не мог без него обойтись.

Моя ненасытность делала Бетти счастливой. Книг для борьбы с моим невежеством у нее было без счета! А я спешил наверстать упущенное и был готов проводить за книгами дни напролет, стараясь компенсировать отставание, но требовалось еще и зарабатывать на жизнь. Как? Работать? Она предложила это как еще одну совершенно естественную идею.

«Коммерческое образование. Я все придумала и нашла. Ты умный, язык у тебя подвешен отлично, ты обаятельный, ты преуспеешь», — сказала она.

С тех пор Бетти ни разу не ошиблась насчет того, что для меня хорошо. И я ее слушался. Приятно чувствовать, что все помыслы и желания любимой женщины направлены на тебя. Раньше никого никогда не заботило, в чем я нуждаюсь, что делает меня счастливым. Теперь я жаждал новых ощущений. Она была моей подругой. Моей любовницей, моим наставником, моей наперсницей.

И моей матерью.

Она была моим островом.

Жан

Три дня.

Три дня без спиртного. Тело больше ему не подчинялось. Боль возникала внезапно, в самых неожиданных местах. Мышцы напрягались, жестокие судороги не давали шевельнуться. Руки и ноги беспрестанно дрожали, он то и дело складывался пополам, как от удара в живот, когда внутренности сводило спазмом. Казалось, каждая частичка его существа нуждается в алкогольном болеутоляющем. Мозг уподобился сухому ореху, бьющемуся о стенки скорлупы, одежда все время была влажной от пота. Он уже проходил курсы принудительной детоксикации: его запирали, накачивали лекарствами, а потом он с гордо поднятой головой возвращался на улицу. Одно было плохо: стоило проясниться мозгам — и терзавшие душу демоны возвращались, он хватался за бутылку и снова превращался в пьяницу, которого обитатели квартала звали Поэтом.

Жан свернулся калачиком, пытаясь унять дурноту. Он стонал и задыхался.

Почему они его не убивают? Это должно прекратиться, он больше не выдержит!

Хаким с явным удовольствием наблюдал за муками узника.

— Подонок! — закричал Жан в припадке неконтролируемой ярости. — Упиваешься чужим страданием! Что, не умеешь получить удовольствие иным способом?

— Я благословляю всемогущего Аллаха за то, что никогда не уподоблюсь тебе, — ответил тот с привычной саркастической ухмылкой.

— Всемогущий Аллах? Тот, кто запрещает тебе пить вино и приказывает убивать во имя Его?

Хаким скривил рот в гримасе отвращения:

— Что ты можешь в этом понимать? Ты — жалкий пьянчужка. Ты способен думать только о бутылке.

Жан хотел ответить, парировать, бросить в лицо мучителю едкие слова, разоблачить всю глупость и бессмысленность сражения, которому тот посвятил свою жизнь, но не стал. Изверг был прав: абстинентный синдром лишил его способности рассуждать здраво. Он вряд ли сумел бы произнести хоть одну связную фразу.

Несколько мгновений спустя появился Лахдар с лекарством и водой. Хаким вмешиваться не стал: происходящее не вызывало у него ничего, кроме брезгливости.

Жан с трудом проглотил таблетки, и ему стало легче: тело расслабилось, мысли пришли в порядок, он почти успокоился и решил разобраться с Хакимом:

— Ну и? Говори, к чему приговорил меня твой Бог? Какая смерть меня ждет? Ведь именно Бог отдает тебе приказы, я не ошибся?

Хаким подскочил к Жану и схватил его за волосы:

— Слушай внимательно, собачий сын: ты не в том положении, чтобы иронизировать!

— Зачем же так грубо? Ты ведь, кажется, солдат воинства Аллаха, значит, должен проявлять смирение... — произнес Жан, переняв высокомерный тон собеседника.

— Заткни пасть, ублюдок! — рявкнул Хаким, оседлал узника и принялся душить его.

Задохнуться Жан не успел. Дверь с треском распахнулась, и в комнату влетел человек в маске. Мгновенно оценив взглядом происходящее, он кивком отдал приказ палачу, тот отпустил свою жертву и шумно удалился.

Главарь молча смотрел на пленника, а Жан тщетно пытался угадать по глазам его чувства.

— Кто вы? — в отчаянии выкрикнул он, но ответа не дождался.

Бандит вышел и запер за собой дверь.

Даниель

Почему Жером больше не показывается? Он не говорил со мной с момента приезда в Лондон. Я ищу его в ночи, зову, умоляю прийти — тщетно. Видит ли он меня? Знает, что я здесь делаю? Неужели его отсутствие — знак неодобрения, несогласия?

Возможно, месть чужда его миру.

Она — атрибут моего мира.

Она стала единственным смыслом моего существования.

Я не смогу жить в обществе, где убийца моего сына все так же призывает убивать невинных. Не стоит обманывать себя: я не собираюсь спасать ни других детей, ни гражданских лиц, попавших в жернова межрелигиозных войн. Хуже того — мне известно, что смерть того, кто отдал приказ, ничего не изменит. Она почти лишена смысла, ибо его тут же заменит другой — претендентов на место боготворимого фанатиками религиозного лидера хоть отбавляй. Их много, и они эксплуатируют слабости наших старых демократий, собирают пожертвования якобы для финансирования культурных землячеств, топчут тротуары наших городов и заманивают в свои сети подростков, которые мучительно пытаются понять, кто они и какими идеалами хотят руководствоваться в жизни. Они не гнушаются общением с жадными до сенсаций СМИ и получают от них трибуну для своих проповедей. Они безнаказанно живут среди тех, кого называют врагами.

Неужто демократия позволяет насилию и страху чувствовать себя как дома на Западе, где люди ослеплены своим высокомерным гуманизмом? Нет и еще раз нет.

Я хочу, чтобы эти люди тоже испытали страх. Пусть боятся и знают: на их преступления мы можем ответить не только пустыми декларациями о всеобщем равенстве и справедливости.

Я хочу, чтобы они принимали решения, ощущая реальную угрозу своей жизни.

Я хочу, чтобы они боялись родственников своих жертв.

Вздор! Все это вздор!

Я просто хочу смерти шейха.

Я не знаю, когда начну действовать. Записываю все, что вижу, слышу, читаю или воображаю насчет моей мишени: его характер и привычки, его

подручные, его расписание, минуты отдыха, предполагаемые недостатки...

Я составляю сценарии как описание товара: сильные стороны, преимущества, нежелательные последствия и т. д.

Иногда я вдруг пугаюсь, что моя ненависть утратит силу между строками моих отчетов, растает за часы и дни, потраченные на размышления, анализ, оценку и разведку... Боюсь, как бы моя собственная организованность не угробила стихийный протест, превратив бойца в банального тактика. И когда повседневность понуждает меня сосредоточиться на ситуации, воспринять реальность при свете отвергнутого мной разума, я закрываю глаза и думаю о том дне, о телефонном звонке, о гробике с лохмотьями плоти, об отчаянии Бетти и Пьера. Я погружаюсь в скорбь и исторгаю из мозга даже самый слабый намек на рефлексии, на чувства, способные утишить ненависть, и желание убить возвращается во всей его полноте.

Иногда хватает образа или слова, брошенного в сосуд моей боли, чтобы она воспламенилась и наполнила меня силой.

* * *

Бетти пришлось силой навязывать меня своей семье.

Первые полгода ей удавалось скрывать нашу связь от родителей. Потом она рассказала им обо мне, умолчав о некоторых моментах моей истории.

Отец бушевал, мать прикидывалась святой мученицей, изображая покорность страданию. Бетти, единственный ребенок, маменькина дочка, папина любимица, блестящая студентка юрфака с большим будущим, выбрала в спутники человека из низов. Так отреагировали на сообщение Бетти ее предки, и это при том, что они ничего не знали ни о моем прошлом, ни о друзьях, ни о том, куда я водил Бетти и с кем ее знакомил.

Когда они потребовали очного знакомства, с момента нашего первого поцелуя прошел год.

За ужином, о котором у меня остались самые унижительные воспоминания, я изо всех сил старался быть вежливым, предупредительным, умным. Позже я очень пожалел, что так изворачивался в попытке сойти за своего, хотя именно эта моя досада на себя окончательно убедила Бетти, что я и есть мужчина ее жизни. Она

сумела оценить, как сильно я поступился собственным человеческим достоинством.

Впрочем, попытка обаять родственников Бетти оказалась тщетной: в конце вечера отец предложил ей сделать выбор: они или я.

На следующий день заплаканная любимая появилась на моем пороге с чемоданом в руке.

Я помню твои слезы, любимая, твое горячее, дрожащее крупной дрожью тело, судорожные всхлипы, маленький чемоданчик, которому так и не нашлось места среди моего барахла, затуманенный слезами взгляд, когда ты оглядывала мою квартиру. Оглядывала со страхом и надеждой, ибо теперь тебе предстояло здесь жить.

Помню, что подумал в тот момент обо всем, с чем ты расставалась ради меня.

Помню, как был счастлив, что ты выбрала меня, у которого из всех богатств были только любовь и страсть.

Помню, что ощутил небывалый прилив сил и поклялся, что верну тебе все, чем ты пожертвовала.

* * *

Каждые два-три дня я набираю номер Бетти. Знаю, что сама она звонить не будет, проживая часы и дни в попытке забыться.

Бетти редко отвечает на звонки, а если отвечает, старается побыстрее закончить разговор, и голос ее звучит тускло, невыразительно.

Пьер вообще отказывается общаться со мной и всякий раз находит предлог, чтобы улизнуть из комнаты, когда Бетти снимает трубку. Они не понимают, как я мог уехать за границу, и воспринимают это как дезертирство. Телефонное общение с семьей наполняет мою душу противоречивыми и губительными чувствами.

Но я не плачу и не злюсь.

Внешне я должен оставаться бесстрастным.

Насколько получится.

Все негативные эмоции я направляю на свою боль. Хочу превратить эту неудержимую энергию в поток ненависти и терпеливо хранить в ожидании великого дня.

* * *

Шейх выходит на улицу для очередной проповеди. Он поднимется на сооруженную перед крыльцом импровизированную сцену и, как обычно, обратится к сотне приверженцев.

Я подошел, чтобы посмотреть на него вблизи и послушать.

Сегодня утром они установили и опробовали звуковую аппаратуру, как для банального выступления или уличного концерта. Все готово. Паства шейха собирается, люди обнимаются, обмениваются рукопожатиями, прикладывают руку к сердцу, шутят. Они напоминают обычных верующих, мирных отцов семейства. Но как только прозвучат первые слова, некоторые возбудятся, войдут в воинственный транс, слепой и злобный.

Ислам такого не заслуживает. Никакая религия не должна лишаться гуманистической составляющей из-за фанатизма тех, кто ее исповедует.

Двадцать лет назад Набилль рассказывал нам о Мухаммеде, о его романтической жизни, послании истины, молитвы, мира и любви среди людей. Кое-кто слушал с иронической улыбкой. Другим нравилась идея могущества, которую олицетворял собой Пророк: сверхчеловек, взбунтовавшийся против общественных установлений, преданный своему делу лидер. Он воплощал образ верховного вождя для нашей маленькой банды, искавшей свой идеал. Пути, которыми мы следовали в поисках собственных ценностей, были, безусловно, не самыми прямыми, но мы оставались хорошими ребятами. Уравнение было элементарным: нам хотелось лучшей жизни, на нее требовались деньги, и мы знали, где их взять — у богатых. У нас не было политического сознания — только желание перераспределить блага. Но главное, мы хотели обрести семью, которая бы ничем не напоминала наши настоящие семьи. Позже я понял, что наша банда была еще и слепком общества со своей иерархией, правилами, организацией и системой финансирования, позволявшей нам существовать.

Некоторые адепты, окружившие импровизированные подмости, явно пришли сюда по тем же самым причинам. Им по большому счету нет дела ни до содержания речи, ни до целей оратора: они хотят сориентироваться, встретиться, узнать друг друга. Они думают, что внушаемый Западу страх есть свидетельство силы, отражение идентичности, в которой им было отказано.

Но я не нахожу для этих людей ни одного смягчающего

обстоятельства, потому что их присутствие придает легитимность слову этого безумца.

Он появляется под приветственные возгласы. Некоторые почтительно обнимают его. Он хранит серьезность. Оглядывает собравшихся суровым властным взглядом, и все умолкают. Трепет этих людей явно доставляет ему удовольствие.

Он начинает говорить — спокойным тоном, на арабском. Очень скоро темп речи ускоряется, он повышает голос, и слушатели возбуждаются. Великолепный актер. Он умеет завести толпу, ненавязчиво подтолкнуть ее к восприятию смутных идей, которыми торгует. Не знаю, что именно он пытается втолковать людям, но догадываюсь. Я изучал тексты его обличительных речей: начинает он всегда с религиозной полемики, помещая ее в исторический контекст, дабы придать легитимности. Потом в ход идут притчи и туманные намеки, символика мифов, ссылки на Коран. Так он устанавливает связь между святостью жизни Пророка и тем будущим, в котором, по его словам, все арабы объединятся, чтобы сокрушить неверных. Тут проповедь приобретает политический оттенок. Толпа созрела. Люди готовы повторять лозунги, выкрикивать слова ненависти.

Внезапно шейх замечает телеоператора с камерой и переходит на английский: чужой язык смягчает агрессивную тональность.

— О, арабская и исламская Умма,^[2] тебя ожидает радостная весть! Грядет царство нашей веры. Моджахеды разогнали мрак, и свет этот оплачен ценой их крови. Они указывают нам путь. О мои верные братья, ваши сыновья жертвуют собой, чтобы в этом мире воцарился наш закон! Эти рыцари Таухида,^[3] воинство Царства Всевышнего, заставляют наших врагов дрожать от страха, сотрясают их престолы. Дуют ветры джихада, и очень скоро они прогонят прочь лицемерие народов, и воссияет свет нашей веры. Крестовые походы американцев, французов и британцев, топчущих землю Ирака и Афганистана, обречены на провал. Они объединились, потому что страшатся силы наших братьев.

Он на мгновение умолкает, оглядывает темными глазами толпу, оценивая произведенный эффект. Потом поворачивается к камере и угрожающе поднимает вверх указательный палец:

— О народы стран-крестоносцев, вы не слышали рыданий миллионов иракских детей, погибших из-за эмбарго! Вы притворились, что плач палестинских детей не ваше дело. А сегодня называете убийцами

наших воинов, которые противостоят вам в Ираке, Афганистане и повсюду, куда вторгаются вedomые корыстным интересом армии неверных? Они — убийцы? Нет, они — вооруженная рука нашего правосудия. Раненные вашим лицемерием, лишенные достоинства, ограбленные и униженные вашими солдатами, они предпочитают жертвовать жизнями во имя своей веры. Они — солдаты Пророка! Они пожертвовали жизнями ради него! Он встретит их как героев, обнимет, усадит рядом с собой и одарит вечным счастьем!

В толпе раздались одобрительные возгласы. Шейх отвернулся от оператора и бросил в лицо замороженной, загипнотизированной, готовой сорваться на крик толпе:

— Не слушайте нечестивцев, которые марают наших братьев! Их слова — не более чем проявление бессилия перед лицом нашей истины! Мы — жертвы! Но это скоро изменится, братья мои! Начнется новая эра. Та самая, что велел нам строить Пророк! Будьте же его разведчиками в потемках этого мира! Будьте его солдатами на поле битвы! Он станет вашим поводырем в небесных долинах! Аллах акбар!

Распаленные слушатели хором отвечают, и славословие в адрес Бога превращается в военный клич.

Я больше ничего не слышу. Не отрываясь смотрю на шейха, туда, где бьется его сердце, словно пытаюсь обрести силу убить его на расстоянии. Нужно было запастись дальнобойной снайперской винтовкой и застрелить его из окна номера. Охранники, не спускающие глаз с толпы и фасадов зданий, не успели бы меня остановить. Прицелиться в голову — чпок — и дело сделано.

Но моя месть должна быть иной. Убийца-проповедник не может погибнуть как герой. Он не обретет статус мученика, о котором так мечтает.

Нет, я хочу согнать этого человека с возведенного из ненависти пьедестала, поставить его на колени, заставить жрать прах.

Пусть перед смертью узнает, каково это — утратить человеческое достоинство.

* * *

Мы пережили тогда самые счастливые дни нашей жизни.

Главным для меня было образование, и я быстро стал лучшим в

группе. Я сражался за Бетти, и это придавало мне сил.

Днем я представлял себе, как она сидит за книгами при тусклом свете из фрамуги, и с трудом сдерживал желание выскочить из аудитории, рвануть к ней и зацеловать, обещая, что мы дождемся лучшей жизни.

Вечером я возвращался домой, где меня ждали счастливая, улыбающаяся Бетти и скромный ужин, накрытый на деревянном столике — другой мебели у меня не было.

Нам было хорошо вместе — мы смеялись, рассказывали друг другу истории из прошлого, мечтали о будущем, иногда поднимались на крышу посмотреть, как серое покрывало городского смога гасит свет дня.

Именно на крыше мы решили завести ребенка. И даже вообразили, что это будет мальчик. И я предложил назвать его Жеромом, в честь ее отца.

Жан

Жан спал, когда они вошли в комнату. Лекарства Лахдара позволяли пленнику ненадолго отключиться, и тогда его мышцы расслаблялись. Он приоткрыл один глаз, заметил, что вокруг царит непривычная суета, и тут же понял, что сейчас случится. Возбуждение похитителей, их лихорадочные взгляды, судорожные движения могли означать одно: его сейчас казнят.

Они начали выкрикивать арабские ругательства в лицо Жану, все больше заводя себя.

Лахдар совершенно переменялся. Маленький тихий человек уступил место воину, и этот воин искал в себе источник гнева и ненависти, ибо только так он мог подавить жалость и сострадание.

Жан в это время пытался оценить глубину своего страха, смешавшегося с изумлением из-за внезапного появления тюремщиков и их агрессивного поведения. Душа его взбунтовалась против природы овладевшего им чувства. К чему бояться конца, которого так долго ждал? Жан хотел одного — чтобы они перестали орать и сделали то, зачем пришли, в тишине.

Хахим бросил на кровать мешок.

— Надевай! — рявкнул он.

Жан подчинился и увидел свои вонючие обноски, которые были на нем в момент похищения.

Он попробовал поймать взгляд Лахдара в надежде получить объяснение, поддержку, но тот, судя по прерывистому, судорожному дыханию, был явно не в себе.

Хахим что-то выкрикнул и наставил на Жана оружие, чтобы он поторопился.

Пленник натянул одежду в застарелых пятнах разнообразной грязи и внезапно ощутил глухое отвращение к запахам, к которым вроде бы должен был привыкнуть за столько лет.

Подошедший Лахдар протянул руку к лицу узника, и Жан инстинктивно отшатнулся.

— Стоять! — зарычал Лахдар и прицелился Жану между глаз, а потом, к великому изумлению пленника, взъерошил ему волосы.

Хаким, не переставая кричать, достал из спортивной сумки треногу и портативную видеокамеру. Жан все понял. Они собираются сделать одну из тех омерзительных записей, которые так часто используют террористы. Его заставят сыграть роль насмерть перепуганной жертвы, а себя выставят жестокими воинами, готовыми положить жизнь на алтарь победы своего дела.

Лахдар опустил капюшон и направил пистолет в лицо заложнику. Хаким тоже надел маску и вытащил из сумки саблю.

Жан содрогнулся, и дрожь тела передалась рассудку. Дыхание у него участилось. Они решили его обезглавить. Пистолеты нужны только для устрашения, а лезвие рассекает ему кожу, заставив кричать от боли, и умирать он будет медленно, в осознании ужаса мгновения. В памяти всплыла жуткая сцена казни американского журналиста, осознававшего реальность собственной гибели все время, пока ему перерезали горло. Момент возведенного в абсолют ужаса. Жан когда-то совершил ошибку, посмотрев видеозапись убийства в Интернете. Сцена навсегда врезалась в память, ранила сердце и еще очень долго не давала спать по ночам.

Он почувствовал зловещее дыхание страха, незамутненного и могущественного, обрушившегося на него стремительно, как выскочивший из-за угла убийца.

Появился третий похититель. В прорезях капюшона сверкали темные глаза. Не глядя на жертву, он подошел к камере. Его сообщники встали по бокам от осужденного. Жан чувствовал у горла холод стали и дуло пистолета у виска.

Главарь кивнул подручным и включил камеру. Террористы принялись что-то яростно выкрикивать, словно пытались найти в своем безумном неистовстве мужество, необходимое для победы над малодушием и подлостью, и войти в состояние транса, тогда грядущее убийство превратится в чисто механический жест.

Их доведенная до абсурда ярость усилила ужас Жана. Его трясло все сильнее, он сделал глубокий вдох и попытался укрыться внутри себя. В том месте, где сохранилось немного былого тепла, энергии или мужества, способных свернуть время и выбросить несколько страшных грядущих мгновений в иное измерение. Он опустил голову и закрыл глаза, чтобы забыть о приставленной к шее сабле, отринуть место и обстоятельства. Он заглянул в глубь своего разума, тела и сердца, но нашел там лишь собственный страх. Страх холодной жижей плескался в жилах, лишая его

способности двигаться. Жан ненавидел себя за то, что поддался страху. Как бы ему хотелось оставаться гордым и холодно-невозмутимым, он ведь так ждал этого мгновения, готовился, даже призывал в алкогольном бреду. Лелея мысль о смерти, он убедил себя, что достиг душевного покоя, близкого к состоянию блаженства. Но в это мгновение он ощущал такой страх, какого и вообразить не мог. Закричит ли он, когда лезвие рассекает кожу? Будет ли молить палачей о пощаде? Каждый вопрос превращался в волну, уносившую его чуть дальше навстречу буре пошедших вразнос чувств. Он почувствовал, что теряет почву под ногами.

Жан открыл глаза и попытался уцепиться за реальность, не сдаться, остаться непоколебимым, сохранить достоинство. Он взглянул в объектив камеры. Кто увидит эти кадры? Узнают его или нет? Борода, длинные волосы, годы, условия, в которых он жил, сделали его неузнаваемым. Во всяком случае, он на это надеялся.

Жан встретился взглядом со стоявшим за камерой человеком и удивился его напряженности. Что это, ненависть? Патологическое любопытство? Все вместе плюс страх?

Главарь поднял руку, и его приспешники мгновенно замолчали. И спокойно убрали оружие.

Все оказалось инсценировкой.

Жан открыл рот, чтобы глотнуть воздуха.

Он был потрясен и счастлив. Он не хотел умирать. Во всяком случае, не так.

— Снимай одежду, — потребовал Хаким.

На лбу Жана выступил холодный пот. Три негодяя не сводили с него глаз. Он являл собой жалкое зрелище. Человек, взиравший на похитителей свысока, уступил место страдающему от абстинентного синдрома алкоголику, а теперь он превратился в жертву, был жалким, мокрым от пота, едва дышал и обмочился.

— Я им займусь, — заявил Лахдар прежним мягким, доброжелательным голосом. — О'кей, все хорошо, — сказал он, обращаясь к Жану. — Сейчас примете душ и переоденетесь.

Заложник расхохотался.

Нервным смехом человека, который утратил достоинство, почву под ногами и рассудок.

Так смеются чудом спасшиеся люди.

Даниель

Безумие разъедает мой мозг. Я чувствую, как мой разум распадается на части, пожираемый горем. Я должен бороться, чтобы оставаться начеку, караулить малейшие признаки слабости, ничтожнейшие уступки горячечному бреду, который притаился за моим страданием и караулит момент, когда я пробуду в беспомощном, бессильном состоянии чуть дольше обычного, чтобы одержать окончательную победу. Я не знаю, что вызывает кошмары — предательские выпадения сознания или мучительная ясность ума.

Днем я изображаю нормального человека, чтобы сохранить внешнюю солидность, но ночью призраки одолевают меня. Каким-то парадоксальным образом именно ясность ума лежит в основе безумия, позволяя разглядеть двух живущих во мне людей. Первый — дневной — воин, он лавирует, маневрирует, манипулирует, второй — вечерний — тяжелый невротик, которому ненависть не дает успокоиться и уснуть. Первый служит второму, но тот уничтожает все его шансы на успех безответственным поведением и потерей контроля над собой.

* * *

Наше новое счастье испытывало встряски, обнажавшие хрупкость оснований, на которых оно строилось. Все произошло слишком быстро, я попал в водоворот событий и просто не успел научиться безмятежной ясности, без которой в браке не обойтись. Я был твердо намерен преуспеть с Бетти, но мой характер, мои неосознанные стремления и рефлексy не поспевали за идеями.

Сколько раз мне до смерти хотелось сбежать от размеренного существования, к которому я приспособлялся с таким скрипом, и вернуться к прежним преступным занятиям, вспомнить вкус легких денег, вкусить наслаждение риском, пообщаться со старыми друзьями по банде! Сколько раз я чувствовал себя не на месте в этом тесном мирке!

* * *

Я был торговым служащим — таким же, как все, еще одним Растиньяком, пытающимся обойти ловушки, сэкономить на чем можно, энергично работающим локтями, чтобы оказаться в топ-листе победителей.

Временами я впадал в бешенство и тогда превращался в несравненного бойца, потом на меня нападала такая усталость, что я терял всякое желание делать что бы то ни было. В такие моменты я обретал невероятную проницательность и, глядя в зеркало на аккуратно подстриженного человека в дешевом костюме, чувствовал к нему только жалость. Я думал о друзьях, которых мне так не хватало, и о том, что бы они сказали, обнаружив, кем стал их брат...

Но любовь Бетти была тем поручнем, за который я хватался в минуты сомнений. Я успокаивался и обретал силы, чтобы снова включиться в гонку. Бетти догадывалась о моментах моей слабости и нередко их упреждала.

Хорошо помню день первой зарплаты. Я стоял и смотрел на чек со смешной суммой вознаграждения за приложенные усилия: ее никак не могло хватить нам на жизнь. Одно-единственное ограбление принесло бы мне в пять раз больше.

— Это твои деньги! — сказала она. — Твои! Ты их заработал! Я знаю, что ты думаешь, но у этих денег совсем иная цена, чем у той добычи, которую ты мог бы добыть иным путем.

Я же думал о тех километрах, которые пришлось пройти, о фальшивых улыбках, о времени, потраченном на проверку ярлыков, о криках радости, когда удавалось заключить контракт, о квартире, из которой я жаждал вырваться, о мебельном гарнитуре для гостиной, который так нравился Бетти, но я не мог ей его купить, и о том, сколько пота приходится проливать за жалкую зарплату.

Но она была права. Это были мои деньги.

И я узнал их истинную цену, работая тяжело и научившись правильно тратить.

Бетти не раз становилась безвинной жертвой моего несправедного гнева, спровоцированного комплексом фрустрации. Но она ни разу не дрогнула: главным для нее было то, что я меняюсь и взрослею. Сам я не осознавал, что становлюсь другим человеком. Требовалось только научиться терпению, найти свое место и принять новые правила. Сложность, однако, заключалась в зыбкости моих жизненных ориентиров. Чем я лучше всех, кто меня окружает, чем отличаюсь от них?

Ее слезы всегда прекращали мои приступы гнева, напоминая, как я эгоистичен. Разве она не покинула свой мир, такой удобный и уютный, и своих друзей, чтобы запереть себя в моей жалкой комнатенке? И я просил прощения, сжимал ее в объятиях, мы мирились, и на следующее утро я просыпался с твердым намерением завоевать себе место в этом мире и вернуть ей утраченное.

И не важно, что такое решение окончательно отдаляло меня от мира моих друзей.

* * *

Проникнуть в дом шейха — самое очевидное из решений. Оно наилучшим образом отвечает моим возможностям. Я давно не практиковался, но думаю, что некоторые навыки не утратил.

Я подобрался к дому и попытался определить, какая охранная система там установлена: это оказалось видеонаблюдение, точный тип был мне неизвестен.

Вечером, в 20.00, четверых охранников сменяли двое. Всего двое.

Я легко перелезу через тяжелые ворота. Дерево с раскидистыми ветвями послужит мне укрытием. Дальше, на расстоянии приблизительно десяти метров, я окажусь на открытом пространстве. Но освещение вокруг дома слабое, и собаки нет. Это шанс. Я заметил низкое окно на цокольном этаже, куда можно будет проникнуть, отключив сигнализацию.

Поскольку расположение комнат в доме выяснить не удастся, придется положиться на инстинкт и удачу и молиться, чтобы мое безумие ее не спугнуло.

Жан

Пережив инсценировку собственной казни, Жан погрузился в состояние полной умственной прострации.

Много лет он жил с верой в спасительную силу смерти. Ужас изменил его отношение к жизни, и он без конца прокручивал в голове момент, когда почувствовал у горла холодную сталь и силы оставили его телесную оболочку, обратившись в сильнейший страх. В те несколько секунд он жил. Он взмок от пота, обмочился, не мог сдержать дрожь, но снова стал человеком. Означало ли это, что он не хотел умирать или просто не умел умереть? Хотел ли он жить? Ради кого, ради чего? Чтобы длить забвение? Вернуться на улицу и снова начать пить?

Когда Хаким принес ему завтрак, Жан приподнялся на локте, несколько минут смотрел на своего тюремщика и окликнул его, когда тот был уже на пороге:

— Что вы сделаете с пленкой?

Этот вопрос продолжал мучить его. Он представлял себе телевизионный показ, реакцию близких. Те адские мгновения пробили брешь в защитном панцире, которым он накрыл свое прошлое. Образы, страдания и сомнения, которые он пытался заглушить оправданиями и спиртным, грозились вырваться из-под спуда, и ему придется приложить нечеловеческие усилия, чтобы сдержать топкие воды своей истории. Ему пора умереть. На сей раз — по-настоящему.

— Почему ты спрашиваешь? Тебе стыдно? — сухо осведомился тюремщик. — Боишься, что увидят твои? Не знаешь, что они почувствуют, когда увидят тебя таким?

— Да что вам от меня нужно, в конце-то концов? — вспыхнул заложник. — Хотите отомстить? Принести в жертву религиозным фантазиям? Получить выкуп?

— Узнаешь, и очень скоро, — пообещал Хаким.

— Ублюдки! Тупицы! — выругался Жан.

— Гнев, стыд, забота о других... Видишь, как все просто... — усмехнулся Хаким. — Достаточно было запереть тебя и напугать, и ты снова стал человеком. А ведь всего несколько дней назад тебе было все равно, жить или умирать!

— Мой страх веселит вас. Наверное, вы здорово потешались, глядя, как я трясусь и писаю в штаны. Что вам нравится больше — унижать

людей или рубить им головы? Да, я трепетал в преддверии смерти. Господь свидетель — я ждал и даже призывал ее. Изю всех сил! Я верил, что избавился и от страха, и от желания жить. Но все-таки испугался, ужасно испугался...

— А теперь? Ужасно хочешь жить? — спросил Хахим.

* * *

Эрик Сюма раздраженно швырнул ручку на стол, прервав спор коллег.

— И это все, что вам удалось нарыть? Мы неделю мусолим одни и те же сюжеты. Сколько месяцев не было ни одной сенсации, ни даже просто интересной информации.

— Не заводись, Эрик, — ответила Изабель. — Мы выдавали ту же информацию и те же сюжеты, что и наши конкуренты.

Главный редактор новостей была известна не только своей требовательностью, но и чувством справедливости. Эрик был звездой, возражать ему коллеги не решались и предоставили действовать Изабель. Она тряхнула шапочкой темных волос, в голубых глазах зажегся опасный огонек, и она откинулась на спинку стула, всем своим видом выражая несогласие.

— Отличный аргумент! Хочу тебе напомнить, что с рейтингом у нас далеко не все в порядке, и мы не поправим дело, беря пример с других каналов.

Эрик был телеведущим старого образца — привлекательным, но не конфетно-красивым. Длинноватый нос, выступающие скулы, рот неправильной формы, квадратный подбородок и идеальная, волосок к волоску, прическа делали его похожим на итальянских актеров шестидесятих годов.

— Ну что за дурацкие рассуждения! — возмутился Шарль, ветеран отдела новостей. — Ты журналист или рекламный директор? При чем тут рейтинги? Мы делаем свое дело — и точка. Вся команда жилы рвет, делая из... говна конфетку, вот это правда!

Разговаривать со звездой канала в таком тоне мог себе позволить один Шарль. И дело было не только в его возрасте и авторитете — он помогал Эрику делать первые шаги на телевидении. Седые волосы и полнота делали Шарля похожим на почтенного отца семейства на пенсии, что ничуть не умаляло его авторитета. Репутацию великого репортера он заработал за

тридцать лет в горячих точках планеты. Для молодых журналистов канала «Теле-8» Шарль был образцом, кумиром, и они легко простили ему тот факт, что он решил завершить карьеру на развлекательном канале.

Сейчас все они предвкушали словесную схватку, но Эрик только молча покачал головой и встал.

— Ты прав. Я просто устал. Не сердитесь и продолжайте без меня, а я отдохну перед эфиром.

Эрик вошел в кабинет, сел в кресло и положил ноги на стол. Он злился на себя за срыв, хорошо зная, что может положиться на своих молодых коллег: платили им немного, но делу они отдавались полностью. Не их вина, что рейтинг не растет, все дело в «желтизне» канала, в посредственных программах и политике нового патрона — скорее «убийцы издержек»,^[4] чем менеджера.

Эрик Сюма переживал сложившуюся ситуацию как личное поражение. Он надеялся, что его приход на «Теле-8» привлечет толпы новых зрителей. Он не сумел придать ускорение каналу, хотя именно с этой целью его и нанимали. Он блефовал, когда ушел с национального канала и присоединился к команде Шарля, объявив, что хочет взяться за трудную задачу и доказать: успех обеспечит его опыт, его личная харизма, а не служба изучения спроса. Но дело, увы, приняло иной оборот.

В действительности на обман никто не купился. Сюма ушел, чтобы не быть уволенным. Позиция, которую он занял во время освещения злосчастного дела о теракте, навлекла на него самую резкую критику. Коллеги-журналисты считали, что у него «снесло крышу». Пресса не упустила возможности наброситься на звезду одного из самых популярных частных каналов Франции: Сюма, мол, превысил журналистские прерогативы.

Сам же Эрик считал, что просто сказал правду. Свою правду! За это его осыпали беспощадными упреками. Прошло около месяца, страсти из-за «грубого промаха» Эрика — так это называли его коллеги — улеглись, и руководство канала предложило ему уйти из эфира и стать продюсером информационной передачи. Выбора у него не было, он согласился и в ходе казуистических дискуссий сам поверил, что новый пост даст ему возможность вернуться к жанру журналистских расследований и затрагивать серьезные темы. Однако передачу из-за низкого рейтинга быстро убрали из эфира, и Эрику поручили заниматься «событиями»: встречи на высшем уровне, международные конференции, президентские визиты. Он комплектовал съемочные группы, организовывал работу в студии и перегон, но никогда не появлялся в эфире. Пять лет Эрик по

денежным соображениям вел эту растительную, как он сам ее называл, жизнь. Его ждала глубокая депрессия, но на одной из встреч «Большой семерки» он встретил Шарля, старинного коллегу и друга. Тот недавно перешел на новый кабельный канал и возглавил команду молодых журналистов. Эрик сказал, что хочет поменять работу, стать более независимым, и готов на половину нынешней зарплаты в обмен на свободу, место ведущего и разрешение делать совсем другие новости. Шарль переговорил с руководством, и Эрика взяли на «Теле-8» ведущим дневных новостей — за треть денег, которые он получал на прежнем месте.

Попав на этот амбициозный канал, Эрик почувствовал себя помолодевшим. Условия работы, шустрая команда, брюзжание Шарля, желание ответить на вызов — все напоминало ему первые годы работы. О переходе Эрика говорили все средства массовой информации, и Сюма смог насладиться забытым вкусом известности.

Эйфория быстро сменилась разочарованием: рейтинг не повышался, началась рутина. Эрик пожалел, что не отошел от дел на пике славы, осознавая, с чем пришлось бы расстаться, чтобы остаться в памяти коллег и зрителей великим профессионалом, человеком, способным повернуться спиной к успеху. Эрик понимал, что думать так — чистой воды снобизм, но не был готов принять горечь как единственное охранное свидетельство. Горечь переполняла его душу.

Чего он сегодня стоит как профессиональный информационщик, как мужчина, как друг? Жена ушла от него. Он остался один. Его больше не звали председательствовать на важных мероприятиях, не приглашали в дорогие рестораны, не просили отвечать на вопросы дурацких интервью, не жаждали узнать имя его последней невесты и не умоляли попозировать в смокинге в новогоднюю ночь. Медленно и незаметно Эрика Сюма выталкивали из рядов знаменитостей. Ему казалось, что, работая на этом жалком канале, в жалких теленовостях, он просто борется за выживание. Остатки его медийной популярности очень скоро будут уничтожены низким рейтингом передачи, а он слишком долго мерил свою человеческую ценность меркой славы, чтобы теперь остаться невредимым.

Единственный выход, достойный его таланта — он часто думал об этом в самые тяжелые моменты жизни, — покончить с собой. Средства массовой информации падки на патологические приманки. Он выберет час, место и соответствующую обстановку, и вечерние газеты непременно сообщат о его гибели на первых полосах. О нем напишут некрологи, поместят фотографии на обложки журналов. Молодые выпускники журфака будут брать интервью у его знакомых, исключая из них

неприятные слова и нелестные свидетельства, чтобы выстроить красивую историю. Похороны станут кульминацией посмертного торжества великого профессионала. Народу будет много — все в темных очках и строгих костюмах, они будут сдержанно и печально обниматься, утирать непрошеную слезу и украдкой посматривать на часы. Все захотят отдать последний долг Эрику Сюма.

Впрочем, Эрик не сомневался, что, если умрет сегодня, ничего подобного не будет. Краткая информация, небольшой сюжет, снятый верными друзьями, и пустынное кладбище. Его самоубийство наверняка истолкуют как последнюю демонстрацию тщеславия — того, что сродни трусости.

Ему нужна сенсация. Информация, эксклюзивная настолько, чтобы вытолкнуть его в «первачи» и позволить еще раз продемонстрировать, чего он стоит. Потом он сможет уйти, со спокойной душой отправиться на покой.

Так думал Эрик, сидя с закрытыми глазами в кресле и размеренно дыша.

Он не заметил лежавшего на полу конверта.

Письмо доставили с утренней почтой, и в нем содержалось решение всех его проблем.

Даниель

Я сам все порчу и могу упустить удачу. Мой план идеален, но провалы в памяти мешают его выполнять. Я слишком много пью.

Нужно восстановить силы, собраться, мобилизовать мозги, иначе операция сорвется.

Если бы только Жером поговорил со мной!
Пусть появится и останется хоть на минуту!
Я больше не муж и не отец.
Но еще не убийца.

Вчера я решил, что могу все оставить и уехать в Париж. Сказал себе, что нужно вернуться к нормальной жизни. И это слово все погубило. «Нормальной» жизни не существует. Разве нормально, что мой ребенок умер? Нормально, что человек взрывает себя в автобусе, чтобы все узнали о его «великой миссии»? Нормально, что заказчик и вдохновитель теракта ест, смеется, молится и спит сладким сном? Ничто больше не будет нормальным.

Поговори со мной, Жером! Прощу тебя, скажи хоть что-нибудь!

Скажи, что тебе не было больно!

Скажи, что не злишься на меня!

Скажи, что тебе хорошо там, куда ты попал. Скажи, что твои появления — не плод моей больной фантазии. Что ты действительно говорил со мной после смерти.

Скажи, что я не безумен.

Просто пьян.

* * *

Трудней всего мне было соблюдать субординацию. Всякий раз, когда один из начальников заговаривал со мной слишком жестко или переходил на фамильярный тон, я напрягался и оцетинивался от внутреннего протеста. Если же мне отдавали приказания или, хуже того, делали выволочку, приходилось сдерживаться из последних сил: в прежней жизни я легко выходил из себя и раздражался бранью.

Я был готов подчиняться чужому авторитету, но хотел понимать, насколько законны претензии моих начальников. Положение, стаж работы и размер жалования не были в моих глазах достаточными аргументами. Они не только не могли замаскировать глупость некоторых моих коллег, но зачастую становились ее катализаторами. На фирме было полным-полно мелких начальников, неудовлетворенных ответственных работников, пытавшихся с помощью власти добиться уважения, в котором отказывала им жизнь.

Вначале мое отношение к ним было презрительным, и я быстро заработал репутацию спесивца. Если бы не успехи на коммерческом поприще, меня бы немедленно уволили, и я решил измениться, стал более общительным, пытался проявлять участие и сострадание: возможно, мои коллеги так неумны и трусливы, потому что жизнь не была к ним ласкова. Но на некоторые уступки и моральные компромиссы я все же не шел, чтобы сохранить остатки гордости: не смеялся глупым шуткам, не критиковал коллег, не входил в группировки... Теперь я участвовал в общих разговорах и обсуждениях, пил с остальными кофе по утрам, ходил вместе обедать, принимал приглашения на дни рождения и юбилеи. Это заинтриговало окружающих, а потом привлекло ко мне внимание. Помимо своей воли я стал лидером для новичков отдела торговли, ищущих устойчивых ориентиров в нашем беспокойном мире, а начальники стали воспринимать меня как непростого, но достойного уважения подчиненного.

Моя непохожесть могла стать моей силой, если бы удалось совладать с необузданным нравом. И я это понял.

* * *

Однажды я наткнулся на социологическое исследование, посвященное мужчинам и женщинам, выходцам из простых слоев общества или семей иммигрантов, пытающихся добиться более высокого положения. Автор писал о понятии «двуязычия»: так он называл способность встроиться в новую среду, не растеряв опыт, ориентиры и связи, на которых эти «парвеню» себя сделали. Социолог называл «двуязычие» могучей движущей силой. Не лицемерием, а дистанцированием для оценки ситуации, способностью находиться одновременно внутри и снаружи, сохранив критичность ума, и в конечном итоге как можно лучше сыграть свою роль.

Идея автора в точности соответствовала моей ситуации. Я ясно видел происки коллег, угадывал мотивации и страхи и использовал их для скорейшего достижения собственных целей. Я не терял времени и сил на издевки над другими, не боялся ни шефа, ни увольнения. Я осознавал, какой путь прошел, и был уверен, что всегда смогу выйти сухим из воды и начать все с чистого листа.

Я становился непобедимым.

Руководство обратило внимание на необычность моего поведения, отметило успешную работу и сделало вывод, что я — сильная, многообещающая личность. Они решили, что из меня получится начальник, и предложили пройти несколько курсов стажировки.

Я согласился, испытав одновременно удовлетворение и страх.

Удастся ли мне устоять перед притягательной силой коммерческой культуры?

Неужели я тоже превращусь в мелкого босса?

— Мне нужно с тобой поговорить, Даниель.

У Кейта безупречный, чуточку манерный французский. Длинное худое лицо со слишком тонкими, почти женскими бровями и изящные манеры резко контрастируют со сквозящей во всех движениях силой. Мы встретились в холле гостиницы. Кейт должен был оставить для меня бумаги у портье, но предпочел дожидаться и передать папку лично.

— У меня совсем мало времени.

Помощник холодно смотрит на меня и явно задается вопросом, что я за патрон. Бегаю от работы, позволяю ему самостоятельно вести досье «Спаркс» и не задаю ни одного вопроса. Натянутое молчание Кейта заставляет меня выслушать его.

— Впрочем... несколько минут я могу вам уделить.

Он ждет, что я приглашу его сесть на один из диванов в салоне, но я этого не делаю, чтобы максимально сократить время встречи.

— Я не обойдусь без тебя в этом деле, — говорит он. — Нужно принять решения об опционах, которые мы предложили клиенту.

— Я полностью на тебя полагаюсь, Кейт. Выбирай сам.

Он продолжает смотреть на меня так, словно пытается проникнуть в тайну моей личности.

— Но... мы должны составить смету, установить расценки, а я не знаком с тарифной политикой агентства.

— Подготовь докладную записку, перечисли свои предложения, назови количество рабочих дней. Я просмотрю и отправлю в агентство, чтобы они все обсчитали.

Он кивает:

— Дело в том... что клиент не понимает, почему... ты с ним больше не встречаешься. Контракт он подписал с тобой. Думаю, он будет раздосадован тем, что ты поручил дело простому консультанту.

— Не консультанту — ценному сотруднику.

Кейт не купился на комплимент, более того — мой детский приемчик его задел, хотя внешне он остался невозмутимым.

— В моих словах нет преувеличения, — говорю я, понимая, что должен его успокоить. — Я очень ценю твою работу, ты прекрасно справляешься без меня.

— Спасибо, — вежливо отвечает он.

— Я... я сейчас занят гораздо более важным и очень... рискованным делом, оно отнимает все мое время. С клиентом я встречу при первой же возможности.

Верит ли он мне? Не знаю. Не все ли равно, лишь бы продолжал делать за меня работу. Нужно проявить большую заинтересованность.

— Завтра днем я позвоню клиенту.

— Он это оценит, — говорит Кейт и наконец уходит.

Сколько еще времени я смогу играть роль, не выдавая себя?

Жан

Эрик Сюма нервно ходил по кабинету.

— Другие каналы получили запись?

— Мы это проверяем, — отвечает Шарль. — Было бы странно, отправь они диск только тебе.

— Что думаешь о содержании?

Эрик остановился напротив Шарля и взглянул на него, ожидая ответа. Изабель не вмешивалась: на ее лице читалось сомнение, она была явно не готова высказать свое мнение.

Шарль пожал плечами:

— Похоже на розыгрыш. Верится с трудом. Я видел подобные записи. Атмосфера другая. Да и снято слишком профессионально.

— Слишком профессионально? — удивился Эрик. — Ты помнишь, что такое установочный кадр?

— Да, знаю, все прыгает и трясется. Но мне кажется, что это сделано намеренно. Это не более чем догадка, мое личное мнение. Они не слишком умело имитировали сложные условия съемки. Похоже на инсценировку.

— Включи запись, чтобы не объяснять на пальцах.

Шарль включил воспроизведение. Они уставились в плазменный экран. Раздались крики. Картинка дергалась. Потом камера остановилась на лице пленника и замерла.

— Видишь, не похоже, что рывки связаны с неумелым кадрированием из-за неопытности или трясущихся рук оператора. Тот, кто снимает, как будто обшаривает сцену, чтобы дать нам обзор, но не позволить опознать место или присутствующих. Потом камера наезжает на лицо заложника и замирает. Они устроили истерическую пробежку и зафиксировали этот план, чтобы мы увидели человека.

— Какого человека? Там только темное пятно! Контуры лица, борода, — не согласился Эрик.

— Да, однако создается впечатление, что это не случайность. Они хотят показать заложника, но не дать нам опознать его.

— Естественно! Это разменная монета.

Шарль задумался над словами Эрика.

— Ты прав. Они не говорят, кто этот человек, и не показывают его лицо — только отдельные элементы облика: одежду, бороду, волосы...

— Он похож на бродягу, — высказалась Изабель.

— Бродягу... Но зачем похищать бродягу? — задумчиво произнес Шарль. — Если похищение осуществили исламисты, почему они не потребовали выкуп? Вся эта история — полная бессмыслица!

— Скоро потребуют, не сомневайся.

В комнату вошла запыхавшаяся Клара. У самой молодой сотрудницы редакции была чудесная улыбка и изящная хрупкая фигурка. Она чувствовала, что нравится Эрику, о чем недвусмысленно свидетельствовали его взгляды. Внимание знаменитого журналиста смущало девушку.

— Диск прислали только нам. Я обзвонила всех, — с торжествующим видом объявила она.

— Сенсация! — воскликнул Эрик. — Наконец-то.

— Ты же не собираешься поставить этот сюжет в вечерний эфир? — встревожился Шарль.

— Почему бы и нет? — удивился Сюма. — Думаешь, я буду сидеть и ждать, когда собратья по цеху получат видео? Мы впервые получили фору.

Шарль вскочил, не в силах справиться с раздражением:

— Нужно проверить информацию! Мы даже не знаем, объявлен ли человек, отвечающий этому описанию, пропавшим.

— И что с того? Будем жить надеждой, что его разыскивают? Речь идет о бродяге. Кто мог заявить о его исчезновении?

Шарль покачал головой. Дело очень ему не нравилось.

— Если речь идет о похищении, проинформируем площадь Бово,^[5] — предложила Изабель. Ей до смерти хотелось дать в эфир сенсационный сюжет, не совершив при этом необдуманного шага.

— Они и так все узнают через час. Из выпуска новостей!

— Нет, мы слишком торопимся, — не успокаивался Шарль. — Я человек старой школы. Информацию необходимо проработать! На подобном деле легко сгореть!

— Сгореть? — возмутился Эрик. — Мы уже сгорели! Безнадежно от всех отстаем. У нас появилась потрясающая возможность отличиться, — сказал он, кладя руку на плечо старого друга.

— Я разделяю мнение Эрика, — вмешалась в разговор Изабель. — Но согласна и с Шарлем — осторожность не помешает. Известим площадь Бово прямо перед выпуском. Пока они будут переваривать сообщение, мы уже выйдем в эфир. Информацию подадим максимально аккуратно.

— Согласен. Но сюжет пойдет в моем эфире!

Шарль неохотно согласился.

* * *

Жану становилось все хуже. Без алкоголя, свежего воздуха и какой бы то ни было перспективы время снова стало реальным. Оно подавляло его своей жестокой и равнодушной размеренностью.

Он пытался оценить ситуацию, что давалось ему с невероятным трудом. Все пошло не так. Вернулся один из извечных негативных факторов его жизни. У него никогда ничего не получалось так, как он это задумывал. Судьба всегда обманывала его, принуждая быть ведомым, а не ведущим.

Он подумал о спрятанном под матрасом мешочке, последнем связующем звене с его так называемой новой жизнью. Фотография, блокнот, вырезки из газет, документы. Он никогда не смотрел на снимок, ему достаточно было иметь его под рукой. В блокнот он тоже ничего не записывал, полагая, что прожил свою историю до конца.

Он сунул руку под матрас, как делал всякий раз, когда отчаяние заполняло душу. Заветной вещи на привычном месте не оказалось, и он резко выпрямился, поднял матрас и все обыскал. Мешочек исчез.

— С чего это ты так разволновался? — спросил вошедший в комнату Хаким.

Жан вздрогнул.

— Что, кялб, зарыл косточку и не можешь найти?

— Где мой...

— Твой что? — перебил его Хаким. — Ты что-то спрятал? Оружие для побега? Ценные вещи? Библию, чтобы молиться твоему Богу?

— Сволочь! — выкрикнул Жан и без сил рухнул на кровать.

— А она красивая — та баба, которую ты обнимаешь за талию. Твоя жена или просто шлюха?

Бандит не прекращал терзать его унижительными издевками, ему явно нравилось, что пленник бунтует, исходит возмущением, но ничего не может сделать. Нельзя доставлять ему такого удовольствия. Нужно стиснуть зубы и молчать, забыть о мучителе, сделав вид, что его нет.

— Если это твоя женушка... я, пожалуй, навещу ее как-нибудь.

Жану показалось, что ему нанесли очередной удар под дых, но он сумел сдержаться.

Хаким подвинул к кровати стул и сел.

— Эта идея нравится мне все больше, — вкрадчиво прошептал он. — После того как мы тебя убьем, я с ней повидаюсь, выдам себя за твоего друга, войду в доверие и... немного развлекусь.

Жан резко рванулся к террористу, но наручники врезались в запястья, не позволив дотянуться до обидчика.

— Не приближайся к ней! — прорычал он. — Не смей ее трогать, или...

— Или что? — расхохотался Хаким.

Жан не нашелся что ответить.

— Или ты меня проклянешь? Станешь призраком и будешь пугать меня по ночам? Думаешь, Сатана позволит тебе являться живому человеку?

— Если я попаду в ад, ты тоже там будешь, — сквозь зубы процедил Жан.

Хаким снова зашелся фальшивым смехом:

— Я — воин Аллаха! Я сражаюсь, чтобы установить Его царство на земле, и за это попаду в рай.

— Ты — солдат Господа? — презрительно переспросил Жан и плюнул в лицо террористу.

Хаким отвесил ему звучную пощечину, и Жан опрокинулся на спину.

— Она все еще живет в том доме с белыми стенами, — кривляясь, просюсюкал Хаким. — Она водит маленький «мерседес», уезжает из дома в семь утра и возвращается в семь вечера. Именно в этот час я и приеду к ней в гости.

Последние слова потрясли душу заложника. Он представил, как все случится, и с ужасом понял, что не сумеет защитить жену.

Он повернулся лицом к стене и прикусил язык, чтобы не разрыдаться от ярости и бессилия.

* * *

«Эфир через тридцать секунд!»

Шум стих, хождения прекратились.

Эрик выдохнул, как готовящийся к рывку спортсмен. Он много лет не чувствовал подобного возбуждения. Образы стремительно сменялись у него в мозгу: собратья-журналисты получают информацию, заголовки газет, интервью, которые он будет давать, ревность бывших соратников. Он

прогнал мысли о грядущих радостях и сосредоточился на тексте, который собирался произнести.

Заглавные титры. Краткий обзор. Наезд на Эрика. Начали.

— Добрый вечер, дамы и господа. Мы начинаем выпуск с тревожного сообщения. Тридцать минут назад в редакцию «Теле-8» прислали диск с записью захвата заложника. Адресован он лично мне. Но вот что странно: нет ни послания, ни какого бы то ни было четкого требования. Еще более странным представляется тот факт, что конверт был опущен в почтовый ящик в самом центре Парижа, а это значит, что захват произошел на территории нашей страны.

Эрик замолчал, переводя дыхание. Решающую роль в работе ведущего играли тон, темп речи и пристальный, пронизывающий взгляд.

— Как вы сами сможете убедиться, посмотрев сюжет, у заложника длинные волосы, борода и грязная одежда. Кто он такой? Почему дошел до такого состояния? Чего хотят похитители? На эти вопросы пока нет ответов. А теперь посмотрите запись.

Запустив запись, Эрик вслушался в голос Изабель в наушнике:

— Почему ты не читал текст с суфлера? Эрик, мы и так очень рискуем, ты не должен снова сорваться.

— Что значит — снова? — прошипел Сюма в микрофон.

— Ладно, проехали. Ты возвращаешься в эфир через десять секунд.

Эрик раздраженно сорвал наушник и бросил его себе за спину. Инженеры удивленно переглянулись, потом один из них сделал знак, что можно начинать.

— Повторю, у нас нет никакой информации ни об этом человеке, ни о тех, кто его похитил, ни об их требованиях. Специалисты по борьбе с терроризмом проведут тщательный покадровый анализ записи. Оригинал в настоящий момент уже доставлен в Министерство внутренних дел. Однако, судя по всему, все это не розыгрыш и не шутка. Манера съемки и способ доставки напоминают почерк мусульманских экстремистов. Напоминаю: до сегодняшнего дня ничего подобного на территории Франции не происходило.

— Он совсем рехнулся! — Шарль был в ярости. — Ну что, довольны? Я был против, а вы позволили ему действовать... Будет ужасный скандал...

В режиссерской аппаратной наступила тишина.

Красная от злости Изабель подняла брови, выражая свою растерянность:

— Эрик должен был читать наш текст! Почему он все изменил?

— Потому что обожает лезть на рожон! Посмотрите на него: он обезумел... от радости.

Эрик Сюма продолжал произносить свой текст. Он написал его сам, закрывшись в кабинете, когда принял решение «оседлать» событие, отметить его своим фирменным знаком. Он был уверен, что это настоящая сенсация, история, которая в ближайшие недели будет волновать всю Францию и даст ему почувствовать забытый вкус славы. Дело о захвате заложника — его последний шанс. Пытаясь оправдаться за то, что так поступил с коллегами, Эрик убедил себя, что действует и в интересах канала тоже, а в случае провала возьмет всю ответственность на себя и уйдет в отставку.

— На данный момент это все. Сотрудники нашего канала продолжают внимательно отслеживать события, чтобы предоставить вам в ближайших выпусках как можно больше информации.

В аппаратной ассистент позвал к телефону главного редактора:

— Изабель, это площадь Бово.

— А вот и неприятности.

Даниель

Я схожу с ума! Я без конца повторяю себе эту фразу. Я схожу с ума! Я понимаю это, когда прихожу в себя и обнаруживаю, что лежу голый на ковре и напеваю незнакомую мелодию или сижу за столом, ткнувшись лицом в тарелку с холодными объедками. Я вижу перед собой страницы сценариев, один глупее и фантастичнее другого, и не помню, чтобы писал их. Пустая бутылка на полу, мерзкий вкус во рту и чудовищная головная боль подтверждают, что я пил. Я больше не справляюсь с собой, не могу работать с клиентами, придумываю отговорки, то отменяю, то переношу встречи. Кейт безропотно взял все на себя. Салливан звонил сегодня утром несколько раз. Я не ответил. Неужели клиент успел пожаловаться?

* * *

Родители помирились с Бетти, когда мы решили пожениться.

Я считал свадьбу делом будущего, счастливым событием, которое когда-нибудь потом, увенчает нашу любовь. Меня все устраивало, наше счастье не нуждалось в подтверждении, в сертификате соответствия, но, когда Бетти приняла решение, я легко согласился. Я доверял ее суждениям, желаниям и интуиции. Думаю, она хотела утвердить меня в социальной роли, чтобы я взял на себя ответственность и не откликнулся в один прекрасный день на зов свободы. Бетти понимала, как сильно я ее люблю, но время от времени спрашивала себя, перевесят несколько месяцев страсти и совместной жизни годы моей бродячей жизни или нет. Она торопила события еще и потому, что хотела поставить родителей перед свершившимся фактом, навсегда лишит их надежды, что когда-нибудь она от меня уйдет.

Бетти оказалась права.

После свадьбы перед нами открылось безбрежное будущее. Я почувствовал себя настоящим мужчиной, отвечающим не только за себя, но и за семью. Родители Бетти поняли, что решение дочери окончательно и бесповоротно, и сдались. Меня пригласили на обед, и мы зарыли топор войны, но я хорошо помню свирепый взгляд отца Бетти и любопытство в глазах матери. Я тогда был всего лишь начинающим торговым агентом — с

перспективами, но без денег. Уважение тестя и тещи росло пропорционально увеличению моих доходов.

Мы решили устроить скромную церемонию, чем несказанно порадовали родителей: им не пришлось краснеть от стыда перед своими друзьями и знакомыми.

Помню выражение их лиц при виде зала в глубине ресторана, где толпилось человек тридцать гостей. Когда ребята подошли их поприветствовать, моя теща тут же сняла серьги и кольца: от нее не ускользнул оценивающий взгляд Витто. Никогда не забуду, с каким высокомерием они смотрели на моего пожилого, застенчивого отца, а тот смущался и чувствовал себя неловко с новыми родственниками: ну еще бы, он — какой-то там мелкий чиновник, а они — утонченные зажиточные буржуа. Но главное и самое счастливое мое воспоминание — красавица Бетти в простом белом платье.

Мой отец готов был сдуть с Бетти пылинки. Он надеялся, что наше семейное счастье продлится дольше, чем его собственное. Когда Бетти пригласила его на вальс, он стал пунцовым от смущения, неловко встал и подал ей руку. Они закружились в танце, папа совершенно воспрял, и я увидел на его лице улыбку. Наверное, он воображал, что кружит в танце любимую жену.

Мои друзья, с которыми я теперь встречался раз в неделю — мы заходили вечером в «Маленький Париж» выпить по стаканчику, — тоже сплясали с Бетти. Они восхищались, и завидовали, и благородно прощали разлучницу, раз уж она делала меня таким счастливым.

Парни весь вечер развлекали гостей. Они устроили безумные пляски, но я знал, как им грустно. Мы расставались, я уезжал в Париж, и этот вечер был прощальным.

Когда последний гость простился и покинул ресторан, друзья подошли ко мне, и лица их были печальны. Я тогда не знал, что мы нескоро увидимся. Мы ничего друг другу не сказали, ничего не решили, но они всё поняли. Там, куда я собирался, жили по другим законам, и эти законы им не подходили.

Диджей собирал оборудование, все мы были слегка пьяны и переполнены чувствами, и они на свой манер, не очень умело, но гордо выразили мне свою любовь, хотя прежде мы считали это недостойным мужчин и даже не обнимались при встрече или расставании.

— Позаботься о себе, братишка, — велел Соломон. — Мне будет тебя не хватать.

— Мы вообще-то не так далеко уезжаем, — ответил я, — Париж в двух часах езды на поезде.

Он кивнул и печально улыбнулся.

— Вспоминай о нас, — буркнул Реми. — Хоть иногда.

— Да, думай о нас, — шепнул мне на ухо Витто и пошутил: — Окажешься среди богатеньких, дашь нам наводку...

— Я поступлю как ты, — бросил мне Набиль, — женюсь на такой же классной бабе и остепенюсь.

Бартоло промолчал. Повернулся ко мне спиной, поднял на прощанье руку и вышел.

Мои друзья.

Люди чести.

* * *

Мохтар Эль-Фассауи.

Тридцать два года, высокий, стройный плейбой в сшитом на заказ костюме с кейсом «Вуиттон». Я узнал его в первый же визит к дому шейха. Прочел о нем статью в газете, где о нем писали как о бизнесмене с сомнительной репутацией. Его подозревали в вымогательстве, отмывании денег и других финансовых нарушениях, но проблем с правосудием у него никогда не было.

За две недели он трижды побывал у шейха. Встречи более чем странные, учитывая разницу в образе жизни. Эль-Фассауи воплощал в себе все, с чем боролся шейх: ассимилированный араб, жадный до денег и красивых женщин, оскорбительно высокомерный, даже презрительный в отношениях с религиозными деятелями, считающий мусульман ретроgrадами и предпочитающий им жителей западного мира с их беззаботностью, культом удовольствий, любовью к роскоши, блеску, искусству.

Тем не менее принимали Эль-Фассауи весьма обходительно. Телохранители обменивались с ним шутками. После первого визита шейх даже проводил его до двери — я видел это в окно. Эль-Фассауи простился с ним очень уважительно. В следующий раз он явился с человеком, которого охранники шейха явно видели впервые, но обыскивать не стали.

Мне кажется, этих двух людей объединяют сугубо деловые отношения.

Деньги, власть... Когда идеология покидает заоблачные дали, она

становится уязвимой.

Этот путь может оказаться перспективным.

* * *

Я сидел, застыв в неподвижности, и смотрел на Бетти так, словно видел ее впервые, а мой мозг пытался осознать совершенно невыносимое известие.

Как мы будем жить втроем в этой комнатенке? Сумею ли я стать отцом, не успев повзрослеть? Почему мы не были осторожней? Эти идиотские, хоть и резонные вопросы мешали заметить застенчивую улыбку Бетти, звавшую меня проявить радость, разделить ее чувство.

Мы уже говорили о том, чтобы завести детей, но я считал, что мальчик должен появиться на свет только после того, как я получу достойное место, заработаю денег и мы сменим квартиру. Конформистская логика мелкого буржуа, коим я и стал. Но мне были так необходимы порядок и четкая система отсчета, чтобы двигаться вперед, что эта новость грозила нарушить равновесие моей жизни.

— Но... Это невозможно, ты ведь принимала таблетки. Что будет с твоей учебой? И как нам теперь поступить?

Вот и все, что я сказал, услышав от нее такую чудесную новость.

— Я, наверное, ошиблась в подсчетах, — отвечала Бетти. Она больше не улыбалась, ее глаза наполнились слезами.

Передо мной стояла девочка: расстроенная из-за совершенной ошибки, ждущая поздравлений, нежных слов. Она печалилась, что разочаровала меня, а я — ее. Я обнял Бетти.

— Не плачь, детка, это просто замечательно, — шепнул я ей на ухо. — Мы будем счастливы, еще счастливее, чем сейчас.

Произнесенные слова как по волшебству проникли мне в сердце, изменив отношение к случившемуся.

За несколько дней я превратился в заботливого влюбленного, будущего отца, взрослого энергичного мужчину и за девять месяцев свернул горы, закалив свою волю. Когда Бетти была на девятом месяце, меня поставили во главе отдела продаж, и я начал подыскивать новую квартиру.

«Каждый ребенок приносит свою долю счастья», — сказала однажды

моя жена.

В день, когда родился наш первенец, я вышел из клиники в состоянии эйфории, граничащей с помешательством. Я вспоминал все, что пережил ночью, маленькое тельце, покрытое слизью и кровью, сморщенное личико с огромными вопрошающими глазами и ангельскую улыбку любимой женщины. Мне хотелось бежать и кричать, я жаждал рассказать о великом событии. Кому? Я решил было позвонить Соломону, но передумал. Не знал, как он воспримет эту новость, ведь после свадьбы мы ни разу не встречались и даже не говорили по телефону.

Я предпочел позвонить отцу. Мы редко виделись, и телефон был не лучшим средством связи для мужчин, так и не научившихся общаться, но я надеялся, что волшебство момента все изменит.

— Поздравляю, — неуверенным тоном произнес он. — Это... хорошо. Ты... должно быть, счастлив.

— Да, папа. Очень счастлив.

— Ну конечно... Я понимаю. Значит, я теперь дедушка.

Я знал, что отец тоже очень взволнован, но на свой лад, а мне хотелось другого — радостных криков, вопросов, пожеланий счастья.

И тогда я позвонил на работу, хотя не мог знать, как проявят себя коллеги.

Они, как мне показалось, искренне обрадовались и пообещали организовать пирушку, чтобы отметить великое событие. Я впервые испытал к ним теплые чувства.

Этот малыш, едва успев появиться на свет, уже внушил мне любовь ко всему миру.

* * *

Салливан хочет меня видеть. На сей раз отвертеться не удастся.

Я прилетел в Париж всего на два дня, но мысль о том, что пришлось оставить наблюдательный пост, сводит меня с ума. Я боюсь, что упущу важную информацию. Слежка превратилась в одержимость. Я почти не сплю и провожу все время у окна, глядя в бинокль на дом шейха, даже ем стоя. И пью не просыхая.

Все эти долгие часы я воображаю, что происходит внутри. Иногда мне даже кажется, что я способен мысленно проникнуть в этот дом. Я вглядываюсь в окно, начинаю различать картинки и звуки, мысленно

вламываюсь в дом, присутствую на ужине у духовного лидера, слушаю застольные беседы. Я могу представить себе каждый предмет обстановки, его библиотеку и кабинет...

Наверное, вот так и сходят с ума.

Каждое утро я просыпаюсь в бесчувственном состоянии и не могу отличить реальное от воображаемого. Умываюсь, пью кофе, возвращаюсь к жизни и использую моменты просветления, чтобы составить очередной план, который позволит мне добраться до шейха. Потом я отвлекаюсь, прячусь за тяжелой шторой и снова принимаюсь следить.

Сегодня утром, когда я вышел из гостиницы, чтобы взять такси, солнце ослепило меня. Мои глаза были красными от пьянства, усталости и долгих часов маниакального наблюдения.

В самолете стюардесса спросила, все ли со мной в порядке. Что ее насторожило — расширенные зрачки, безумный вид или всклокоченные волосы? Какая разница. Но один вывод я сделал: перед встречей с Салливаном стоит привести себя в порядок.

Покидая Лондон, я предупредил администрацию гостиницы, что буду отсутствовать пару дней, и заплатил за две недели вперед. К сожалению, мое поведение их насторожило. Беспорядок в номере, нежелание пускать горничную, то обстоятельство, что я почти никуда не выхожу, делает меня в их глазах подозрительным субъектом. Я сказал, что они могут навести порядок в мое отсутствие, и объяснил, что пишу роман, работа отнимает много сил и делает меня раздражительным. Чтобы подкрепить легенду, я оставил на столе несколько страниц, скопированных с литературных сайтов. Было бы абсурдно провалить дело из-за грубого обращения с персоналом или неспособности запудрить мозги управляющему. Он, кстати, заверил, что все понимает и будет рад получить экземпляр книги с автографом, когда она выйдет.

Нужды в этом не будет. Обо мне напишут все газеты.

* * *

Ребенок, новая квартира, новые обязанности.

Новая жизнь.

Жером был прекраснейшим предзнаменованием новой, многообещающей эры.

Бетти бросила учебу. Мы решили, что она будет год сидеть дома с

малышом, а потом вернется на факультет.

Я становился отцом медленно — когда смотрел на Жерома, давал ему бутылочку и с нетерпением считал часы до новой встречи с сыном.

Я открывал для себя, что такое семья, удивляясь, насколько она соответствует тем старомодным представлениям, над которыми я всегда потешался. Моя жизнь в точности напоминала сделанную в шестидесятых годах рекламу электробытовых приборов, и мне это нравилось! Я даже находил в этом удовольствие. Потому что участвовал, был частью этого, был в этом.

Жером был фантастическим проводником положительной энергии. Он менял нашу жизнь, придавал ей смысл, выходящий далеко за пределы сегодняшнего дня или текущего месяца.

Даже родители Бетти и те смягчились.

Знакомство с внуком состоялось в клинике. Отец Бетти сохранял неприступный вид, но глаза выдавали любопытство к «наследнику». Мать Бетти растаяла мгновенно. Она взяла Жерома на руки, укачивала его, улыбалась. Потом они навестили его снова и стали бывать у нас всякий раз, когда приезжали в столицу. Отец оглядывал обстановку квартиры, но ничем не выдавал своей досады и даже начал проявлять интерес к работе зятя, удивленный и введенный в заблуждение тем, как я изменился. Он даже предложил замолвить за меня словечко кое-кому из знакомых. Я попросил его этого не делать, отказался и от денег, которые деликатно предложила нам мать Бетти. Он не обиделся и даже стал больше уважать меня.

Предложение тестя польстило мне. Оно означало, что дистанция между нашими мирами сократилась. Он готов был поручиться за меня, следовательно, считал достойным доверия.

Бетти была счастлива: маленький сын и помирившиеся с мужем родители заставили ее красоту засиять особым блеском.

Она стала настоящей женщиной. Моя жена.

Мама Жерома.

* * *

Взгляд на дом, к которому ведет просторная аллея, наполняет меня странным чувством. Я расплачиваюсь, и машина уезжает, задев крышей

нижние ветки старых деревьев. Стою перед дверью, пытаюсь справиться с чувствами, от которых перехватывает горло.

Внешне все выглядит совершенно нормально. Здесь живут счастливые буржуа. Сейчас выбегут ребяташки с ранцами за спиной, их приветливо улыбающийся отец сядет в машину, любящая жена и мать семейства помашет им на прощание рукой. Привычные жесты, составляющие нашу жизнь, словно застыли в воздухе и ждут, когда чудо оживит их.

Такой была наша жизнь. Черета отживших образов, взятых напрокат у времени и глянцевого журналов. Пленка, запечатлевшая наш счастливый бег по кругу. Я то и дело оценивал дистанцию, отделявшую меня нынешнего от юного хулигана, промышлявшего мелкими кражами. Бетти старалась вписать наши жизни в семейную фреску, где она могла бы играть подобающую роль. Я любил ее за это восприятие мира, когда каждый прожитый день имеет смысл, только если творит историю. Она всегда точно знала, что наша повседневность — это составная часть пути, начало которому было положено задолго до нас, а конца не будет никогда.

Раньше я жил как шантрапа: сходить на «дело», прогулять деньги, завести новую подружку. Я был членом одной из городских банд, и моя история складывалась из череды мелких преступлений и потасовок, которые мы с ребятами считали героическими поступками. Я был личностью: Дани — мускулистый красавчик, вкрадчивый соблазнитель. Я никогда ничего не боялся, всегда принимал участие в разборках между бандами и даже гордился этим. Бетти показала мне другой мир, живущий по иным правилам, исповедующий иные ценности.

Наш дом — свидетельство этой метаморфозы.

— Папа?

Пьер с удивлением смотрит на меня. Бетти не сказала, что я приеду. В воздухе на несколько мгновений повисает недоуменная пауза. Изумление в глазах Пьера вызвано моими слезами, которых я даже не заметил. Мой сын впервые видит меня в таком состоянии. Я никогда не плакал при Бетти и Пьере, чтобы не усугублять их горе, но мой мальчик несколько не напуган, и я понимаю, что ошибался.

Он берет меня за руку, крепко пожимает, потом целует, смущаясь неловкого проявления любви, и, глядя в сторону, тянет за собой к двери.

* * *

Жерому исполнилось два года, когда родился Пьер. Я был счастлив и надеялся, что моих сыновей свяжет такая же верная дружба, как членов моей маленькой банды. Я решил сделать все, чтобы воспитать в них благородное отношение друг к другу, чтобы это связало их на всю жизнь и внушило уверенность, что можно преодолеть любое препятствие.

Мой замысел с самого начала оказался под угрозой. Как наделить сыновей силой, уверенностью в себе и волей, которым меня научила улица, если я из кожи вон лезу, чтобы обеспечить им все удобства и возможности, предоставляемые обществом потребления?

Могут ли ценности сочетаться с роскошью?

Я рисовал себе их будущее с позиций «идеального руководителя старшего звена», которым стал к тому времени: лучшая школа, дорогая одежда, роскошный дом с бассейном и учеба за границей.

Я хотел, чтобы они были похожи на меня и не обманывались насчет царящих в обществе нравов, и не мог не предоставить им всех необходимых для этого средств.

Через несколько месяцев после рождения Пьера меня назначили региональным управляющим. Коллеги и начальство считали, что я обязан постом личному обаянию, но я знал, что все дело в трезвости ума, проистекающей из «двуязычия».

Именно этой трезвости ума я и хотел научить сыновей, вот только не знал, как это сделать.

Я и теперь не уверен, что преуспел бы, отпусти мне жизнь достаточно времени.

Жан

Министр внутренних дел сидел за своим столом, бесстрастно наблюдая за собеседниками. Он нервно постукивал кончиком ручки по кожаному бювару, только это и выдавало его нетерпение. Гладкое белое лицо с тонкими угловатыми чертами и взгляд бледно-голубых глаз выражали спокойствие, контрастируя с его репутацией крутого, властного политика.

Это дело вызывало у него раздражение. Исламские террористы на французской территории! Он потратил четыре года на борьбу за снижение уровня преступности, старался выглядеть сильным и несгибаемым, защищал свои идеи, пустив в ход всю свою харизму, но что он мог противопоставить решимости и организованности террористов? Гангстеры уязвимы, они жаждут наживы, борются друг с другом за влияние и власть. Их можно «достать» — купить, завербовать или уничтожить, ударив по слабым звеньям преступных синдикатов, а религиозные и политические экстремисты защищают идею, руководствуются иррациональной верой. С такими людьми переговоры вести невозможно, как невозможно обуздать нарастание террористической активности. Да и вообще — как войти в контакт с тенями?

Советник министра по связям с общественностью Фредерик Лен нервничал, и это могло означать одно: существует риск имиджевых потерь. «Неужели я должен поставить на кон все, чего достиг, рискуя обрушить рейтинг популярности, ради неизвестного заложника, захваченного какими-то бородачами?» — размышлял министр. Нет, он будет сражаться, найдет способ победить нежданных врагов и выйдет победителем и из этой войны.

Первым взял слово шеф Национального управления по борьбе с терроризмом Жан-Франсуа Гонсалес, темноглазый густобровый красавец в элегантном темно-сером костюме:

— Мы не можем быть на сто процентов уверены, что вся эта история не розыгрыш. Специалисты сейчас изучают документ, так что очень скоро все выяснится. Если гипотеза подтвердится, мы найдем этих, с позволения сказать, шутников, и...

Борис Дебрюин, свежее испеченный глава Объединенного оперативного отдела, которому было поручено координировать действия всех

антитеррористических служб, перебил Гонсалеса:

— Есть другие гипотезы? Меня интересуют только реальные угрозы.

Гонсалес кивнул и продолжил:

— «Аль-Каида» либо один из ее сателлитов. Однако они обычно берут заложников только в тех местах, где хорошо ориентируются или которые контролируют. Это может быть одно из движений, возникших в последние годы на территории Европы. У «Мусульманских братьев» и «Аль-Каиды» становится все больше конкурентов, но никто пока не достиг достаточной организационной зрелости, чтобы решиться на подобную акцию.

— К сожалению, заранее они нас не предупреждают о своей готовности, — бросил Дебрюин. — Мы очень часто опаздываем, узнаем обо всем в день их первого теракта!

Глава Национального управления по борьбе с терроризмом сделал паузу. Он бы с радостью послал к черту бюрократа Дебрюина, очкарика с короткой шеей, круглой головой и животиком, замаскированным слишком широким пиджаком. Больше всего он напоминал распорядителя на сельском празднике в глухой провинции, но уж никак не главу объединенных полицейских служб страны. Что этот выпускник Национальной школы управления мог знать о работе «на земле», он, обязанный назначением исключительно политическим связям?

С момента создания Объединенного оперативного отдела и прихода туда Дебрюина между руководителями различных подразделений, отвечающих за внутреннюю безопасность, началась подковерная война. Дебрюин пытался утвердить свой авторитет, чтобы добиться признания сотрудников подразделений, которыми поставлен был руководить, но каждая служба так давно и так долго лелеяла свою независимость, что не желала делиться достигнутыми преимуществами, создавая общий фонд сил и средств. В теории принцип сотрудничества разных команд был правильным, но в реальной жизни каждая команда работала на успех собственных подразделений.

— Вы правы, — усталым тоном продолжил Гонсалес. — И все-таки я могу делать то или иное заключение только на основе имеющейся у меня информации.

— Кто из них выглядит лучше всего подготовленным? — спросил министр.

— Международный исламский фронт джихада, — не колеблясь, ответил Гонсалес. — По нашим сведениям, они наиболее четко организованы. Создали сеть, имеющую ячейки во всех европейских столицах, промывают мозги живущим на Западе мусульманам с целью

создания революционной силы. Старый миф об Умме. Но они никогда не переходили к активным действиям.

— Что есть на них у госбезопасности? — поинтересовался Дебрюин.

— Они уже два года готовятся, но к открытым выступлениям еще не готовы. Так, во всяком случае, утверждается в отчете за прошлый месяц.

— Эти люди выявлены? Их местонахождение известно?

— Всех до единого! — вмешался в разговор глава контрразведки^[6] Самюэль Мерль. Голос его звучал громко, тон был уверенным. — Мы знаем, где они находятся, что делают, с кем встречаются.

Мерль выглядел самым нетипичным представителем спецслужб. Потерявшие форму брюки, дурно сшитый пиджак, редкие взлохмаченные волосы и щетина на щеках делали этого невысокого тощего человека похожим на мелкого чиновника, а уж никак не на главу могущественной спецслужбы, которого побаивались и уважали за крайне результативную деятельность.

— Так чего же вы ждете, почему не берете их? — усмехнулся Лен, притворяясь удивленным.

Трое мужчин улыбнулись наивности тщедушного гладковыбритого человечка со светскими манерами и натужной элегантностью.

— Мы не производили арестов, потому что хотим все о них выяснить. Делаем вид, что не засекали их, чтобы выявить все контакты, различные источники финансирования и протяженность сети. Мы вмешаемся, когда будем уверены, что больше ничего не узнаем, и получим достаточно улики, чтобы посадить их надолго. Я достаточно ясно выразился?

Советник министра и глазом не моргнул.

— Есть другие предположения? — спросил Дебрюин.

— Да. Бесчисленное множество предположений. Исламистские движения делятся на разные идеологические течения, нередко враждующие между собой. Ваххабиты лучше всех вооружены и натренированы. Но подобную стратегию могут использовать и шииты. Госбезопасность и контрразведка разработали много сценариев предупреждения терактов на территории страны, но я повторяю: ни одно движение не выглядит готовым к действию.

— Госбезопасность, контрразведка... — пренебрежительно пробормотал Лен. — Если верить ЦРУ, события одиннадцатого сентября тоже не должны были случиться.

Эта реплика раздражила руководителей спецслужб и вывела из себя министра. Он сидел откинувшись на спинку кресла и тяжело дышал.

Министр пока не высказал своего мнения, все присутствующие поглядывали в его сторону, пытаясь оценить настрой начальства, но он, как обычно, умело прикрывался внешней невозмутимостью. Каждый знал, что за закрытыми дверями этот человек способен метать громы и молнии, но никогда не теряет самообладания на людях. Имидж крайне честолюбивого, но ответственного политика, который он пытался поддерживать, не совпадал с его медийным образом: средства массовой информации с самого начала изображали министра гневливым холериком. Он старался опровергнуть эти слухи безупречной выдержкой в любых ситуациях.

Слово взял Мерль:

— Существуют также боевые ячейки, финансируемые Ираном. Но они непременно потребовали бы выкуп.

Остальные согласились с этим мнением.

— Думаю, требование скоро поступит, — сказал Гонсалес. — Пока что они хотят, чтобы мы пребывали в неведении, это хороший способ психологического давления.

— А мне показалось, что они скорее хотят привлечь внимание к этому человеку.

— То есть? — удивился Дебрюин.

— Заложник — один из самых загадочных элементов в этом деле. Его одежда, длинные волосы, борода...

— Нет, если бы они намеревались привлечь наше внимание, показали бы его лицо — четко и ясно. А этот человек остается в тени.

— Полагаю, они хотели подчеркнуть, что речь идет о бездомном. Им нужно, чтобы мы терялись в догадках, — не терпящим возражений тоном произнес Гонсалес. — Что, кстати, противоречит предположению о розыгрыше: в последнем случае выбор жертвы был бы более правдоподобным.

— Но какой смысл похищать бездомного? — удивился Фредерик Лен.

Наступившая тишина означала, что ответа на этот вопрос нет ни у одного из присутствующих.

— Никакого, — признался Гонсалес. — Или же его наряд — маскировка.

— Лаборатория анализирует изображение с помощью программы антропоморфического воспроизведения и попытается опознать заложника, — уточнил Дебрюин.

— Если я все правильно понял, вам ничего не известно! Уверен, что пресса и телевидение сумеют вас обскакать, — съязвил Лен. — Они наверняка уже послали ищеек по следу бродяги.

— Лично меня больше всего волнует то, что запись прислали этому журналисту, — повысил голос Борис Дебрюин. — Почему выбрали именно его? Эрик Сьюма теряет очки и работает на заштатном канале! Я на месте похитителей использовал бы «ТФ-1».

— Они не сомневались, что Сьюма закусит удила. «ТФ-1», как любой другой центральный канал, проявил бы куда большую осторожность, — предположил Лен.

— Возможно. В любом случае этому типу необходимо заткнуть рот. Если в стране начнется всеобщая паника, это не облегчит ход расследования.

— Слишком поздно, — прокомментировал советник по связям с общественностью. — История уже стала достоянием СМИ. Мы практически бессильны против Сьюма. По этой самой причине он так торопился выдать информацию в эфир.

— Этот человек опасен! — взорвался Дебрюин. — Он дискредитирует нашу работу. Можете мне поверить — он нанесет урон имиджу контртеррористических служб. Вас он тоже не пощадит, господин министр.

Политик решил, что пришла пора вмешаться, встал и медленно обвел взглядом лица присутствующих. Фредерик Лен восхитился артистическим даром своего патрона. С таким человеком легко работать — у него врожденное чувство позы.

— Здесь сидят лучшие сотрудники секретных служб страны. Я совершенно уверен, что вы сумеете разобраться с этим делом... если будете сотрудничать друг с другом. Хочу, чтобы вы держали меня в курсе всей поступающей информации. Пройдите по каждому следу, надавите на информаторов. Что до этого комментатора, Эрика Сьюма, не выпускайте его из виду ни на день, ни на час. Пусть работает спокойно, помогайте ему, если понадобится, но не позволяйте выдавать информацию в эфир, не предупредив нас.

Он помолчал, глядя на свое войско с торжественной суровостью.

— Мы будем регулярно подводить промежуточные итоги, — заключил он. — В этом кабинете, каждое утро, ровно в восемь. Я буду иногда присутствовать. Дебрюин, жду от вас отчета о каждой встрече. Фредерик, вы сообщите журналистам о создании кризисного штаба, как только мы будем уверены, что речь действительно идет о захвате заложника террористами. Нужно показать, что мы контролируем ситуацию. Благодарю вас, господи.

Заседание закончилось, все поднялись со своих мест, простились с министром и разошлись. Каждый думал о том, как половчее сыграть в игру «Сотрудничество», выделившись при этом на фоне остальных своей результативностью. Разве не в таких ситуациях люди зарабатывают политический капитал? Открыть политику, рискующему кредитом доверия, почетный выход из положения, а то и успех, — значит обеспечить себе многообещающее будущее.

* * *

Автоответчик включился на шестом гудке. Эрик прослушал записанный на пленку голос бывшей жены, содрогнулся и повесил трубку в тот самый момент, когда раздался звуковой сигнал. Он слышал этот текст десятки раз, знал его наизусть, но у него всякий раз щемило сердце. Он считал свою реакцию детской, но никак не мог справиться с печалью.

Уже полгода она не отвечала на его звонки и не перезванивала, прослушав сообщение. На что он рассчитывал, набирая номер? Эрик, этот рациональный профессионал, суеверно полагал, что везение подобно цепной реакции: случилось что-то хорошее — жди продолжения. Этакая динамика удачи, над которой не властны ни стихия, ни люди. Он бы, конечно, никому не признался в этом предрассудке, но в глубине души свято верил, что миром управляют, да что там — выстраивают его! — неизвестные законы. Разве это случайность, что он познакомился с будущей женой через несколько дней после того, как получил первую работу на телевидении? Разве не были последовательно связаны друг с другом решающие встречи, сенсации, повышения по службе, успех?

Но у удачи был свой противовес, и его следовало опасаться. Разрушительный коварный ураган, способный уничтожить счастье человека и оставить его на горестных развалинах. Жена оставила Эрика через несколько дней после его ухода с «Франс-6», началась полоса невезения, и в конце концов он оказался на этом маленьком канале, который никто не принимает всерьез.

Эрик знал, что, относя успехи и поражения на счет некой мистической логики, он проявляет нежелание смотреть правде в глаза и нести ответственность за происходящее, но ничего не мог поделать: глупое суеверие успокаивало его.

Кристина ушла от него, потому что устала от одиночества, ей надоело, что неуловимого мужа вечно нет дома и ей приходится самой заниматься детьми. Иногда Эрик жалел, что не сумел объяснить Кристине специфику своего ремесла. Но разве можно объяснить, какое возбуждение чувствуешь, сидя рано утром в ньюс-руме и читая сообщение, содержащее важнейшую информацию, особенно если знаешь, как ее подать? Как приобщить другого человека к ощущению всемогущества оттого, что все национальные, а иногда и зарубежные средства массовой информации повторяют сенсационную новость, которую первым выдал в эфир ты? Трудно описать словами удовольствие от съемок телерепортажа, который несколько часов спустя увидят сотни тысяч людей. Выброс адреналина, гордость, ощущение власти нельзя ни объяснить, ни разделить с другим человеком. Когда Кристина ушла, забрав детей, он решил, что в крахе семейной жизни виноват очередной виток невезения. Впрочем, похождения Эрика — желтая пресса частенько их смаковала — тоже сыграли свою роль в его расставании с женой.

Теперь колесо фортуны как будто повернулось, так, может, она снимет трубку, согласится выпить с ним и — всякое бывает — даже даст ему еще один шанс?

Но Кристина на звонок не ответила, и Эрик Сьюма подумал, уж не дурное ли это предзнаменование.

* * *

Внешне зал заседаний ничем не отличался от любого другого: кондиционированная прохлада, лампы дневного света, светлая мебель, кофе в термосах и чашки. Вот только находился он на цокольном этаже Министерства внутренних дел и был звукоизолирован от прослушивающей аппаратуры и оснащен высокоточными приборами связи с внешним миром.

Именно в этом зале люди, отвечающие за борьбу с терроризмом, обсуждали всевозможные гипотезы.

— Носитель куплен во Франции. Мы не обнаружили стоящих отпечатков ни на нем, ни на конверте, но с ними серьезно поработали на «Теле-8».

Сидевший напротив коллег Жан-Франсуа Гонсалес читал первый отчет своих служб:

— Мы увеличили детали обстановки и лица, но ничего не можем

утверждать. В кадре хорошо различим взгляд террориста. По мнению эксперта, речь с большой долей вероятности идет о мужчине восточного типа. Разрез и цвет глаз, длина ресниц...

— Просто замечательно! — съязвил Дебрюин. — Мы продвинулись в расследовании далеко вперед.

Жан-Франсуа Гонсалес заметил усмешки на лицах присутствующих. Он сделал двухсекундную паузу, чтобы в голосе не прорвались ни досада, ни раздражение.

— Наш подход заключается в следующем: мы делаем предположение и проверяем, подтверждает его собранная информация или нет, — холодно пояснил он.

— Продолжайте! — приказал Дебрюин.

— Акцент террориста проанализировали специалисты по восточным языкам. Они пришли к единодушному мнению: эти люди — французы. В речи присутствует легкий североафриканский акцент. Очевидно, мы действительно имеем дело с французами, выходцами из Магриба. Скорее всего, молодые исламисты, завербованные в континентальной Франции и прошедшие обучение за границей.

— Что у вас есть на Сюма, чего мы еще не знаем? — спросил Дебрюин, поворачиваясь к Самюэлю Мерлю.

— Эрик Сюма работал на «Франс-6». Десять лет назад он вынужден был уйти с канала: его популярность резко упала после того, как он позволил себе жесткие высказывания в адрес исламистов. Коллеги упрекали его за то, что он утратил беспристрастность, вышел за рамки профессии. Он разведен, живет один, встречается с детьми два раза в месяц, в светской жизни участия не принимает. Отношения поддерживает только со своими сотрудниками. Репутация в профессиональной среде у Сюма вполне приличная, хотя кое-кто упрекает его в излишней амбициозности, считая, что ему не место на этом молодом канале. Мы его слушаем и ведем.

— Что насчет места? — спросил Дебрюин.

— Мы увеличили изображение и проанализировали детали. Плинтусы, линолеум, оконные косяки... типичны для муниципальных домов с умеренной квартплатой, построенных в шестидесятых годах. Это значит, что террористы, возможно, находятся в нескольких километрах отсюда, в какой-нибудь башне в парижском предместье... или где-то еще.

Глава Объединенного оперативного отдела начал ходить из угла в угол.

— Я хочу, чтобы вы связались со всеми нашими подразделениями на

местах, пусть подстегнут информаторов. Мне плевать, кнут они будут использовать или пряник: министр требует результатов. Если эти субчики появлялись в предместье со связанным человеком, кто-то наверняка что-то видел или слышал.

— Если позволите... — вмешался Самюэль Мерль. — Вы слышали запись. Они вопят, не боясь, что услышат соседи. Вряд ли группа, втянутая в захват заложника, станет так рисковать. Полагаю, они затаились в одном из выселенных домов.

Раздраженный досадным проколом, Дебрюин посмотрел в глаза шефу контрразведки и продолжил:

— Очень хорошо... Пошлите людей во все заброшенные и поставленные на ремонт дома.

В дверь зала заседаний осторожно постучали. На экране монитора появилось лицо сотрудника Оперативного отдела. Дебрюин впустил его, и тот что-то прошептал ему на ухо.

— Господа, у нас новости. Канал «Теле-8» получил сообщение.

Даниель

Она сидит рядом со мной и молчит. Она хотела бы поговорить со мной, но не может подобрать слов. Никогда прежде мы не чувствовали себя друг с другом так неловко: когда я возвращался из поездки, она спрашивала, как все прошло, мы начинали разговаривать и не могли наговориться.

Минуту назад, когда мы с Пьером вошли в дом, она сразу посмотрела на его руку в моей ладони и поздоровалась, как приветствуют соседа, которого хотят держать на расстоянии. Потом спохватилась, поцеловала меня в щеку и тут же ушла в гостиную. В жесте Бетти не было спонтанности — это была множество раз повторенная, забытая и вновь обретенная сцена. Я знаю, о чем она думает, чего хочет.

Она смотрит на меня, набирает воздух в легкие, чтобы вытолкнуть наружу застрявшие в горле слова, и выдыхает, ничего не сказав, и сожалеет, что не хватило мужества.

О, Бетти, как бы мне хотелось помочь тебе! Обнять тебя, поплакать вместе с тобой. Пролить слезы, молча вспомнить погибшего сына, поговорить о нем, сотрясаясь в рыданиях. Все бы так и случилось, будь мы равны перед лицом пережитой драмы, но ты считаешь себя жертвой, а меня — виновником несчастья.

Я мог бы заговорить первым, облегчив тебе задачу.

Сказать, что никогда не прощу себе, что в тот день не забрал Жерома после тренировки. Объяснить, каким виноватым себя чувствую за то, что посчитал деловую встречу более важной, признаться, как часто об этом думаю. Если бы я сказал тогда Салливану, что мне нужно заехать за нашим сыном! Если бы не побоялся предупредить тебя, что опаздываю! Но та встреча с клиентом, моя усталость... Неужели судьба и впрямь заранее планирует свои убийства?

Я мог бы заговорить первым, позволить тебе оскорблять меня, как в тот роковой вечер.

«Негодяй! Сволочь! — кричала ты. — Предпочел работу сыну! Тебе все мало. Жаждешь еще больше власти, еще больше денег. Зачем тебе сегодня эта чертова власть? Что ты будешь делать с деньгами? Сдохни и заberi их с собой! Ложись в гроб с банковскими счетами, но верни мне моего мальчика!»

Ты била меня кулаками в грудь, царапала ногтями лицо, но я не чувствовал боли. Боль, обжигающая и разрушительная, гнездилась в другом месте. Известно ли тебе, Бетти, какой болью отозвались твои слова в моем сердце? Знаешь ли ты, что я почувствовал, увидев твое искаженное горем и ненавистью лицо?

Возможно, слова, которые ты сегодня никак не можешь выговорить, — это слова извинения. Я знаю, ты коришь себя за те ужасные обвинения. Ты добра от природы и страдаешь, видя, что я горюю еще сильнее из-за твоей тогдашней злости. Но я не стану помогать тебе, Бетти. Я ничего не должен слушать, мне нельзя расплакаться в твоих объятиях. Даже если мы видимся в последний раз.

Я хочу сохранить мое страдание нетронутым, хочу остаться виноватым всего на несколько дней. Пока не исполню свою миссию.

Любовь Пьера, твой поцелуй в щеку, неспособность заговорить со мной достаточно поколебали мою твердость. Позволь мне еще немного побыть сбжавшим психом, коим я хочу себя выставить. Ради нас, ради меня, ради него.

Я встаю, Бетти, я оставляю тебя одну. Ты без сил сидишь на диване. Завтра я уйду очень рано, чтобы ты не стала меня отговаривать. Я отправлюсь на встречу с Салливаном, потом сяду в самолет и улечу в Лондон.

Я оставляю тебя, Бетти, у меня деловая встреча.

* * *

— Почему ты с ней не говоришь?

Я подсказываю, ищу его взглядом. Вот он, мой мальчик, сидит, поджав ноги, на лужайке. Я уже не надеялся. Ждал целый час, устроившись на краю бассейна.

— Жером... Как я рад тебя видеть! Почему ты ни разу не показался в Лондоне?

Он молчит. Сидит опустив голову. Потом роняет:

— Ты должен с ней поговорить.

— Не хочешь отвечать на мой вопрос?

— Я первый спросил.

Он ждет с отсутствующим видом.

— Не знаю, Жером. У меня не получается.

Он пожимает плечами:

— Неправда. Ты просто не хочешь.

Что ему известно?

— Зачем спрашивать, если заранее знаешь ответ?

— Затем, что ответить должен ты. Это единственное решение.

О чем он?

— Ладно, давай разберемся с тобой. Почему так вышло в Лондоне?

Мне ужасно тебя не хватало.

— Так будет всю оставшуюся жизнь, папа. Тебе придется привыкать.

Привыкать...

— И все?

Он застенчиво улыбается:

— Нет. Правда в том, что я навещаю отца. Но там ты уже не мой отец.

Его признание переворачивает мне душу.

— Я тебя не узнаю. Вот и не могу найти.

Я молчу, пытаюсь осознать смысл сказанного.

— Мне трудно это объяснить, — продолжает он. — Обычными, здешними словами не опишешь, что чувствуешь наверху, они не годятся для того мира. Души сближаются из-за «сродства», благодаря «общим ценностям», как ты когда-то говорил. Там твоя душа потерялась.

Я чувствую себя опустошенным. Нет сил ни на объяснения, ни на вопросы. Нужно быть твердым, решительным.

Он продолжает, набирает очки:

— Мама хотела бы поговорить, и ты это знаешь. Она часто о тебе думает. Ты ей нужен. Она плачет, но тебя никогда нет рядом, чтобы ее утешить. Пьеру тоже плохо. Мама им занимается, но делает не то. Она слишком его опекает, боится, как бы чего-нибудь не случилось. Ты должен быть рядом, говорить с ними, любить их.

Его советы приводят меня в бешенство. Истина невыносима и чудовищно жестока, когда пытаешься ее отрицать.

— Я люблю их.

Слабое оправдание. Но другого у меня нет.

— Папа! — нервно восклицает он.

Мое бегство приводит его в отчаяние.

Нельзя поддаваться, нельзя его слушать, пробовать осознать, что он пытается мне внушить.

— Я не желаю об этом говорить!

Тон у меня жесткий, даже повелительный.

Он хватает цветок, гладит лепестки, вдыхает аромат. Произносит не

глядя:

— Я люблю тебя, папа.

Откуда эта нежность? У меня заходится сердце. Я, кажется, понял.

— Знаю... Но почему ты так это сказал?

Он встает, поворачивается ко мне спиной, смотрит на изгородь.

— Потому что я хочу, чтобы ты знал. Потому что не могу сказать ничего больше — все остальное внутри тебя.

Он умолкает, сокрушенно-печально качает головой, но на меня не смотрит.

— И потому... что я больше не приду.

Я вскакиваю, охваченный паникой.

— Нет, Жером, ты не можешь меня покинуть! Я в тебе нуждаюсь! Я едва не рехнулся там без тебя, да не едва, а именно что рехнулся! Ты пытаешься меня наказать? Догадываюсь, что ты думаешь о моей миссии, я не отступлюсь! Мне это необходимо! Я не могу принять случившееся, ничего не сказав и не сделав. Не могу сдать, как сдались остальные. Я должен действовать, показать им всем! Хочу, чтобы они поняли: никто не смеет безнаказанно убивать детей! Ни у кого нет права делать несчастными целые семьи под предлогом защиты «великого дела»! Пусть знают — я не трус. Я просто не смогу жить, если не отомщу за тебя! Прощу тебя, Жером, пойми это и не бросай меня!

Моя сбивчивая, горячая речь переходит в рыдания, по щекам текут слезы. Утираю лицо рукавом, ищу его взглядом и не вижу. Он исчез.

— Жером!

Мой крик разрывает пространство ночи и медленно тает в ее глухой тишине.

* * *

Встреча с Салливаном прошла относительно благополучно, то есть гладко и без сюрпризов. Элегантно одетый, улыбающийся, излучающий уверенность в себе... Я ввел его в заблуждение, однако за обедом он смотрел на меня с непривычным любопытством. Упреждая вопрос, я сказал, что досье «Спаркс» отнимает у меня много времени и сил, и Салливан не стал углубляться в детали. Меня беспокоит один вопрос: неужели я так сильно изменился? Заметно ли по моему лицу и поведению, сколь неустойчиво сейчас мое психическое состояние?

В начале трапезы мне было трудно сконцентрироваться на разговоре. Чтобы отыскать в себе необходимые мотивации и терпение, я решил воспринять это как тренировку. Очень скоро мне придется сыграть роль высокопоставленного маркетолога, и сыграть безупречно, поскольку я уже договорился по телефону о встрече с Мохтаром Эль-Фассауи.

— Знаешь, Даниель, — сказал Салливан, перейдя на доверительный тон и придвинувшись ближе, чтобы подчеркнуть глубину момента, — ты работаешь и на себя тоже. Я старею... Через несколько лет уйду на покой... и ты — лучший кандидат на мое место.

Мне понадобилась одна лишняя секунда, чтобы отреагировать должным образом и поблагодарить Салливана за доверие, и он это заметил, но отнес на счет волнения.

В самолете на обратном пути в Лондон я думал о том, что предстояло сделать в ближайшие дни. Поставленная цель куда важнее будущей карьеры и застольного посула повышения. Теперь у меня есть план.

В кармане куртки лежит письмо, которое я утром написал Бетти в «Маленьком Париже» за чашкой кофе.

Возможно, мне отправлять его не придется.

Все будет зависеть от исхода моей миссии.

* * *

Я достал номер телефона Мохтара Эль-Фассауи. Не без труда — пришлось обращаться к парижским друзьям-финансистам, выслушивать неумелые соболезнования и дежурные заверения в дружеских чувствах. Я без малейшего зазрения совести использовал преимущества, которые давал мне статус отца жертвы.

— Даниель, если я могу быть чем-нибудь полезен... — сказал один из них.

— Можешь. Мне нужна услуга.

— С удовольствием, — поторопился заверить этот даже не приятель, а деловой знакомый, удивленный тем, как буквально я воспринял его предложение.

— Мне необходим номер телефона одного лондонского бизнесмена.

Мой собеседник помолчал, сбитый с толку и разочарованный

неуместной просьбой, но дать задний ход уже не мог. Я понял, что нужно поднажать, и надавил на чувства:

— Я уехал в Лондон, чтобы попытаться... хоть немного отвлечься. Работаю день и ночь, это помогает.

— Понимаю, — пробормотал он, успокоенный моим доводом. — Работа обязательно поможет. Называй имя. Я сделаю все, что смогу.

На следующий день он прислал мне по электронной почте прямой номер Мохтара Эль-Фассауи.

Я был уверен, что вышел на верный след, и начал тщательно готовиться. Ниточка была тонкая, но требовала включения профессиональных навыков, и это мне нравилось. Я умел общаться с подобными людьми. Я проработал все возможные ситуации, постарался предусмотреть все вопросы и ответные реакции, снова и снова повторяя свою роль, желая быть уверенным, что нигде не сойду.

Перед звонком я собрался и попытался хоть на время обрести спокойствие и заглушить терзающую сердце тоску. Я должен быть крайне убедителен в роли торгового агента, пытающегося заарканить добычу.

Когда он снял трубку, я приступил к исполнению плана.

Прежде всего нужно поставить проблему: противоречивые мнения о его деятельности создают ему скандальный имидж, что тормозит развитие, вредит репутации и мешает наслаждаться плодами усилий.

Следующий шаг — предложить новую методику: переформатировать имидж, опираясь на два подхода. *Primo*, показать лидерам общественного мнения и широкой публике доселе скрытые, но благородные стороны его личности; *secundo*, развенчать тех, кто ему вредит, и затушевать не слишком приглядные проявления его натуры и качества характера.

Потом предложить исполнителя: себя. Профессионала в деле связей с общественностью. Компетентного, опытного, умеющего хранить чужие тайны, управляющего одним из самых известных во Франции консалтинговых агентств.

И наконец, внушить уверенность, успокоить: мои клиенты — крупные руководители престижных предприятий. Упомянуть вскользь несколько имен, намекнуть на свою роль в делах, о которых писала пресса, и дело будет сделано.

На мгновение мне показалось, что я попал в точку: Эль-Фассауи колебался.

Мой энтузиазм продлился недолго: к Эль-Фассауи вернулась привычная холодная отстраненность, он попросил оставить ему мой номер

и пообещал перезвонить.

Сейчас он повесит трубку и забудет обо мне. Я был еще одним назойливым агентом, жаждущим расширить свою клиентуру, однако он вдруг задал последний вопрос:

— Почему вы обратились ко мне? Я не самый заметный человек среди тех, на кого регулярно обрушивается пресса.

Мой ответ должен произвести шокирующее впечатление. И решит дело.

— Нет. Но самый самоуверенный.

Он рассмеялся. Я ужасно рискую. Пан или пропал.

— Рассчитываете убедить меня, оскорбляя?

— Я вас не оскорбляю — закладываю основы честного сотрудничества. Урок номер один: говорить клиенту всю правду.

— И правда заключается в том, что я самоуверенный человек?

— Самоуверенный и оскорбленный. Самоуверенный, потому что оскорбленный. Вы заботитесь о своем имидже. Нападки вас задевают. Вы воспринимаете их как удар по вашему достоинству. Вам стоило немислимых усилий выбраться из той среды, где вы родились, ради этого вы пошли на огромные жертвы, но добились своего. И вы хотите, чтобы окружающие восхищались вашей волей, вашим умом, вашей силой характера. Вы выбрались наверх, но не услышали оваций, никто даже не улыбнулся. Вас окружают недоверие и презрение. Вы тщетно посещаете светские мероприятия — те, куда вас еще приглашают, финансируете культурные программы, проявляете великодушие, щедрость... но остаетесь для всех обычным иммигрантом. И вы больше не можете этого выносить.

Глухая тишина продлилась несколько долгих мгновений. Я тоже молчал, давая сказанному улечься в его изворотливом мозгу.

— Как вы можете утверждать подобное?

Теперь я готов был выложить последний козырь:

— Я из той же среды, что и вы. Прошел тот же путь. И преуспел. О, до вас мне, конечно, далеко, но мои успехи приветствовали, выказывали уважение, мной восхищались. Знаете почему? Потому что я — белый.

Он снова рассмеялся, но в его смехе был призыв горечи.

И он назначил встречу.

* * *

Бетти позвонила в 15.00.

— Я застряла у врача. У Пьера температура, здесь полно народу, так что Жерома с тренировки мы забрать не успеем.

Я вздохнул, с трудом сдерживая раздражение:

— Я ужасно занят! У меня работы по горло!

— И что ты предлагаешь? Оставить Пьера одного в приемном покое?

Моя помощница разглядывала стены кабинета, делая вид, что разговор ее совершенно не интересуется.

— Может, он вернется сам, как уже делал?

— Прекрати, Даниель, он поступил так всего один раз, да и то потому, что мы опоздали и он разволновался. Ты не забыл, что объявлен план «Вижипират»^[7] и существует угроза терактов? Кроме того, у него нет билетиков на автобус.

Все это я знал. Утром того дня некий шейх Фейсал в который уже раз предостерег Европу против гнева мучеников ислама.

«Мы заставим правительства воспринимать нашу веру всерьез!» — кричал он, выступая в Лондоне перед впавшей в истерику толпой, собравшейся перед его домом. Потом он заявил, что никто не избежит мщения со стороны его иракских и афганских братьев и всех тех, кто готов заставить дрожать от страха европейские столицы. В том числе Париж.

Уже много недель угроза была вполне реальной. Все началось после того, как союзники решили продемонстрировать, что контролируют ситуацию в Афганистане. В кровопролитных столкновениях с талибами с обеих сторон было много погибших. Американцы и французы находились на передовых позициях, и многие террористические организации немедленно объявили погибших мучениками веры и поклялись мстить США и Франции.

Шейх Фейсал, один из глашатаев экстремистских шиитских кругов и британский подданный, пользовался статусом религиозного деятеля и свободой слова, множа поток угроз. Его речи интерпретировались как пророчества и предупреждения, и пресса все чаще называла его руководителем мелких террористических групп, рассеянных по всей Европе.

Все это я знал, но полагал, что гром грянет где-нибудь в другом месте. В пространстве-времени за пределами моей жизни.

— Хорошо, договорились, — сдался я. — Когда он освободится?

— В 17.00. Не опаздывай.

Я повесил трубку, злясь на непредвиденное осложнение. Придется

менять планы. Я погрузился в изучение бумаг, твердо вознамерившись разобраться в деле до ухода.

В 16.30 — я уже собирался уходить — в моем кабинете неожиданно появился Салливан с клиентом:

— Представляю тебе Кристиана Бонно из компании «Бонно и сын».

Мы обменялись рукопожатиями, и я сразу понял, что дело плохо.

— Месье Бонно собирается отказаться от услуг агентства, с которым работал, и намерен заключить договор с нами. Жду тебя в моем кабинете, мы сможем все обсудить.

Это была не просьба — недвусмысленный приказ. Я мог бы отказаться — Салливан, как обычно, не предупредил меня о встрече, — сказать, что у меня неотложные дела, перенести свидание с клиентом, но не сделал этого. Разве мог я признаться, что ухожу с работы в 16.30, чтобы встретить сына после футбольной тренировки? Я занимал в агентстве важный пост и думал в тот момент о своих обязанностях, о долге служащего и том огромном жалованье, которое платил мне Салливан. За несколько секунд я все рассчитал и принял решение.

— Присоединюсь к вам через пять минут, — сказал я. — Мне нужно сделать телефонный звонок.

Я набрал номер клуба и попросил позвать к телефону тренера, стараясь не думать о скандале, который наверняка устроит мне вечером Бетти. Я — важная шишка, настоящий профессионал и сумею всю разрулить.

— Мы не успеваем забрать Жерома, — объяснил я наставнику сына. — Вас не затруднит дать ему денег на билет и отправить домой автобусом? Он вернет деньги на следующей неделе.

— Надеюсь, ничего серьезного не случилось? — встревожился мой собеседник, удивленный таким напором.

— Нет-нет, благодарю вас за участие. Обычные профессиональные заморочки.

— Хотите поговорить с Жеромом?

— Мне жаль, но я уже опаздываю.

— Давно собирался вам сказать — мальчик в последние дни не очень старается.

— Вот как? Мы обязательно это обсудим сегодня же вечером. Еще раз спасибо.

Почему я не поговорил с Жеромом? Почему не сказал, что люблю его? Почему не послал к черту Салливана? Что зазорного было в том, чтобы встретить десятилетнего сына после тренировки, отвезти его домой и

поговорить с ним по дороге, как делают все любящие отцы семейства?

Все эти вопросы продолжают терзать меня и сегодня.

И ответ жесток и неумолим, как нож гильотины: я не был таким отцом и не заслуживал любви моих близких.

* * *

Я подхожу к столу Мохтара Эль-Фассауи, он поднимается, одаривает меня широкой улыбкой, протягивает руку и приглашает садиться.

— Вот и мой спаситель! — шутит он, сразу переходя к делу.

Он в точности таков, как на снимках в глянцевых журналах: элегантен и высокомерен. Костюм из смеси шерсти и шелка отлично сидит на стройной фигуре; голубая рубашка и изящно завязанный галстук точно в тон выгодно оттеняют кожу медового цвета; распрямленные и уложенные гелем волосы обрамляют лицо с почти идеально правильными чертами. Взгляд больших глаз пристальный и пронизательный. Я знаю, что он изучает мою внешность, оценивает манеру держаться и одежду. Уверенность в себе — чтобы не сказать апломб! — и дорогой костюм по его шкале ценностей свидетельствуют в мою пользу. Я подготовился к встрече, и ничто в моем облике не позволит ему усомниться, что я заслуживаю уважения.

— Вы сумели удивить меня, месье...

— Даниель. Просто Даниель. Благодарю за комплимент. Думаю, вас вряд ли можно назвать... впечатлительным.

— Вы всего лишь удивили меня, Даниель, не более того, — резко бросает он.

Я принимаю поправку:

— Если вы мне доверитесь, я сумею произвести на вас впечатление.

Он заказывает чай, кладет ногу на ногу, рассеянно оглядывает зал и устало вздыхает:

— Очень хорошо. Объясните, что вы предлагаете.

— Все очень просто. Я стану вашим советником по связям с общественностью. Своего рода персональным тренером и пресс-секретарем и предоставлю вам средства для создания нового медийного образа.

Я достаю из кармана ручку, листок бумаги и рисую треугольник:

— Ваша нынешняя репутация складывается из трех компонентов:

желаемый имидж, то есть то, что вы хотели бы показать; образ, который вам создают пресса и общественное мнение; получаемый образ — тот, что известен широкой публике. В вашем случае СМИ создают образ, противоположный тому, который нужен вам. Следовательно, мы должны поработать над этой стороной треугольника.

Мохтар Эль-Фассауи смотрит на меня с сомнением. Мое наглядное объяснение его не удивило. Очевидно, ему все время предлагают подобные пустые методики. Но я не смущаюсь: моя первая задача — убедить его в том, что я мастер по части технологий, а потом закрепить преимущество.

— Предположим. И как же вы собираетесь устранить это несоответствие?

— Ваш имидж подобен призме. Существуют теневые зоны, касающиеся вашей деятельности, личной жизни, обязательств, что облегчает задачу вашим противникам и позволяет тем, кто дискутирует с вами в прессе и на телевидении, высказывать идеи, не имеющие ничего общего с вашими истинными убеждениями.

— Я не хочу выставлять свою жизнь напоказ.

— Естественно. Я этого и не предлагаю. Я хочу сделать акцент на самых «продаваемых» аспектах, чтобы направить общественное обсуждение в то русло, которое будет выгодно нам.

— У вас ничего не выйдет. Вы француз и не имеете ни связей в английской прессе, ни знакомых из числа здешних общественных лидеров. А если бы таковые и имелись, вы вряд ли смогли бы на них повлиять, — роняет Эль-Фассауи, рассеянно глядя на сидящих за столиками посетителей.

Я его упускаю. Он начинает жалеть, что потратил на меня время.

— Конечно. Учитывая все эти факторы, мы действительно не преуспеем.

Мои слова удивляют его. Он снова готов слушать.

Вот теперь я должен быть максимально убедителен.

— Я действительно разработал... особую стратегию. Мы должны обойти подводные камни. Я предлагаю создать вам новый имидж... с помощью французской прессы. Я устрою вам интервью в крупных изданиях и договорюсь о встрече с влиятельными людьми. Мы представим вас совсем другим человеком — положительным, имеющим вес. После чего снова поработаем в Великобритании, имея более сильные позиции: английские СМИ не смогут проигнорировать эту новую личность.

Я успеваю заметить блеск в его глазах и понимаю, что попал в точку. Мое предложение искушает его оскорбленную гордость. Он уже видит себя

в высших кругах парижского общества, представляет, как возьмет реванш, использовав страну хорошего вкуса, роскоши и изысканности как стартовую площадку.

— Почему вы так уверены, что они на это пойдут?

— Мы используем извечные культурные различия между Францией и Англией и разделение, существующее между добропорядочной и желтой прессой. Будем действовать последовательно и выйдем на нужные издания.

Он задумчиво кивает:

— Вы странный тип, Даниель. Странный, но чертовски хитроумный.

Я заполучил нового клиента. И возможно, проложил себе путь к моему врагу.

* * *

Из Лондона я сделал несколько звонков французским друзьям.

План сражения? Наипростейший. Я представлю Мохтара Эль-Фассауи как делового человека, страстного любителя искусств, жаждущего профинансировать проекты неизвестных художников, выходцев из неблагополучной среды. Культурный и щедрый — такой коктейль должен сработать.

«Это новый меценат. Человек, выбравшийся с улицы и ставший одним из крупнейших международных финансистов. Сегодня он готов помогать другим, но эти снобы — британские аристократы — не прощают ему его „плебейства“, так что он решил инвестировать во Франции. Он хочет дать начинающим художникам из предместий шанс получить известность».

Идея попадает в самую точку. Старая — и глупая — франко-английская неприязнь подпитывает интерес моих собеседников.

Несколько влиятельных знакомых открывают нужные двери, сводят с теми, кто способен помочь. Я буду очень занят и потому поручаю Кейту самостоятельно заниматься делом «Спаркс», предложив значительную прибавку.

* * *

В затеянном мной деле есть один рискованный момент. Нужно связать Мохтара Эль-Фассауи с моим агентством, но сделать все так, чтобы обо

мне он узнал как можно меньше. Если ему станет известно, что я — отец жертвы теракта, мой план рухнет. Он поймет, почему я интересуюсь проблемами его имиджа, и распознает двойную игру. Именно по этой причине я сегодня сам затрону тему, постараюсь окончательно отвлечь его внимание от «Салливана и партнеров». Думаю, что придумал вариант — не слишком надежный, но правдоподобный, — и на какое-то время это сработает.

Он сидит за столом, слушает отчет о первых результатах и выглядит удовлетворенным.

Я протягиваю ему счет, он смотрит на цифры и поднимает на меня удивленный взгляд:

— Я полагал, вы работаете на парижское агентство «Салливан и партнеры»?

— Вы правы.

— Тогда почему счет на ваше имя?

— Потому что вы — первый клиент агентства, которое я хочу открыть.

Он издал короткий смешок.

— Действуете за спиной патрона? — задумчиво интересуется он. — Ему неизвестно, что мы работаем вместе?

— Нет, он все знает. Я сообщил ему, что вы — интересный и перспективный клиент, но мне необходимо время, чтобы к вам подобраться.

— Он поверил? — заговорщически улыбается Эль-Фассауи.

— У него нет выбора, я его лучший сотрудник и работаю на положении вольного стрелка.

Он смотрит на меня так, словно впервые видит:

— Это несколько... необычно.

— Совсем чуть-чуть. Но это бизнес, ничего личного, как говорится.

— Я думал, вы — высокоморальный человек.

Я пожимаю плечами:

— Высокоморальный? Мое ремесло заключается в том, что я одеваю реальность, маскирую ее, скрываю. Разве не это я собираюсь проделать и с вами?

Он снисходительно улыбается:

— Значит, вы из тех, кто полагает, что деньги не пахнут? Что для того, кто хочет заработать, все средства хороши.

Я откидываюсь на спинку кресла и холодно смотрю на него:

— Именно так. Вас это удивляет? Я достаточно долго варюсь в своей профессии и не раз видел, как огромные состояния зарабатывались

нелегальными способами, как преступно использовалась секретная информация, как уводились государственные средства и отмывались деньги... Неужели я, по-вашему, так глуп, что готов оставаться сторонним наблюдателем, довольствуясь приличным жалованьем, домом с бассейном, новеньким БМВ и отпуском на тропических островах? Рискую показаться вам самоуверенным, но я точно не глупее тех богачей, которых встречал на своем пути. Уверен — я куда хитроумней большинства из них. Взять, к примеру, моего патрона: не понимает, что я в действительности стою, и полагает, что я еще долго буду довольствоваться предложенным. Он мог сделать меня компаньоном, но не сделал. Тем хуже для него. Я располагаю всеми связями и средствами, чтобы обойтись без него. Я отложил деньги и, получив от вас причитающийся гонорар, открою собственное агентство на лучших условиях.

Пронзительный взгляд Эль-Фассауи выдает внезапно возникший у него особый интерес к новому советнику по связям с общественностью.

— Не сомневаюсь, что вы преуспеете, — со смехом бросает он наконец.

Я сумел выполнить задуманное — сыграл роль карьериста, настолько близкого ему по духу, что он признал во мне равного. Не сомневаюсь, что этот фарисей даже готов предложить мне сотрудничество. Может, не сейчас, не сразу, а когда окончательно убедится в моей надежности и профессионализме.

И все-таки я хожу по краю пропасти. Я рисковал, сделав ставку на этого человека. Жизнь не раз давала мне примеры того, как вмешавшаяся в игру случайная величина разрушает, казалось бы, идеально продуманную стратегию. Впрочем, выбора у меня все равно нет.

Жан

Жан услышал шум в соседних комнатах и топот шагов в коридоре. Люди взволнованно переговаривались. Он сел на кровати, готовясь дать отпор тюремщикам. Страх вернулся. Затаившийся в глубине души после инсценировки казни, он проснулся, стал еще сильнее.

Дверь с треском распахнулась, и на пороге появились стражники. По озабоченным лицам Жан понял, что они вот-вот запаникуют, инстинктивно отодвинулся к стене и свернулся клубком. Не обращая на пленника внимания, двое похитителей распаковали мешки для мусора и начали укладывать вещи. Говорили они по-арабски, о чем-то спорили, пожалуй, даже бранились.

— Что происходит? — спросил Жан.

— Заткнись! — рявкнул Хаким.

— Что, жареным запахло?

— Я же велел тебе заткнуться, ты что, оглох? — Хаким был в бешенстве.

— Легавые выследили вас, так? Вы где-то наследили?

Он задавал вопросы и насмешливо улыбался, чтобы не выполнять приказ с покорностью жертвы на заклятие.

Хаким отреагировал стремительно и жестоко: выхватил из-за пояса пистолет, подошел к Жану и ткнул дулом ему под подбородок.

— Не заткнешься, я решу дело раз и навсегда, понятно? — Его взгляд выражал ненависть и страх.

Лахдар отнял у Хакима оружие:

— Не дури! Успокойся! Надо торопиться! — Он перешел на арабский, и Хаким наконец отпустил Жана. — Закончи с комнатой, я им займусь, договорились? — предложил Лахдар.

Хаким недобро усмехнулся:

— Нет, я сам все сделаю.

Лахдар неодобрительно покачал головой, но время поджимало, он не стал спорить и принялся запихивать вещи в пластиковые мешки.

Хаким сел пленнику на ноги, чтобы тот не дергался, натянул на них мешок для мусора, замотал поверх мешка скотчем, потом повторил ту же операцию с руками.

Жан пытался сопротивляться, но мучитель утихомирил его. Он

заклеил Жану рот, а остаток скотча обмотал вокруг его головы. Лицо пленника напоминало прозрачную маску мумии, и только частое судорожное дыхание выдавало в нем жизнь.

Замотанный в липкий кокон, Жан запаниковал. Сердце колотилось на пределе возможного, его стук отдавался в висках и ушах. Неужели они решили его задушить?

Хаким надел очередной мешок на голову Жану, спустил его вниз и заклеил скотчем. Жан начал в ужасе отбиваться и почувствовал, как теплый пар дыхания превращается в густую, опасную для жизни росу. Он пытался кричать, не желая умирать таким жутким образом, быстро понял тщетность своих усилий и обмяк. Только бы не обмочиться, как в прошлый раз, не умолять о пощаде.

Состояние пленника встревожило похитителей, они сняли мешок, и Жан жадно вдохнул свежий воздух.

— Уймись, Хаким, ты слишком далеко заходишь! — тонким голосом не слишком убедительно выкрикнул Лахдар. — Пусть отдышится. Вынеси мешки. Перегрузим всё в машину и вернемся за ним.

Они вышли.

Жан пытался совладать с паникой. Он был спеленут, как мумия, ничего не видел, едва мог дышать. Ему казалось, что его похоронили заживо и земля тяжело давит на кости.

Он много раз переживал подобный кошмар, когда напивался до полубессознательного состояния, падал в придорожную канаву и тонул, как в зыбучих песках. Обессиленный заточением, он воображал себе чистые смерти, нисколько не похожие на эти варварские адские казни, которым его подвергали еще при жизни.

Чистая смерть: автомобильная авария, пуля в голову, роковое падение. Мягкий, неосознанный уход из жизни. Но никак не эта долгая агония, неравная борьба души и тела с муками неизвестности и страданием.

Он едва не захлебнулся яростными рыданиями.

Необходимо успокоиться. Сегодня его худший враг — страх. Нужно думать о другом — о доме, где он был счастлив, о жизни до беды. Он должен погрузиться в воспоминания, которые его разум столько лет пытался отторгнуть как невозможные.

Вернуться во времени назад означало бы стать другим человеком.

Тем, кем он был до случившегося кошмара.

Жан услышал звук шагов: мучители возвращались.

А он бродил по залитому солнцем саду, слушая, как смеются в мирной тишине его дети.

На столе Эрика лежал конверт.

Следуя совету Шарля, никто к нему не прикоснулся, пока не появился Сюма. Он нервным движением извлек послание из конверта, на котором стояло его имя, и команда склонилась над листком бумаги, пытаясь расшифровать смысл послания.

— «Какова цена этого человека?» — в третий раз прочел вслух Шарль.

— Что думаете? — спросил Эрик.

— Это шутка! — выпалила Изабель. — Нас с самого начала водят за нос, кончится все тем, что все мы лишимся работы.

Изабель была крайне обеспокоена. Звонок от министра, визит на канал команды Объединенного оперативного отдела, давление на руководство заставили ее пожалеть о проявленном вначале энтузиазме и привели в лихорадочное состояние. Она не могла ни есть, ни спать, углы ее губ то и дело подрагивали.

— Успокойся, Изабель! — не выдержал Эрик. — Мы ничем не рискуем. Мы всего лишь делаем нашу работу — информируем население.

В ответ она издала короткий нервный смешок:

— Говори за себя! Лично я рискую в этой истории всем. Работой, репутацией... даже семейным положением. Потеряю работу — не получу опеку над Люси и...

— Послушай, Изабель, ты знаешь мою осторожность, — вмешался Шарль. — Но думаю, Эрик прав: мы должны сплотиться. Мы слишком далеко зашли, чтобы сейчас давать задний ход, не рискуя выставить себя дураками. Нужно принять кое-какие меры, чтобы обезопасить себя и продолжить работу. Если нас разыграли, мы об этом расскажем. Сначала я был настроен скептически, но теперь начинаю думать, что похищение настоящее. Это легко понять по тому, насколько серьезно относятся к делу власти. Кроме того, будь это инсценировка, ее авторы давно бы расхотели играть в игры, учитывая, что в дело включилось Министерство внутренних дел. Но они упорствуют.

Изабель внимательно выслушала «голос совести» редакции и как будто успокоилась — Шарль был настоящим профессионалом и знал, что говорит.

— Ладно, но позиция министерства недвусмысленна: без их согласия

ничего в эфир не давать.

— Еще чего! С каких это пор программу выпуска новостей утверждает правительство? — рявкнул Эрик. — Мы больше не на УФРТ!^[8] Время цензуры прошло много десятков лет назад! У меня есть сенсация — я объявляю о ней, когда сам решу, и все, и точка!

Изабель вздрогнула. Она разрывалась между желанием поддержать решимость Эрика, опасением не понравиться властям и страхом оказаться на борту тонущего корабля. Шарль взглянул на главного редактора.

— Я согласен с Эриком, — сказал он. — Раз ввязались, будем продолжать. Согласия начальства можно и не дожидаться, а информация уйдет на другой канал. А ты, — он обратился к Эрику, — не усердствуй. Держись строго в рамках имеющейся информации. Никакого ложного пафоса. Иначе на нас помимо легавых набросятся и коллеги.

Эрик ничего не ответил. Он пытался привести мысли в порядок и понять, по какой, помимо деонтологических соображений, причине похитители присылают сообщения только ему.

— Эфир через десять минут, — крикнул с площадки ассистент.

— Эрик, я настаиваю: будь очень сдержан, — повторил Шарль. — Приглашенный эксперт с посланием ознакомлен. Ограничься вопросами.

— О'кей, патрон, — кивнул Эрик и подмигнул старому другу.

Шум мотора, машина ускоряется и тут же резко тормозит.

* * *

Жан заперт в багажнике, от тряской езды и запаха бензина его мутит; к горлу подступает рвота; ужас скручивает внутренности; руки трясутся от страха. Не паниковать, не опасаться худшего, взять себя в руки.

Они, очевидно, ехали по ухабам, руки, ноги, спина Жана бились о стенки. Тошнота вернулась, и им овладел гнев. Он закричал, надсаживая горло, напряг шею и подбородок, чтобы порвать липкую ленту, которой ему заклеили рот. Ему хотелось драться, оскорблять мучителей, бросить им вызов и умереть, получив пулю в голову. Вырваться из багажника и разбить голову о камень. Он пожалел, что они не перерезали ему горло: испытыв минутную боль, он был бы свободен от унижений в ином мире.

Машина наконец остановилась, дверца открылась, его схватили, вытащили из-под брезента, понесли, бросили, и он тяжело ударился о

землю.

Похитители сняли с головы Жана мешок. Хаким с садистским наслаждением резко сорвал скотч. Когда они вынули кляп, Жан хотел закричать, но не смог — задохнулся. Голова раскалывалась от боли, разум мутился. Чувствуя, что вот-вот потеряет сознание, он последним усилием воли глотнул воздуха.

В легкие ворвался свежий ветер. Он поднял глаза. Яркий свет слепил его, несмотря на царящую вокруг темноту ночи. Хаким держал лампу. За спиной Жана маячили две тени.

— Сволочи! Грязные ублюдки! — закричал он, обращаясь к слепящему лучу фонаря. — Вы не имеете права так со мной обращаться!

Крик перешел в рыдания.

— Какой бог велит вам творить подобные вещи? Какой такой моралью вы прикрываетесь? Убейте меня, трусы, убейте же наконец!

— Убьем, не волнуйся, — рявкнул Хаким. — Но не сейчас. Только когда сами захотим.

— А ты чего прячешься за маской? — бросил Жан одной из теней. — Чего ждешь, почему не отдаешь приказ о ликвидации? Хочешь унижить меня еще сильнее?

Похитители ничего не ответили. Выдохшийся Жан свернулся клубком на земле, пытаясь отдышаться, и только тут разглядел, где находится. Он лежал на берегу реки, под кустами. Решение пришло мгновенно.

Жан раскачался и покатился вниз, ощущая лицом влажную траву и вдыхая сладкий запах земли. Камни больно впивались в тело.

Он слышал за собой топот ног. Холодная вода хлестнула его по лицу и мгновенно заледенила тело. Он открыл глаза и увидел над собой звездное небо, потом темная река потянула его вниз, небо качнулось, звезды слились в хоровод.

Наконец-то все кончено.

Чистая смерть.

Смерть настоящего мужчины.

* * *

«Наш вчерашний сюжет о загадочном похищении человека получил продолжение. Тридцать минут назад нам прислали новое сообщение».

— Мерзавец! Я думал, ты все ясно объяснил редакторше! — рявкнул министр.

Фредерик Лен, не отрываясь от экрана, поднял брови в знак удивления и полного бессилия повлиять на события.

— Более чем ясно, можешь не сомневаться.

— Я полагал, ты умеешь быть более убедительным!

Лен мысленно помянул недобрым словом главного редактора новостей. При разговоре ему показалось, что она восприняла его аргументы и тема закрыта.

Они молча слушали Эрика Сюма. Взгляд маститого журналиста был мрачно-загадочным, тон — крайне серьезным.

— Сообщение более чем странное — оно не содержит никаких требований, только вопрос.

На экране появились строчки, напечатанные на белом листке бумаги.

— Вот это сообщение: «Какова цена этого человека?» Одна фраза в текстовом редакторе. Никакого требования — только вопрос, звучащий как загадка. Чего хотят похитители? Возможно, они хотят, чтобы мы сами установили размер выкупа? Или пытаются указать на равнодушие и пассивность общества, спрашивая у нас, что будет с заложником, похожим на бездомного? Сегодня допустимы любые предположения. Напомним факты, после чего вернемся к содержанию послания.

На экране появились кадры с полученного накануне диска.

— Он мне за это заплатит! — взорвался министр.

— Наши люди поехали на канал, чтобы изъять диск, — откликнулся Лен. — Изабель Коше заверила меня, что изображение они не обрабатывали. Возможно, удастся снять отпечатки и...

— И не мечтай! Похитители, судя по всему, знают, что делают.

Сюма продолжил свой комментарий:

— Итак, чего же хотят похитители? Какой характер носит похищение — религиозный или сугубо меркантильный? Послушаем мнение Фабьена Гутро, специалиста по борьбе с террором, автора множества исследований на эту тему.

В студии появился худой элегантный человек с открытым взглядом.

— Блестящий ученый, — тихо прокомментировал Лен. — Объединенный отдел время от времени консультируется с ним.

— Думаю, мы имеем дело с реальной угрозой, — прокомментировал

эксперт. — До сегодняшнего дня феномен захвата заложников с целью получения выкупа для финансирования революционных движений был характерен только для стран с нестабильными политическими режимами. В богатой и демократической стране такое произошло впервые. И это должно нас очень и очень встревожить: экстремисты больше не боятся наших секретных служб, но находятся в тупике и потому действуют подобным образом.

— В тупике? То есть? — очень серьезно спросил Эрик Сюма.

— Возможно, наши контртеррористические программы слишком эффективны. Спецслужбы контролируют денежные потоки, идущие на содержание мелких групп, перехватывают поставки оружия, пресекают деятельность нелегальных мечетей, где приехавшие из Ирана или других стран имамы призывали к джихаду и, прикрываясь благотворительностью, создавали фонды, куда деньги поступали наличными, так что проконтролировать их мы не могли. Нелегалам пришлось искать новые способы финансирования.

— Нелепо упрекать власти за то, что они сумели положить предел расползанию исламистской паутины, — подал реплику Сюма. — Глупо сначала жаловаться на появление террористических сетей, а потом сожалеть, что кто-то ведет с ними смертельную схватку!

«Очко в твою пользу, Сюма», — подумал Фредерик Лен.

— Конечно, — согласился эксперт. — Однако, я все-таки полагаю, что власти плохо рассчитали приложенные усилия. Вместо того чтобы демонтировать террористические сети, они попытались перекрыть им кислород, лишив притока денег. Сети, увы, по-прежнему существуют, но... теперь пытаются изыскивать средства на развитие... в других местах.

— Значит, вы думаете, что послание имеет целью получение выкупа?

— Да. Хотя сформулировано требование воистину странно. Эти люди либо просят нас самостоятельно установить размер выкупа, что лично мне кажется маловероятным, либо хотят выдать банальное вымогательство за идеологический акт.

— Неужели такое возможно? В конце концов, личность заложника нам неизвестна. Речь, кажется, идет о бездомном, то есть о человеке без каких бы то ни было социальных связей, так откуда же этот выбор?

— Согласен... Они спрашивают, сколько мы готовы заплатить за человека... не имеющего, если будет уместно так выразиться, ценности. Похитители хотят заставить нас задуматься о наших ценностях, об участии, на которую мы обрекаем бедные униженные меньшинства. Сформулированное подобным образом требование выкупа превращается в

настоящее политическое заявление.

— Благодарю вас за участие в нашей передаче, — подвел итог Эрик Сюма, повернулся и посмотрел прямо в камеру. — Вы поняли, дамы и господа, что с этим делом связано много сложностей, главная из которых — опознание заложника. Полиция, похоже, пока так и не смогла этого сделать, однако трудно предположить, что этот облик, борода, волосы никому не знакомы... Если никто в квартале не заметил исчезновения бездомного, это проблема общества. И тогда вопрос террористов обретает смысл.

Ведущий объявил следующий сюжет.

— Да это же чистой воды воззвание к свидетелям! — Министр был совершенно обескуражен.

— Не совсем. Но его тираду действительно могут воспринять именно так.

— Что за игру затеял этот журналистишка? — вскипел политик. — Он хочет опередить спецслужбы, выставить нас на посмешище?

— Вряд ли... — Лен колебался. — Думаю, он просто набивает себе цену, хочет повысить рейтинг передачи.

Министр нахмурился:

— Каковы репутационные риски?

Фредерик Лен задумался. Главным для него было сохранить свой пост. Если он сейчас ошибется, то отправится назад в консалтинговое агентство и будет общаться с неврастеничными главами предприятий. До сих пор опыт и интуиция позволяли ему считаться одним из лучших профессионалов, но он знал, что многим обязан везению. Лену удавалось убеждать окружающих, что связи с общественностью — настоящая наука, состоящая из точных техник и оккультных знаний, а он сам — один из магистров. В действительности Фредерик Лен действовал ощупью, импровизировал, лавировал.

— Мне кажется, будет лучше использовать этого журналиста, а не затыкать ему рот, — наконец бросил он. — Он уже показал, что мы против него бессильны. Попытаемся им манипулировать, используем в наших поисках. Ты должен выступить у него на передаче, показать, что держишь руку на пульсе событий. Заявишь, что разделяешь тревогу французов перед лицом новой угрозы, и убедишь их, что способен управлять ситуацией и руководить работой профессионалов. Если удастся арестовать похитителей, твой рейтинг повысится.

— А если нет?

— Возложишь ответственность на одного из членов антикризисной команды и уволишь его. Отдашь приказ об аресте членов некоторых мелких групп, распустишь пару-тройку исламистских ассоциаций, вышлешь имамов, и мы умело сыграем на этой демонстрации силы. Спустим все на тормозах, и твой кредит доверия не пострадает, потом возникнет новая проблема, и все сойдет на нет.

— Согласен, поступим, как ты предлагаешь, — сказал министр. — Позвони на канал и договорись об интервью.

Фредерик Лен расслабился.

Он получил несколько часов передышки.

Даниель

— Первые результаты впечатляют. — В устах Эль-Фассауи это звучит как весомый комплимент.

Перед нами на столе лежат два журнала, открытые на статьях о благородном и щедром меценате.

— «Робин Гуд от искусства», «Пигмалион окраин», «Блюз бизнесмена»... — Он улыбается, читая вслух заголовки. — Полный бред! Но впечатление производит. Кажется, эти выражения у всех на слуху и на языке. Ваша идея или журналисты придумали?

Он польщен, хотя держится отстраненно. Ему бы очень хотелось, чтобы заголовки, пролившие бальзам на его уязвленную гордость, исходили от прессы и были результатом заслуженного признания. Лгать не стоит, он сразу поймет, что я морочу ему голову. Важно не польстить его самолюбию, а заставить восхищаться моим профессионализмом.

— Скажем так: я подсказываю слова, а они их профессионально формулируют.

— Понятно. И все же... Как получается, что они все дудят в одну дуду? Да, эта операция важна для меня, и все же подобная реакция неоправданна. Как вам удалось... — Он указывает на журналы.

— Ничего сложного. Нужный аргумент в нужный момент. Назовем это медиамаркетингом. Политический контекст нам благоприятствует. Некоторые слова действуют на французов как заклинания: предместье, социальное движение, равенство возможностей, восстановление равноправия, успех... А я даю журналистам возможность поговорить о предместьях под другим, позитивным углом.

Эль-Фассауи задумчиво кивает, но я вижу, что не до конца убедил его.

— Старинная неприязнь французов к соседям-англичанам тоже нам на руку. Вас не любят в Великобритании? Лишний козырь для Франции. Эти статьи доказывают, что англичане не умеют распознавать истинную ценность ни вещей, ни людей.

Я улыбаюсь, он отвечает улыбкой. Аргумент попал в цель.

— Согласен, однако, если я сделаюсь символом этого непонимания, лидеры британского общественного мнения возненавидят меня еще сильнее.

— Вы правы. Так что это временная тактика. Мы не должны работать только и исключительно на этой территории. Вы прямо сейчас начнете

позиционировать себя подданным английской короны. Мы поработаем над речью, в которой вы заявите о своей английской идентичности, о национальной принадлежности, о приверженности британским ценностям.

Он смотрит куда-то вдаль, за воображаемый горизонт и делает паузу, как будто хочет оценить мое предложение.

— Французская пресса не поверит, — наконец говорит он. — Они раскопают мои прежние дела. А если не раскопают, английские коллеги помогут.

— Конечно. Поэтому мы уберем спорные темы, объявим их слухами, исходящими от кучки узколобых консерваторов. Если волна симпатии и сеть заранее созданных связей так сильны, как я рассчитываю, мы без труда подавим ответный огонь.

Он сверлит меня своими темными глазами, оценивая степень моей убежденности.

— Будет непросто. Одной операцией дело не ограничится. Вам придется превратиться в публичного человека. Подыграем глянцевым журналам.

— Как далеко придется зайти?

— Роман с известной актрисой или популярной певицей. Любимая публикой героиня, которую вы станете осыпать подарками. Как в романе. Красивый сюжет, который позволит превратить вас в прекрасного принца из «Тысячи и одной ночи».

— Я смогу выбрать? — смеется он.

— До определенного предела, — холодно отвечаю я, не поддержав его веселости.

Он успокаивается и подмигивает мне как сообщнику:

— Вы настоящий профессионал, Даниель. Позвольте спросить: зачем вы это делаете? Ради денег? Из любви к профессии? Любите трудновыполнимые задачи?

Я несколько мгновений раздумываю — вернее, делаю вид, что раздумываю, — поскольку ответ давно заготовлен. Он — часть моего плана. По его реакции я пойму, правильно ли поступил, сделав ставку именно на него.

— Конечно ради денег. Я хочу открыть собственное агентство. Вы знакомы с влиятельными людьми и сможете меня порекомендовать, если останетесь довольны результатами. Я хочу заработать много денег. Очень много. Характер задачи и сложность меня не волнуют. Более того — чем сложнее дело, тем оно мне интересней.

Он слушает меня очень внимательно. По глазам я понимаю, что он перебирает в уме имена. Остается слегка подтолкнуть его, заставив остановиться на нескольких персонах из списка. Одна из которых особенно меня интересует.

Я улыбаюсь — чуть нагло и слегка заискивающе:

— Если вы знакомы с Бен Ладеном, скажите ему, что я могу превратить его в глазах общественного мнения Франции из врага номер один в героического повстанца.

С его лица слетает всякая веселость. Неужели я зашел слишком далеко и он догадался о моих намерениях? Нет, это уже паранойя. Он не мог понять.

— За несколько миллионов долларов, конечно.

Он хохочет.

Я продвинулся на одну клетку вперед.

* * *

Звонок Пьера удивляет меня. И сбивает с толку.

— Папа... Когда ты возвращаешься? Сначала я решаю, что это обычный вопрос мальчишки, соскучившегося по отцу, который слишком задержался в командировке. Так часто бывало в прошлом.

— Не знаю, Пьер. У меня еще много работы и...

— Мне плевать на твою работу! Ты должен приехать!

Я ясно слышу слезы в его голосе.

— В чем дело? Случилось что-то серьезное? Он отвечает не сразу:

— Да, мой брат умер, моя мать все время плачет, а отца никогда нет дома! — кричит он, пытаясь утопить горе в потоке ярости.

У меня разрывается сердце, я шепчу «мальчик мой любимый». Меня охватывает желание немедленно сесть в самолет, вернуться домой и обнять сына.

— Я знаю, как тебе тяжело, родной.

Он всхлипывает.

Что еще я могу сказать сыну? Скоро он все поймет. Поймет ли? Да, поймет. Я должен в это верить. Просто обязан.

— Мне нужно кое-что закончить. Я не могу сейчас все бросить.

— Есть что-то важнее нас с мамой? Придется стерпеть этот оскорбительный упрек.

— Нет. Но вас это тоже касается. Большого я сказать не могу. Прошу тебя, не мучь меня вопросами.

Он не отвечает.

Я знаю, какое мужество проявил мой сдержанный в проявлении чувств сын, позвонив мне. Как он, должно быть, мучился перед тем, как набрать номер! Стоял перед телефоном, подбирая слова, чтобы объяснить не только свое отчаяние, но и горе Бетти! Мой маленький застенчивый и храбрый ребенок...

В порыве нежности и благодарности я решаю раскрыться перед ним чуть больше:

— Можем мы поговорить по-мужски, Пьер? Я скажу тебе то, что должно остаться между нами. Сейчас ты можешь этого не понять, но очень скоро все станет ясно и ты получишь ответ на свои вопросы.

— Ты задаешь странный вопрос, — шмыгая носом, бурчит он в трубку.

— Понимаю. Но ты должен пообещать, что внимательно меня выслушаешь, все запомнишь... и ни с кем не будешь об этом говорить.

— Ммм...

— Нет, я хочу, чтобы ты ясно и четко ответил, что даешь мне слово мужчины. Скажи: «Клянусь тебе, папа».

— Но...

— Говори, Пьер.

Он неохотно, на одном дыхании, произносит слова клятвы.

— Я уехал, чтобы вернуть смысл нашей жизни. Вы думаете, я уехал из-за денег или для того, чтобы все забыть. Это не так. Я здесь, чтобы никогда не забывать.

Он пытается разгадать мое послание.

— Я ничего не понимаю, папа.

— Да, сегодня мои слова ничего для тебя не значат. Но скоро все изменится. Обещаю тебе. И ты поймешь, как сильно я вас люблю.

Вероятно, ему кажется, что я его обманываю, но очень может быть, что он поверил. Как узнать? Нужно прекращать разговор. Его горе вот-вот разрушит мою броню.

— Ты теперь глава семьи. Заботься о маме, милый.

— Ты не вернешься?

Я слышу отчаяние в его голосе. Безмолвный крик: «Нет, я не вынесу этого снова!» Сердце колотится у меня в горле.

— Помогай маме. И запомни: то, что я собираюсь сделать, будет ради тебя, ради мамы, ради меня самого... и ради Жерома.

Он рыдает:

— Папа, я ничего не понимаю. Не знаю, о чем ты говоришь. Я вообще больше ничего не понимаю с тех пор, как Жером... ушел.

— Не плачь, малыш. Не плачь! Ты поймешь — потом, как я обещал. Никому ничего не говори. Никому, слышишь?

— Да что говорить, если я ничего не понял! — Пьер перешел на крик: — Я просто хочу, чтобы ты вернулся! Хочу, чтобы мама перестала плакать! Чтобы у нас была семья, как у всех. Как раньше!

Слеза сбегает в уголок рта, я плачу.

— Это невозможно, сынок. Назад пути нет.

Я тут же пожалел о своих словах: нельзя отнимать у мальчика надежду на нормальную жизнь.

— Зачем ты так говоришь? Все возможно, нужно только постараться. Возвращайся.

— Ты помнишь, что поклялся ничего никому не рассказывать, Пьер? Прости, что делаю тебе больно, умоляю, прости меня. Не сегодня, не завтра — когда поймешь наконец мои слова. Так ты даешь слово мужчины?

— КАКОЙ Я МУЖЧИНА!

Я вешаю трубку. Нельзя длить этот разговор. Он в конце концов пробил бы брешь в моей решимости. Представляю, как Пьер стоит с телефоном в руке, в отчаянии из-за жестокости отца. Оскорбленный тем, что я бросил его, сожалеющий о звонке. Он затаит на меня обиду. Даже возненавидит.

— Негодяи! Грязные ублюдки!

Я выкрикиваю ругательства в потолок, давая выход боли, чтобы она не жгла меня изнутри и не сводила с ума. Я ору, но силы, решимость остаются при мне.

Ушла только жалкая толика страдания.

* * *

Сегодня мне показалось, что за мной следят. Я вышел из гостиницы в шесть утра, чтобы протрезветь и разогнать черные мысли, почувствовал за спиной чье-то присутствие и метров через десять резко обернулся. Мне

показалось, что какая-то тень метнулась под козырек дома. Я кинулся туда, но никого не обнаружил.

Ощущение, что за мной ходят, осталось на целый день. Может, я слишком много пью? Хорошо, если так. Одна только мысль о том, что люди шейха вычислили меня, приводит в ужас. Я — охотник! Он — мишень! И я не приму иного расклада. Если меня раскрыли, я пойду ва-банк. Значение будет иметь только результат. Насколько вероятно, что меня раскрыли? Может, они заметили, что я наблюдаю за ними из окна? Нет, я был крайне осторожен. Или... Или я проявил небрежность, когда был пьян?

Такая вероятность пугает меня, но я должен принять ее в расчет. Сколько раз я не помнил наутро, что было накануне вечером? Мог я так надраться, что дал выход ненависти и выдал себя? Воображение рисует ужасные сцены: я открываю окно и выкрикиваю грязные ругательства, исходя гадливым презрением. Было это наяву или я все придумал? Не знаю. Сцена так правдоподобна, что становится реальной, как те кошмары, в которых я вижу, как Жерома разрывает в клочья и он зовет меня.

Я так растерян, что с трудом отличаю реальный мир от воображаемого. Боль и ненависть плетут липкую паутину между двумя состояниями, то и дело устраивая короткое замыкание в мозгу и грозясь разрушить тонкие перегородки, отделяющие правду от вымысла. В такие вечера мой мозг превращается в массу нейронов, сочащуюся липкой жижой, в которой тонут противоречия.

Попытка осознать положение дел принесла ощутимую пользу: страх, что я невольно выдал свои планы, придает сил и заряжает энергией.

Жан

Жану показалось, что он куда-то уплывает, словно внутрь его проник благодатный ветерок и ласкает душу. Так вот она какая, смерть...

Мгновение спустя легкие обожгло огнем, и Жан зашелся жестоким кашлем. Он перевернулся, открыл глаза, рот, дыхание восстановилось, и кашель утих.

Трое похитителей с волнением наблюдали, как пленник приходит в себя. На их лицах читалось явное облегчение.

Он почувствовал, что его развязали и несут. Звуки доносились откуда-то издалека. Вскоре они остановились и положили его на землю.

Мышцы пленника расслабились, и он погрузился в долгожданное забытие, то ли потерял сознание, то ли заснул.

* * *

— Мы получили сотни звонков! Нет, тысячи!

Вошедшая в кабинет Клара прервала планерку.

— Какого рода? — спросил Шарль.

— Сумасшедших хватает. Бездомного видела вся Франция.

— Нормально, — буркнул Шарль. — Кто, как не бродяга, похож на другого бродягу?

— Черт! Я надеялся, что найдется свидетель и мы сможем опознать его до начала следующего выпуска! — взорвался Эрик. — Вчера наш рейтинг составил тридцать процентов. Мы почти «сделали» «Франс-2». Если не дадим новой информации, рискуем все потерять!

— Мне не нравится такая постановка вопроса, — возразил Шарль. — Соревнование роли не играет. Мы преуспеем, если чисто сделаем свою работу. Мы информационщики, а не актеры.

— Вот именно, — проворчал Сюма. — Мы должны держать руку на пульсе. Быть первыми.

— Будем. В любом случае, если похитители продолжают держать связь только с тобой, мы можем надеяться на сенсацию. У тебя, кстати, есть предположения, почему они выбрали именно тебя?

— Понятия не имею. И это меня интригует.

— Думаю, они сделали ставку на аутсайдера, — предположила Изабель. — Считали, что мы быстрееотреагируем.

— Тогда они отослали бы дискету и послание на канал, а не персонально Эрику.

— Эрик — лицо информации на канале. Личного интереса у него нет. Да и прошлое против него, — высказалась главный редактор.

— То есть? — агрессивным тоном спросил Сюма, задетый ее замечанием.

— Не сердись, но несколько лет назад ты освещал дело о захвате заложников и открыто высказывался против исламистов.

— Ты ничего не поняла! Я излагал информацию объективно. Зачем ворошить старые дела?

— Не заводись, Эрик! — возмутилась Изабель. — Ты прекрасно знаешь, что я права! Это стоило тебе работы!

— Я не завожусь, но, если кое-кто и представил дело в подобном свете, это не значит, что все так и было. Я сам решил уйти. Не выдержал напряжения и...

— Прекратите заниматься ерундой! — рявкнул Шарль, стукнув кулаком по столу. — Не важно, как и почему. Все это дела давно минувших дней. Сейчас значение имеет только бездомный.

Эрик и Изабель стиснули зубы и переглянулись, с трудом сдерживая бешенство. Зазвонил мобильный главного редактора, и она отошла, чтобы ответить.

Шарль подмигнул Сюма, давая понять, что он на его стороне. Эрик налил себе кофе и подошел к окну с видом на Сену. Его гнев не утихал. Он знал, что Изабель права, вот и злился. Почему исламисты выбрали его, ведь в прошлом он так резко выступал против них?

Изабель закончила разговор и вернулась к коллегам.

— Это был пресс-секретарь министра внутренних дел, — с радостной улыбкой сообщила она.

— Высказал недовольство? — поинтересовался Шарль.

— Вовсе нет! Он был скорее... понимающим и примирительным.

— И?

— И следующий выпуск наделает шума, поскольку министр внутренних дел намерен нанести нам визит. Он даст эксклюзивное интервью!

* * *

Жан лежал на кровати и рассматривал свою новую камеру. Его левая рука была прикована наручником к батарее. На голых каменных стенах тут и там проступила плесень. Он оглядел свою одежду: грязь успела высохнуть — значит, с момента его падения в воду прошло уже несколько часов. Все тело было в синяках и кровоподтеках.

Он почувствовал усталость. Бой с похитителями оказался неравным.

Но сражение с собой и абстинентным синдромом было еще более жестоким. Самые тяжелые первые дни прошли, и рассудок начал брать верх над невыносимыми болями во всем теле. Но оказаться один на один с душевными терзаниями оказалось куда тяжелее. Чего он хочет? Умереть или жить? Плен и насильственное вытрезвление принуждали его привести мысли в порядок. Осознать, почему в последние дни он реагировал так, а не иначе. Потом, сохраняя ясность сознания, медленно и тщательно перебрать в уме события прошедших лет. Никакого любования своими несчастьями, никакой жалости к себе — только рассудительность. Но где почерпнуть необходимую ясность мыслей? События происходят слишком быстро. Понимание собственной истории по-прежнему ускользает от него.

Сейчас в его жизни есть эти люди, умственная пытка, борьба с абстиненцией, страхом и смертью. Но ему необходимо переключиться, начать снова думать о своей жизни. Не позволить этим варварам взять над ним верх.

Он должен сражаться.

Не для того чтобы жить, или не только для того, а затем, чтобы взять верх над врагами.

Бежать? Возможно.

Последний бой.

Потом он примет решение.

Смерть или жизнь? Он сам сделает выбор.

* * *

Выпуск новостей закончился.

Эрик подошел к министру.

— Благодарю за приглашение, — произнес чиновник, пожимая

ведущему руку.

Эрик с трудом сдержал улыбку. Тем не менее некоторые слова следовало произнести.

— Что скажете о моем выступлении? — доверительным тоном поинтересовался политик, взяв под руку журналиста, чтобы отвести его в сторонку от инженеров, сворачивавших технику на площадке.

— Оно было безупречным. Вы взяли тот самый твердый тон, которого ждут от вас французы.

Министр задумчиво кивнул.

— Это дело, как вы, конечно, поняли, пришлось очень некстати. До президентских выборов меньше года.

Беседа принимала деликатный оборот. Эрик нахмурился и сосредоточил все свое внимание на опасном разговоре.

— Вы опытный человек, месье Сюма. Вам известно, что некоторые ситуации чреваты явными рисками, другие — скрытыми, но не менее опасными.

«Ага, — подумал журналист, — сейчас начнет угрожать».

Министр взглянул ему прямо в глаза:

— Насколько мне известно, вы сами несколько лет назад стали заложником ситуации, неверно оценив риски.

Эрик остался невозмутимым. Он ничем не выдал своих эмоций. Находящиеся при власти люди судят о собеседниках по умению держать себя в руках.

— Полагаю, второй прокол окажется для тебя фатальным.

Эрик задержал дыхание, чтобы лицо не выдало его возбуждения. В неожиданном переходе на «ты» было слащавое приглашение к сотрудничеству, чреватое неприкрытым предостережением. Опыт телевизионщика позволил ему сохранить полную невозмутимость. Он даже позволил себе намек на улыбку. Министр оценил решимость и выдержку собеседника. Дай Эрик слабину, ему пришлось бы приложить массу усилий, чтобы вернуть должное уважение со стороны политика.

— Я сделаю тебе предложение, Эрик. Ничего, что я перешел на «ты»?

Министр подошел еще ближе, желая подчеркнуть конфиденциальный характер того, что собирался сказать. Эрик воспользовался паузой, чтобы перевести дыхание.

— Мы будем работать вместе и постараемся извлечь пользу из сложившейся ситуации. Ты и твой канал будете передавать нам всю информацию и сможете снимать сливки с того, что выясним мы. Составим план и будем соблюдать правила игры.

Эрик откашлялся, собираясь ответить, но министр поднял руку, показывая, что не закончил.

— Я знаю, что ты скажешь: свобода прессы, журналистская этика, и так далее и тому подобное. Не беспокойся. Я не собираюсь вас взнуздывать. Просто хочу быть уверен, что не попаду в неловкую ситуацию. Пойми меня правильно. Ты первым получаешь информацию. Тон, который ты задаешь, влияет на другие средства массовой информации. Следовательно, роль, в которой ты выставишь меня в этой истории, будет определяющей для моего имиджа. Мы столкнулись с очень сложной ситуацией, которую пока почти не контролируем. Она грозит взорваться в любой момент и похоронить нас, ты, как и я, можешь потерять все в мгновение ока. Ты подверг себя риску, как только получил первое послание. Я высоко ценю твою смелость и ловкость, с какой ты провернул это дело... и даже извлек из него выгоду для себя. Ты — король информации, да еще и извлекший урок из прошлых ошибок. Вот почему я не прошу тебя ни замолчать, ни транслировать мои послания, просто предупреждай об информации, которую вы будете получать, и о том, как станете ее интерпретировать. Я не хочу, чтобы меня застали врасплох.

— Понимаю вас, господин министр, — тихо, нейтральным тоном произнес телевизионщик, показав, что предпочитает держать дистанцию.

— Я знаю, месье Сюма, — кивнул политик, взяв тот же тон. — Как знаю и то, что ваши амбиции простираются дальше и выше места ведущего на заштатном телеканале и вы не собираетесь протирать там штаны до пенсии...

Произнося эти слова, министр не отводил взгляда от Эрика, дабы увериться, что тот понял намек.

— Остановимся на этом, — продолжил политик. — Вот номер телефона Фредерика Лена, моего советника по связям с общественностью. Звоните ему, как только возникнет необходимость. Он получил распоряжение сообщать вам все сведения без проволочек.

Эрик положил визитку в карман пиджака и повел гостя к выходу из студии.

Проводив министра, Эрик тут же отправился в аппаратную, где его ждала Изабель.

— Все записала? — спросил он.

Она помахала диском перед носом Эрика.

— Наша страховка от безработицы! — победно воскликнула она. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Ну, во всяком случае, если что-то пойдет не так, у нас будет чем прикрыться...

Даниель

В моем номере кто-то побывал. Я в этом уверен. Рано утром я вышел пройтись. И мне показалось, что за мной следят. Я замедлил шаг, зашел в магазинчик, но не вычислил преследователя, успокоился и вернулся в гостиницу. Войдя в номер, я уловил незнакомый запах, обошел все углы, но не заметил ничего необычного. И все-таки я уверен, что в мое отсутствие сюда заходили. Жаль, что мне не пришло в голову запомнить местоположение каждого предмета.

Возможно, это была всего лишь горничная или коридорный? Или кто-то из службы безопасности, заинтригованный странным поведением постояльца.

Я отправился к стойке портье.

— Меня кто-нибудь спрашивал? — спросил я с излишним возбуждением.

— Никто, месье, — безукоризненно вежливо ответил администратор.

— Кто-нибудь из обслуживающего персонала заходил в мой номер?

Молодой человек поправил очки и обеспокоенно взглянул на меня:

— У вас все в порядке, месье? Что-то пропало?

— Нет. Ответьте на вопрос, прошу вас.

— Не знаю, месье. Но я могу навести справки. Возможно, в номер заходил сотрудник службы технического обслуживания.

— Постарайтесь навести справки как можно быстрее. Я буду ждать вашего звонка.

Глаза портье за стеклами очков забегали.

— Сделаю все, что в моих силах, месье, — учтиво пообещал он, и я уловил в его голосе тревогу.

Я поднялся в номер и обследовал каждый метр ковра в поисках следов постороннего присутствия, но не преуспел.

Зазвонил телефон: это был портье, заверивший, что в мой номер никто не заходил.

— Прощу вас, месье, если вас все-таки что-то беспокоит, сообщите мне, и служба безопасности проведет расследование.

Возможно ли, что у меня случился очередной приступ паранойи? Или дело в страхе, который мне все труднее сдерживать?

Как бы там ни было, я снова привлек к себе внимание персонала

гостиницы. Серьезная ошибка.

* * *

Он ставит чашку с чаем на стол, оглядывает зал паба, сует руку в карман, достает конверт и протягивает мне.

Я беру конверт, открываю и проверяю содержимое. Он улыбается, видя мою недоверчивость. Не думаю, что ему могло прийти в голову обмануть меня, но я должен проявить мою так называемую алчность. Пусть видит во мне не холодного профессионала, а жадного типа, которым можно манипулировать.

— Я очень доволен услугами, которые вы мне оказываете, — роняет он, пока я убираю конверт с чеком.

— Не сомневаюсь. Результаты весьма убедительны. Мы продвигаемся быстрее, чем я предполагал.

Он молча кивает.

На этой неделе посольство Франции в Лондоне пригласило его на вернисаж. Он встретит там всех британцев, возвращающихся в мире культуры, и заранее радуется, предвкушая их реакцию на свое появление.

Приглашение я раздобыл через одного знакомого политика. Без особого труда, поскольку появившиеся во французской прессе статьи о новом меценате вызвали живейший интерес у тех, кто ищет щедрых дарителей.

— Я собираюсь поручить вам другое задание, куда более трудное, — с непроницаемым видом роняет он.

Я молчу, ожидая продолжения.

— Можете хорошо заработать. И завести собственное дело в условиях наибольшего благоприятствования.

— Вашими бы устами... О чем идет речь?

Он наклоняется ближе:

— Помните наш разговор о вашей способности улаживать сложнейшие случаи?

Он улыбается широкой заговорщической улыбкой, словно мы с ним университетские приятели и обсуждаем удавшуюся вечеринку.

— Вы тогда сказали, что могли бы обеспечить пиар даже... Бен Ладену, — продолжает он.

У меня учащается сердцебиение, я едва могу дышать, но стараюсь ничем не выдать своих чувств.

— Вы его нашли? Давно пора...

В ответ на мою сомнительную шутку он изображает сожаление:

— Увы, нет. Но одному из моих знакомых необходимы ваши услуги.

Он делает секундную паузу, проверяя мою реакцию, и спрашивает:

— Вам знакомо имя шейха Фейсала?

* * *

Я не отвечаю. На меня навалилась дурнота. Такое чувство, что я уже переживал этот момент. Похоже на отзвук сцен, проигранных в воображении, реальность и фантазия столкнулись и на миг лишили меня самообладания. Необходимо немедленно взять себя в руки, чтобы не лишиться шансов достигнуть цели. Нужно сохранять невозмутимость. Найдись с ответом, ну же, скорее!

Мой рассудок в смятении. Сумею ли я дойти до конца?

— Религиозный лидер?

Я опустил глаза, но мой голос едва заметно дрогнул. Он заметил? Я поднес к губам чашку, и жар кофе встретился с охватившим меня холодным бешенством. Я злился на собственную глупость и неспособность держать себя в руках в тот момент, которого я так долго ждал. Возможно, я уничтожил единственный шанс вступить в контакт с шейхом. Неужели все потеряно? Я поднимаю глаза на собеседника. Почему он молчит? Кажется, его внимание занято тем, что происходит на улице. Он выглядит озабоченным.

— Пойдемте прогуляемся, — наконец говорит он, достает деньги, кладет их на столик и поднимается.

— Что-то не так?

— Все в порядке, — отвечает он, — но я предпочитаю поговорить на ходу.

Он по-прежнему наблюдает за улицей и выглядит встревоженным.

Мы стоим на тротуаре. Шофер выходит из машины, Эль-Фассауи что-то шепчет ему на ухо, тот кивает, оглядывается и возвращается за руль.

Мохтар берет меня под руку.

Нужно сдерживать дрожь.

— Пойдемте, — говорит он, увлекая меня за собой.
«Ягуар» трогается с места и следует за нами в некотором отдалении.

— Я говорил о вас с шейхом Фейсалом, — сообщает араб. — Рассказал, как вы профессиональны. О том, как поработали на меня. Он высказал интерес.

— Благодарю. Но что у него за проблема?

— Вам, конечно, известно, что традиционно толерантное отношение к религиозным сообществам в Англии изменилось. Прежде они пользовались полной свободой слова и выражения своих идей, однако после того как некоторые лидеры выступили против участия Великобритании в войне в Ираке и произошли... инциденты в Лондоне и Париже, все стало иначе. Теперь за ними следят, их контролируют, а общественное мнение в массе своей питает к ним ненависть.

— Все это мне известно. Нельзя не признать, что отдельные высказывания шейха были довольно... энергичными. Его даже считают идейным вдохновителем некоторых терактов.

— Чушь! — возмутился Мохтар. — Некоторые религиозные лидеры действительно имеют досадную склонность к жестким высказываниям и обличению всех западных стран вообще и британского правительства в частности, но это не более чем слова. Они просто хотят, чтобы их услышали все мусульмане и чтобы самоидентификация сплотила разрозненные религиозные сообщества, создав таким образом фундамент для мощного политического движения, борющегося против угнетения наших собратьев во всем мире.

Его речи приводят меня в бешенство. Он что, принимает меня за дурака? Думает, я куплюсь и тоже поверю, что эта идеологическая война не более чем обычное столкновение мнений? Или все проще, и он полагает, что моя алчность давно возобладала над моралью? Эта мысль вызывает у меня протест, хотя я сам подал ему такую идею.

— Их речи и впрямь бывают слишком... жесткими, — соглашается он, словно прочитав мои мысли. — Но вы занимаетесь связями с общественностью и знаете, что иногда приходится сгустить краски, поддать жару, кое-что преувеличить, чтобы быть услышанным. Кстати, средства массовой информации перепечатывают речи этих людей именно из-за их провокационной составляющей. Разве о тех, кто проповедует ненасилие, уважение законов принимающей страны и общность всех вероисповеданий, много говорят? Нет. А ведь они составляют девяносто девять процентов всех живущих на Западе мусульман. СМИ —

соучастники в этой игре.

— Бесспорно. Но что нужно шейху Фейсалу?

— Он хочет... передать свое послание, избежав слишком воинственной формы, способной испортить впечатление.

Я останавливаюсь и смотрю на Мохтара.

— Не понимаю.

— Шейха Фейсала повсюду выставляют идейным вождем террористов, кровожадным убийцей, ответственным за несколько покушений. Такой образ является — как вы там говорите... желаемым и воспринимаемым. Проблема в том, что этот образ больше не отвечает интересам шейха и лишает его слова силы. Шейху необходимо, чтобы их слышали и повторяли те, кого он хочет убедить и сделать своими сторонниками. Так что желаемый образ изменился.

Он улыбается — «вы же понимаете...», с секундной задержкой я улыбаюсь в ответ.

— Я хорошо выучил урок, не так ли?

— На «отлично». Но я все равно не понимаю, о чем шейх хочет сообщить.

— Он сам все вам объяснит. Скажем так: речь идет о... гуманистическом послании, как он это назвал.

Я невольно вздрогнул. Почувствовал ли он, как напряглась моя рука? Не знаю. Но он бросил на меня быстрый взгляд и спросил, насмешливо улыбнувшись:

— Вы готовы принять вызов и выполнить поручение?

Я кивнул в знак согласия:

— Конечно.

— Вот и отлично. Вы свободны в среду, в семнадцать ноль-ноль?

— Я освобожусь.

— Приходите в паб, где мы встречались в первый раз. За четверть часа до назначенного времени. Хочу сам вас представить и поручиться за ваш профессионализм и вашу честность.

Я пожимаю ему руку. Машина притормаживает у тротуара, водитель торопливо выходит и открывает дверцу.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, но он меня окликает:

— Даниель, я знаю, что вам по большому счету безразлично дело этого человека. Полагаю, его идеи вас беспокоят. Но вы сказали, что не смешиваете мораль с бизнесом. Я нахожу такое отношение к делу правильным со стороны честолюбивого человека. Сотрудничая с шейхом,

вы сделаете хорошие деньги, не сомневайтесь.

Он сел в лимузин, махнув на прощание рукой.

Моя цель близка.

* * *

У меня есть три дня на подготовку.

Через три дня я окажусь лицом к лицу с шейхом Фейсалом, и уже ничто меня не остановит. В голове крутятся десятки вопросов.

Будут ли охранники присутствовать при разговоре? Обыщут меня или нет? Будут держать на расстоянии или подпустят достаточно близко?

Как я отреагирую, увидев шейха? Как долго придется ломать комедию, прежде чем начать действовать? Вдруг я струшу?

Оказавшись у подножия стены, я понимаю, как плохо себя знаю. Не могу предугадать собственные реакции и чувства, и меня пугает темная сторона моей личности. Придется импровизировать.

Я воображаю разные сцены. Перед мысленным взором проходят картины, где я одновременно зритель, режиссер и актер. Представляю, как убийца встречает меня, протягивает руку. Мне придется пожать ее и улыбнуться. Слышу его голос, он излагает свое видение мира. Слова попадают в меня, как обжигающие плевки, их едкий яд просачивается в мой разум и разъедает его, но я невозмутим. Сажу напротив него и точно выверяю ответы, жесты, позы. Иногда выхожу из роли и невольно ввязываюсь в словесную схватку, выплескиваю на него свою ненависть, рассказываю, какое страдание он причинил. Пускаю в ход крепкие выражения, хлещу его словами, и он начинает умолять о прощении. Если эти отступления действуют благотворно, я быстро возвращаюсь к сценарию, к своему тексту. До того момента, пока...

Но наступит ли этот момент? Я не должен сомневаться. Нужно продолжать прокручивать в голове ситуации, устраивая виртуальные репетиции.

Момент представится. Обязательно.

Жан

В комнате появляется Хаким.

— Как дела, кялб? — спрашивает он злобно.

Жан отдал бы все на свете, чтобы сбить с него наглую спесь.

— Планируешь повторить попытку героического побега? Не утруждайся, в следующий раз мы позволим тебе сдохнуть.

Внутренне Жан обозвал собеседника придурком. Он пытался умереть, а не сбежать.

— Лично я дал бы тебе утонуть, но остальные решили нырнуть и вытащить тебя. Они рисковали своими жизнями, чтобы спасти твою. Странно, так? Нам поручили прикончить тебя, а они оказывают помощь.

Хаким уселся на единственный стул и принялся раскачиваться на задних ножках, задумчиво глядя на заложника.

— Не задумываешься, почему?

Жан знал, что похититель продолжит свой монолог, что бы он ни ответил, и просто ждал.

— А тебе идет изображать крутого! Строишь из себя бог весть что, но, когда смерть тут как тут, разнюниваешься, как девка. Все вы на Западе такие. Думаете только о развлечениях, праздниках, свадьбах и разводах... Суета, ажиотаж, фальшивые драмы, фальшивое счастье. И все это для того, чтобы забыть о смерти. Вы никогда не повзрослеете. А смерти боитесь, как сопливые дети. Мамочка! Только не черное!

Хаким выкрикнул последние слова тоном капризного ребенка и гнусно захихикал.

— Нам сделали прививку смерти, потому что она — часть пути. Мы способны спрыгнуть с крыши небоскреба или...

Он бросил на Жана недобрый взгляд.

— ...или подорвать себя в толпе.

Жан с трудом сдержал рвавшееся наружу ругательство.

Хаким все понял, и его зрачки расширились от мрачного наслаждения одержанной победой.

— Не хочешь знать, зачем они тебя спасли? Врешь! Ты просто отказываешься спросить. Пытаешься сохранить остатки гордости?

Он помолчал, сардонически ухмыляясь, — о, как же хотелось Жану ударить кулаком по этой ненавистной роже! — потом встал.

На пороге он оглянулся на пленника и бросил:

— Все дело в том, что твоя жизнь имеет цену.
Хаки́м вышел, оставив Жана размышлять над этой загадочной фразой.

Жан

— У нас нет ничего нового для следующего выпуска! — паникует Изабель.

— Дадим обзорный сюжет, — предлагает Эрик.

Шарль пожимает плечами.

— Конечно, — соглашается он, — но разве площадь Бово не может поделиться информацией о том, как они пытаются выйти на след похитителей?

— Мы не узнаем ничего сверх того, что министр заявил во вчерашнем интервью, — вмешивается в разговор Изабель. — Я говорила утром с Леном. Он позвонит, если у них что-то появится.

На лице Шарля читается явный скептицизм.

— Вы правда верите, что они станут делиться информацией?

Эрик покачал головой, выражая сомнение:

— Я ни в чем не уверен. Впрочем, они наверняка захотят сделать жест доброй воли.

— И в какой-то момент нам придется ответить тем же и подыграть им, — согласилась Изабель. — Чтобы нас не обвинили в нарушении джентльменского соглашения.

— Ты права, — сказал Эрик. — Это игра в поддавки, но выбора у нас нет: придется принять в ней участие, иначе Министерство внутренних дел сольет информацию нашим конкурентам.

Шарль нервничал. Это дело выбивало его из колеи. Он, многоопытный изворотливый журналист, преподнес зрителям немало первосортных сенсаций, но теперь перестал различать границы между той профессией, которую постигал долго и терпеливо, учась у мэтров и в полевых условиях, и тем, что делали современные журналисты. Их работа состояла из сенсаций и злых шуточек, расследований и кумовства; в том, как они подавали информацию, было слишком много театральщины. Этично ли действовать по принципу «ты — мне, я — тебе», чтобы сохранить преимущество перед другими каналами? Нормально или нет давать в эфир сюжет о заложнике, ничего толком не изучив и не разузнав? Его сомнения небезосновательны, но разве могут они бросить такой роскошный сюжет и наплевать на свою роль первооткрывателей? Кроме всего прочего — и Шарль не мог себе в этом не признаться, — ему хотелось напоследок

тряхнуть стариной и показать себя во всем блеске.

Шарль решил забыть о своих сомнениях. Ради драйва, ради удовольствия чувствовать себя членом команды «делателей новостей», ради того, чтобы сказать свое веское слово в этой истории. Он взглянул на коллег: Эрик и Изабель что-то спокойно обсуждали. Она тоже была эмоционально дезориентирована, сомнения мучили и ее. Но Изабель просто не могла упустить свой шанс: она было запаниковала, но все-таки решила довериться чутью Эрика. А он разыгрывал свое возвращение на авансцену, упиваясь ароматом славы. У каждого в команде была причина продвинуться как можно дальше. Вместе. Любым способом.

Шарль ушел в кабинет и связался со своей ассистенткой:

— Что у нас?

Кларе было поручено собрать и рассортировать информацию по поступившим звонкам. После показа сюжета о заложнике сотни зрителей позвонили на канал, чтобы выразить возмущение, высказать предположение о личности незнакомца, предложить решение... Большинство звонивших были людьми с неустойчивой психикой или просто очень одинокими бедолагами, для которых телевизор оставался единственным спутником их унылой жизни.

— Так вот... даже не знаю, с чего начать. Многие заявляют, что опознали его, но свидетельства не повторяются. Многие выражают сочувствие... Отдельные исламисты поддерживают похитителей, и...

— И? — раздраженно переспросил Шарль.

— И мы получили по почте чеки, сегодня утром.

— Чеки?

— Да. Судя по всему, телезрители восприняли вопрос похитителей в прямом смысле. Они требуют, чтобы мы предложили выкуп за бродягу, и прилагают чеки. Подобные звонки были и вчера, сразу после передачи, но я не придавала им значения, приняв за обычные посулы пожертвований, как на телемарафоне.

Шарль задумался, оценивая ситуацию:

— Сколько?

— Сколько чего — звонков?

— Да нет же, бабок!

В трубке раздалось шуршание.

— Не знаю, я еще не подсчитала. Есть мелкие суммы и несколько очень крупных...

— Клара, я не требую от тебя точной цифры! — раздражился

Шарль. — Скажи, сколько там примерно.

Клара запаниковала. Она предпочитала общаться с Эриком и даже с легко впадающей в уныние Изабель (с этим она научилась справляться!), а властность Шарля пугала ее.

— Где-то между... пятью и двадцатью тысячами евро.

— Ничего себе расхождение!

— Ладно... Я перезвоню через несколько минут и назову более точную цифру. Но без виртуальных сумм, их мы не...

Шарль повесил трубку, не дослушав окончания фразы, и снова задумался.

Так где же пролегает эта чертова грань между новостями и театрализованным действием?

* * *

«Пусть наши сердца скажут, какова цена этого человека», «Гуманизм против терроризма!», «Анонимные пожертвования для анонимного заложника». Броские заголовки всех без исключения газет были посвящены информации, обнародованной Эриком в последнем выпуске новостей. Угол подачи был нов, тема — неисчерпаема. Телеканалы подхватили эстафету «Теле-8». Достаточно было выйти на улицу с микрофоном, остановить любого прохожего и услышать слова поддержки и сочувствия для очередной передачи.

Сюма ликовал. Коллеги по цеху берут у него интервью. Его фотография прилагается практически ко всем статьям, его цитируют. Превозносят его профессионализм и сдержанность тона. «Какое лицемерие!» — думал он. Опыт? Взвешенность? Сдержанность?.. Несколько лет назад они облили его грязью и заклеили за то, что он встал на защиту ничуть не менее праведного дела, проявив, кстати, куда большую осмотрительность. Позавчера он ни на что не годился, теперь стал героем? Подобные ужимки и прыжки вызывали у Эрика омерзение. Его пригвоздили тогда к позорному столбу по одной-единственной причине: он выступил вразрез с «генеральной линией». Не уловил духа эпохи. А теперь он стал движущей силой этой самой генеральной линии. Какая жалкая перемена участи! Изменилось все — но не он сам. Он остался прежним. Другие произносят теперь иные речи, у них изменилась

шкала ценностей, они иначе видят мир. Путь Эрика пересекся наконец с путями эпохи. Он знает, что любой успех проистекает из полной гармонии между человеком, его идеями и временем, в котором он живет. Средства массовой информации, политики, благонамеренные души проявляют себя в этом деле. Тем и хороша вся эта история: она интригует и одновременно «попадает в струю». И, на счастье Эрика, он — эксклюзивный обладатель информации.

В действительности Эрик Сюма был бы вполне доволен сложившейся ситуацией, если бы сумел заглушить внутренний голос, нашептывавший, что в этом деле есть второе дно, что-то, чего он пока не видит.

И это «что-то» перевернет его жизнь.

Даниель

Я не покидаю номер. Хожу из угла в угол, прокручивая в голове нереальные сцены, планы, тактику. Чередую мысленную подготовку с физической тренировкой, чтобы привести себя в форму. Делаю отжимания и растяжки. Плотно ем и не прикасаюсь к алкоголю. Завтра выйду на пробежку. Я — солдат, я готовлюсь к сражению. Хочу все предусмотреть. Я множество раз повторил последовательность движений, которые помогут мне убить его. Всякий раз, нажимая на спуск, я испытываю дрожь облегчения.

Я не даю мозгу передышки, разрабатывая одну тактическую схему за другой. Если эмоциональный потенциал какой-то схемы оказывается слишком сильным, я снова и снова прокручиваю ее в голове, чтобы выявить самые уязвимые точки, исключить малейший намек на сентиментальность, который в последний момент может помешать мне выстрелить.

Тренировка поможет все сделать как надо.

Нужно продержаться два дня.

* * *

Салливан попытался связаться со мной. Но я не брал трубку и позвонил ему сам в тот самый момент, когда он был на совете директоров, попросил помощницу передать, что все идет хорошо, дел очень много и я перезвоню завтра.

Бетти тоже звонила. Я не ответил, представив, как она томится в одиночестве в нашем доме, мучимая бесчисленными вопросами. Передал ли ей Пьер наш разговор? Нет, я отказываюсь думать о них. Действие! Действие! Действие!

Когда боль погрузила меня в состояние мстительной истерии? В день смерти Жерома? Или в день его похорон? В тот момент, когда Бетти набросилась на меня с упреками за то, что я не забрал его с тренировки? Когда шейх Фейсал вознес хвалу мужеству террориста или во время первого появления Жерома в саду?

Не имеет значения. Я принимаю это организованное безумие — оно помешало мне умереть. Мое безумие ничем не хуже безумия человека,

которого я скоро устраню. Оно не более ошибочно и преступно, чем ослепление тех, кто позволяет ему свободно высказываться. Оно так же легитимно, как невроз извращенцев, сочувствующих участи убийц, потому что им не хватает мужества иметь собственное мнение.

В этом растревоженном мире безумие гнездится повсюду. Люди утратили способность рассуждать здраво, они не знают, какое место в их суждениях и оценках должны занимать сопереживание и сочувствие.

Мой гнев ничем не хуже всеобщего помутнения рассудка.

Жан

— Возможно, у нас появился след.

Клара пыталась унять возбуждение. Профессиональная журналистка всегда остается невозмутимой — так она считала. Она могла волноваться, но не имела права выглядеть слишком возбужденной. Особенно при Эрике — наставнике, мэтре, которого она мечтала однажды заменить в эфире. Стать ведущей новостей было ее мечтой. У нее появился шанс работать рядом с профессионалом, с Эриком Сюма, таким обаятельным, с теплым тембром голоса и грустными глазами, и она должна научиться держать себя в руках. Еще старшеклассницей она восхищалась его харизмой, он повлиял на ее выбор профессии. Теперь Клара надеялась, что Эрик заметит ее достоинства, станет ее Пигмалионом, научит тому, что умеет сам, и она выйдет наконец на площадку. Клара часто думала, что у нее есть для этого все необходимое: она отлично училась, с успехом окончила факультет журналистики и была хороша собой. Последнее весьма немаловажно. Многие журналистки стали звездами благодаря идеальному сочетанию профессиональной компетентности и красоты. Все каналы искали ведущих с внешностью манекенщиц, способных возбуждать желание у широкой публики, занимать первые полосы глянцевого журналов, обеспечивая рейтинг и рекламу. Для повышения рейтинга все средства хороши.

— Успокойся, милочка, — поддел Клару Шарль. — Сглотни слюну, сделай глубокий вдох и спокойно все нам объясни.

«Вот черт! — разозлилась на себя Клара. — Я прокололась. Милочка, он назвал меня милочкой, как начинающую посредственность!»

— Я спокойна, — сухо бросила она, постаравшись придать голосу профессиональную тональность.

— Оно и видно... — съязвил Шарль.

Клара не стала вступать в пререкания, только бросила короткий взгляд на Эрика и с облегчением убедилась, что он над ней не смеется.

— Среди сотен полученных звонков, — сдержанно сказала она, — многие свидетельства совпадают. Этого бродягу якобы видели в окрестностях Лиона, близ Виллербана. Зовут его вроде бы Жан. Те, кто утверждает, что узнали его, заявили, что он исчез много дней назад.

— Сходится! Что еще? — встрепнулся Сюма.

— Он пьяница. Тихий зануда. Появился несколько лет назад,

обосновался прочно, ему благоволят местные торговцы: подкидывают деньжат с условием, что напиваться он будет где-нибудь в другом месте, но позволяют ночевать рядом со своими лавками. Пока это все.

— Неплохо для начала! Проверьте информацию. Пошлем команду на место, чтобы собрать свидетельские показания.

— Уже сделано, — гордо ответила Клара. — Я позвонила нашему местному корреспонденту. Он и техническая команда уже в пути.

— Молодец! — Эрик подмигнул молодой журналистке.

Пульс Клары участился, но она сумела скрыть радость и просто кивнула в ответ. Шарль злился. Ему не понравилось, что с ним не посоветовались. Эти молодые выскочки не соблюдают иерархию и медленно, но верно вытесняют его из дела. К сожалению, возразить ему нечего. Клара — хорошая журналистка, недостаточно опытная, конечно, но сейчас она приняла верное решение и действовала эффективно.

— Я попросила нашего человека взять интервью у местных торговцев и снять место, где жил бродяга. Кажется, его коробки и спальный мешок все еще там. Еще один аргумент в пользу того, что речь идет именно о том человеке, которого мы ищем. Бродяги никогда не бросают свои небогатые пожитки, помогающие им выживать.

— А почему бы нам самим туда не отправиться? Можно сделать прямой спецрепортаж из Виллербана, — предложила Изабель.

— Нет, слишком рискованно! — возразил Шарль. — Это всего лишь след. Представь, что это окажется не тот человек. Как мы будем выглядеть?

— Ты же не думаешь, что бродяга неожиданно объявится во время прямого эфира и предъявит нам претензии? — фыркнул Эрик.

Они рассмеялись, радуясь дружескому взаимопониманию.

— Возможно, нам следует поставить в известность площадь Бово, — предложила Изабель. — В ответ они дадут нам досье, которое есть на этого человека у полиции. Они ставят на учет всех бездомных.

Эрик кивнул:

— Хорошая мысль. Это убедит их в нашем искреннем желании сотрудничать.

— Согласен, — буркнул Шарль. — Так мы проверим, можно ли им доверять. Если они сольют информацию другим, мы будем предупреждены. Уж лучше рискнуть сейчас, а не в тот момент, когда у нас появятся стоящие сведения.

* * *

Атмосфера стала гнетущей, тишина — угрожающей. Уже два дня тюремщики появлялись на короткое мгновение, приносили еду и молча исчезали, даже не взглянув на пленника. У Лахдара вид был отсутствующий, словно он входил в клетку зверя, который перестал его занимать. Даже Хаким бросил его провоцировать. Когда заложник сделал попытку завести разговор, они его проигнорировали.

Жан не мог понять, с чем связаны такие перемены. Неужели они готовят его к смерти? Пытаются отстраниться, чтобы было легче убить?

Он почти сожалел о прежних стычках. Одиночество без спиртного было невыносимым. Как бы он ни сопротивлялся, картины прошлого неуклонно возвращались и терзали душу.

Он видел перед собой жену и сына и вынужден был смотреть им в лицо. Они говорили с ним, задавали вопросы о прожитых в разлуке годах. А он упивался радостью встречи и вел с ними безмолвные беседы, перебивал, пытался вернуть забвение и снова впускал их в душу. Обрывки его истории перемешивались с этими короткими, рваными разговорами. Вычеркнутые из памяти сцены всплывали на поверхность и оживали перед мысленным взором. Одни согревали сладостью мгновения, другие обжигали воспоминанием о жестокости и боли.

Впервые за долгое время он был наедине с собой.

* * *

Молодой лощеный журналист Оливье Шолли взглянул на оробевшего торговца и протянул ему микрофон:

— Вы совершенно уверены? Вы действительно его узнали?

Книготорговец колебался. Произнесенные на камеру слова приобретали совершенно иное значение, чем в дружеском разговоре в «Кафе де ла Пост».

— Да... ну... нет. Думаю, это он, но точно утверждать не могу. На снимке его не очень-то разглядишь.

Голубоглазый репортер нахмурил тонкие брови, разочарованный столь уклончивым ответом. В подводке к сюжету он высказался слишком категорично и теперь ругал себя последними словами. Надо же было так вляпаться! Оказаться первачом, получить информацию общенационального значения — и проколоться с собеседником. Ужасное невезение... Он выбрал этого торговца за выдержанность и хорошую речь, но перед

камерой вся его представительность мгновенно улетучилась. Париж не простит провала. Нужно что-то делать, иначе его навсегда сочтут жалким некомпетентным провинциалом.

Шолли начал искать самого словоохотливого торговца в квартале и обнаружил его в нескольких метрах от места съемки. Пузатый продавец из табачной лавки стоял скрестив руки на груди и наблюдал за происходящим. Вид у него был насупленный: он явно обиделся, что интервью берут не у него. Табачник мысленно проклинал журналиста, лишившего его мгновения славы. А ведь это он первым вышел к писаке и рассказал все, что знал, перед кафе, а уж потом в бистро подтянулись остальные. И этот хлыщ предпочел книготорговца! Торговлишка у того попрестижней будет, видите ли. Черная несправедливость! Ну да, у него голос крикливый, и говорит он не шибко грамотно, зато отвечает за свои слова! Кто лучше его знает Жана? Кто снабжал его сигаретами и бесплатными талонами на питание? Мир воистину несправедлив!

— Разглядеть лицо похищенного на пленке действительно почти невозможно. — Оливье Шолли импровизировал, направляясь к табачной лавке. — Вот почему некоторые местные торговцы так осторожны, когда их спрашивают, узнают ли они в похищенном бродяге бездомного по имени Жан, обретавшегося в их квартале. Впрочем, кое-кто проявляет большую уверенность, в том числе хозяин табачной лавки, который сегодня утром высказался совершенно категорично.

«Главное, чтобы он мне рожу не расквасил», — думал Шолли.

Завидев оператора, торговец напрягся и еще больше насупился.

«Вот черт, сюжет эти придурки мне все-таки загубят! Нужно его подмаслить».

— Я собираюсь поговорить с Жан-Франсуа Азо, этот великан с золотым сердцем — истинный герой квартала. Он великодушно снабжал бездомного по имени Жан куревом и время от времени приглашал пообедать. Местные жители дали Жану прозвище Поэт.

Торговец расслабился, выпятил подбородок и лучезарно улыбнулся в объектив камеры.

— Итак, месье Азо, вы уверены, что опознали заложника? Это тот самый человек, которому вы всегда так добросердечно помогали?

— Можете не сомневаться! Это он.

Оливье Шолли почувствовал облегчение.

Лесть всегда срабатывает.

— Но ведь, как я уже сказал, на видео его лицо разглядеть практически

невозможно.

— А я узнал не лицо — одежду. На нем куртка и рубашка, которые я сам ему отдал несколько месяцев назад. Ну, само собой, тряпки тогда выглядели получше.

Репортер ликовал:

— Значит, вы опознали его только по одежде, я вас правильно понял?

— И то хлеб, разве нет? — Торговец снова набычился.

— Конечно-конечно, но вы говорили мне о некоторых других приметах.

— Ну, слово «приметы» я уж точно не произносил, я не сыском занимаюсь, а сигаретами торгую. Но другие «элементы» и впрямь имеются. Например, манера держаться — он всегда немного сутулился, форма лица, длина волос. Все сходится, точно вам говорю. Я в себе уверен. Это Жан.

— Очень хорошо. А теперь расскажите мне об этом человеке. Кто он, откуда? Вам известна его история?

— Нет, этот парень — тихоня, очень молчаливый. Не такой, как другие пьяницы, никогда не говорит о своей прошлой жизни. Когда трезвый — милый, вежливый, скромный, а когда выпьет, любит пошуметь, без конца что-то бормочет, выкрикивает бог весть что. Глупости всякие, ругательства и всякое такое. Но парень он хороший. Появился тут несколько лет назад, и к нему хорошо отнеслись; он избавил нас от шайки мерзавцев, терроризировавших торговцев. У него тот еще характер, у Жана. И драться он мастак. В благодарность мы ему помогали. Чашка кофе, бутерброд, курево и немного денег время от времени. Единственное, о чем мы его просили, когда он напивался, — это не буянить поблизости от магазинов, не пугать покупателей. А он не спорил. Говорю вам, милый был парень. Только совсем потерянный.

— Вы так ничего и не узнали о его прошлом?

— Абсолютно ничего. Поначалу я задавал вопросы, но быстро понял, что ему это не по нутру, и заткнулся. Такие, как он, в прошлом сильно пострадали.

— Через тридцать секунд выводим тебя из эфира, — раздался в наушнике голос Изабель.

Шолли разозлился. Он мог продержаться еще две-три минуты как минимум.

Находившийся на площадке Эрик коротко кивнул.

— Классный репортаж! — прокомментировал он.

— О'кей, Оливье. Спасибо. Эрик тебя поздравляет, — сообщила

корреспонденту главный редактор.

Оливье с удовольствием выслушал комплимент, завершил интервью и с улыбкой выдал бодрый заключительный комментарий:

— Как вы сами могли убедиться из нашего репортажа, след бездомного по имени Жан выглядит серьезным. Полиция весьма оперативно провела расследование. Мы побеседовали с комиссаром Массом, в чьей юрисдикции находится квартал, где жил пресловутый Жан. Вот что он нам сказал:

«Как только этот гражданин без определенного места жительства появился в квартале Грат-Сьель в Виллербане, мы проверили его удостоверение личности. Такая процедура проводится в отношении всех лиц, ведущих бродячий образ жизни. Его имя — Жан Ларив. Он родился восьмого мая тысяча девятьсот шестьдесят второго года в Лионе. Он никогда не доставлял неприятностей окружающим и не попадал в поле зрения наших служб. Никакой другой информации об этом человеке у нас нет».

В разговор вступил Сюма:

— Итак, его прошлое остается загадкой, хотя весьма вероятно, что причины похищения следует искать именно там. Впрочем, не стоит сбрасывать со счетов и тот вариант, что выбор был случаен. Ваше мнение, Жак Ламброзо?

На экране появилось лицо репортера.

— Начнем с того, что нам следует принять обычные меры предосторожности. Мы совершенно не уверены, что заложник — это действительно Жан Ларив. Ограничимся анализом причин, по которым некий человек без определенного места жительства, кем бы он ни оказался, был похищен исламскими террористами. Связан ли мотив похищения с его прошлым? Лично я так не думаю. В этом случае похитители непременно раскрыли бы свои мотивы, чтобы оправдать свои действия. Получается, бездомного похитили наугад? Видимо, да. Иначе как понять странное послание похитителей. «Какова цена этого человека?» — спрашивают они в единственном сообщении, полученном нашим каналом на сегодняшний день. Похоже, террористы, задавая этот вопрос, призывают задуматься о моральных принципах нашей демократии. Какова «цена» системы, которая мирится с тем, что некоторые члены общества гибнут в нищете? Вам прекрасно известно, что исламисты считают демократию обманом. По их мнению, под предлогом гарантий свободы наша система множит неравенство. Вы критикуете нашу веру, считаете законы шариата несправедливыми, но отдаете ли вы себе отчет во вседозволенности,

царящей в вашем мире? Вот что как будто пытаются объяснить нам похитители этого бездомного. Согласитесь, что в таком случае личность человека и его история не имеют большого значения.

Эрик Сюма поблагодарил репортера и подвел итог:

— Сотни мужчин и женщин предпочли понять вопрос в буквальном смысле и — невероятный факт! — прислали чеки или — по телефону и через сайт нашего канала — объявили о намерении сделать взнос. Так что, если похитители хотят знать, какую сумму французы готовы заплатить за жизнь незнакомого им человека — создания, не имеющего цены в обществе массового потребления, — ответ на сегодня... двести тысяч евро! Спонтанный ответ, выражающий чувство глубокой солидарности.

Эрик сделал паузу, давая возможность аудитории оценить названную сумму.

— На данный момент у нас все. В следующих выпусках мы расскажем, как развиваются события в этом невероятном деле. А теперь другие новости.

Сидевший за пультом Шарль вздохнул:

— Думаю, это ошибка. Представив факты подобным образом, мы побуждаем зрителей присылать деньги.

— Именно так, — согласилась Клара, — хотя эти деньги невозможно будет использовать для уплаты выкупа. Правительство никогда не согласится. Но Эрик импровизирует, и у него, похоже, получилось.

— Так-то оно так, но мы выходим за рамки нашей единственной задачи — давать людям информацию.

— Это началось, как только мы стали раскручивать эту историю, разве нет?

Шарль взглянул на коллегу, которую пока что не перестал числить девчонкой. Изворотливость молодого поколения серьезно его тревожила. Деонтологический код им отлично известен, но они то и дело с удовольствием нарушают его — ради благих целей: подогреть интерес аудитории и добиться известности.

***

Министр сделал знак Фредерику Лену, и тот приглушил звук

телевизора.

— История с пожертвованиями мне совсем не нравится. Это выглядит так, как будто общественное мнение обсуждает с похитителями размер выкупа! У нас нет ни одного контакта, ни одного следа, ничего, но речь уже идет о сногшибательных суммах, это не выдерживает никакой критики. Возможно ли, что похитители манипулируют нами, хотят заставить торговаться? Что ты об этом думаешь?

Министр взглянул на Фредерика Лена.

— Мы можем пойти двумя путями... — Советник министра по связям с общественностью колебался. — Первый: убедить Эрика Сюма прекратить сбор денег, ясно дав понять, что правительство не сможет их использовать, даже в том — маловероятном — случае, если мы согласимся вести переговоры. Второй... заключается в том, чтобы позволить движению набирать обороты. Речь ведь в конечном счете идет о народном порыве, основанном на такой безусловной ценности, как солидарность. Нас как раз и упрекают в том, что мы ею не дорожим. Если нам удастся освободить заложника, не вступив в торги с похитителями, мы не только станем героями, нас назовут выдающимися государственными деятелями, ведь мы предложим вернуть деньги жертвователям либо перевести эти суммы Ассоциации помощи жертвам терроризма. Если же все-таки придется вести переговоры, мы скажем, что такова воля французов. И убьем одним выстрелом двух зайцев: наша неспособность решить дело без переговоров с террористами будет истолкована как желание прислушаться к ожиданиям общества. Выигрыш очевиден.

Министр встал и принялся кружить по кабинету, заложив руки за спину: он взвешивал оба варианта, руководствуясь скорее политической целесообразностью, чем личными чувствами, побуждавшими его к противостоянию.

— Согласен, пусть все идет как идет.

* * *

— Триста тысяч евро! — объявила Клара, войдя в кабинет Шарля.

Эрик присвистнул, а Изабель сделала большие глаза.

— И это не предел. Учитывая темпы, которыми поступают пожертвования, к концу недели сумма удвоится.

— Невероятно, — прошептала Изабель.

Шарль пожал плечами:

— Мы вступаем в область тотальной иррациональности. Неизвестные похитители, неизвестный заложник — не богатый и не знаменитый, загадочное послание и закусившее удила общественное мнение. И мы... посередине... Повторюсь: мы играем в опаснейшую игру. Рисуем захлебнуться — мы и так мало что контролируем.

— Я с тобой согласна, — кивнула Изабель. — Все мы разрываемся между восторгом — любому захочется быть в центре событий и извлекать из этого пользу для канала — и страхом услышать в свой адрес обвинения в безответственном поведении.

Эрик встал:

— И какой у нас выбор? Информация проходит через нас, мы ее обрабатываем и отсылаем потребителям. Мы — сердце системы.

— Ладно, ладно, — раздраженно бросил Шарль, — но кто ее мозг? Кто всем заправляет?

— Конечно, нами манипулируют, — согласился задетый за живое Сюма. — Но разве мы более свободны, когда читаем послания Елисейского дворца или берем интервью у президента или премьер-министра... по их просьбе? Мы и в этих случаях всего лишь ретрансляторы!

— Знаешь, в чем разница? Мы понятия не имеем ни кто сегодня снабжает нас информацией, ни какие у них цели, но создали неконтролируемую ситуацию.

Изабель шумно вздохнула, окончательно выйдя из себя:

— Мы не станем снова начинать вечный спор о том, кто кем манипулирует. Мы все осознаем риски и ставки в этой игре, и все готовы продолжать, так? Сначала я была в ужасе, но теперь успокоилась. Мы уже не одни в деле — все собраты по цеху следуют за нами в кильватере. Если все рухнет, кто посмеет бросить в нас камень?

— Ты права, — согласилась Клара. — Кое-кто зашел много дальше. Взгляните на заголовки.

Молодая журналистка положила на стол две газеты. На первой полосе одной из них была помещена размытая фотография заложника, сделанная с видеопленки. Подпись гласила: «Какова, по-вашему, цена этого человека?», заголовок в другой газете был сформулирован как призыв: «Что вы готовы сделать для освобождения этого бездомного?»

— Они просят читателей присылать пожертвования в редакции, — уточнила Клара. — Мы никогда не были столь прямолинейны.

— Столь откровенны, — уточнил Шарль.

— Что будет с жертвованиями? Кто их соберет? Кто гарантирует, что

деньги пойдут на дело?

Шарль развел руками.

— Мы складываем чеки в сейф в дирекции, — сообщила Изабель.

Эрик хитро ухмыльнулся:

— У нас есть сюжет для следующего выпуска.

Коллеги как по команде взглянули на него.

— Мы поставим вопрос о сборе и хранении этих сумм. Зададим фундаментальный вопрос — сможем занять более высокоморальную позицию.

— Гениально! — воскликнула Клара.

Эрик лучезарно улыбнулся в ответ:

— Можно назначить ответственным кого-то из технических сотрудников или предложить создать контролирующую инстанцию. Взять интервью у представителей благотворительных фондов и какого-нибудь бонзы из Министерства экономики.

— Что думаешь, Шарль? — спросил Эрик.

Старый профессионал только плечами пожал в ответ.

Даниель

Возле паба останавливается черный лимузин. Мохтар напряженно улыбается.

— Это важная встреча. Я рискую доверием шейха, — говорит он, объясняя, почему так напряжен.

— Я, знаете ли, тоже нервничаю!

Сердце бешено колотится, ноги дергаются, по спине пробегает дрожь. Кажется, я могу пересчитать все волоски на теле и голове, почувствовать, как каждая пора всасывает необходимый для успокоения кислород. Мне знакомы эти симптомы. То же самое я ощущал двадцать лет назад перед каждым ограблением или налетом. Правда, тогда это странное чувство было сродни величайшему наслаждению, а сегодня оно скорее напоминает сильнейшее недомогание. В душе притаился глухой страх, который я отношу на счет грядущей схватки с моим врагом.

Мохтар молчал всю дорогу и смотрел в окно на прохожих. Его поведение беспокоит меня. Чего он опасается на самом деле? Я думал, он попытается меня успокоить, подготовит к встрече, даст несколько советов, но этого не происходит. Странно.

Мы подъезжаем к дому, водитель открывает дверцу, я выхожу и испытываю желание обернуться и взглянуть на окно моего гостиничного номера, но к нам уже направляется один из охранников. Он пожимает руку Мохтару, кивает мне и что-то говорит в микрофон невидимому собеседнику.

Калитка приоткрывается. Мы идем по аллее. Кажется, я здесь уже был: мне знаком каждый куст, каждая скамейка, каждая статуя — я множество раз проделывал этот путь у себя в голове.

Два амбала впускают нас в дом. Смотрят они ой как неласково, и я молюсь, чтобы лицо меня не выдало.

Один из телохранителей делает вопросительный жест, и Мохтар отвечает:

— Я за него ручаюсь.

Мой расчет оказался верным. Они не станут меня обыскивать. Оружие у меня в промежности они бы все равно не нашли, но я чувствую облегчение.

К Мохтару подходит человек, они обнимаются, обмениваются несколькими словами на арабском, не обращая на меня никакого внимания.

— Я вас ненадолго оставлю, — говорит Мохтар. — Нужно кое-что обсудить с секретарем шейха.

Телохранители провожают меня в комнату с восточным убранством. Похоже, это приемная. Я сажусь. Громилы стоят у стены и смотрят на меня, не произнося ни слова. Собраться с мыслями я не успеваю: дверь открывается и на пороге появляется... шейх. Меня пробирает дрожь. Как часто я видел его в ночных кошмарах. Темные глаза, густые брови и борода закрывают почти все лицо. Тонкие губы поджаты, как у человека, сдерживающего злость. Он пристально смотрит на меня живыми умными глазами.

У меня плавится мозг, страх улечивается, и я становлюсь воином, одержимым желанием исполнить свою миссию.

— Рад видеть вас в моем доме, — говорит моя мишень и опускается в кресло, не подав мне руки.

Шейх кажется ниже ростом и плотнее, чем я себе представлял, наблюдая за ним из окна. Очевидно, все дело в одежде — на нем длинная белая туника.

Я не отвечаю, одержимый мыслью о прижатом к ноге оружию и о том, что предстоит совершить. Шейх знаком отсылает телохранителей, чем облегчает мне задачу.

— Давайте начнем без господина Эль-Фассауи, — говорит он. — Мохтар уже дал вам наилучшие рекомендации.

— Мы действительно успешно поработали.

Я не обдумывал эту фразу, не формулировал ее в голове — она выскочила сама собой, автоматически. Похоже, мои чувства управляются участком мозга, неподконтрольным моей воле.

— Вы, вероятно, поняли, что я жду от вас совершенно особенной работы... Хоть и не верю, что уроженец Запада действительно способен послужить моему делу. Все очень сложно. Речь ведь идет о духовных ценностях. Сомневаюсь, что ваши совпадают с моими, значит, вы вряд ли способны меня понять и уж тем более защитить.

— Так зачем же вы ко мне обратились?

Он раздумывает, и я вдруг замечаю, что голова у него слегка трясется.

— Мохтар поведал мне, что деньги для вас главная, можно даже сказать, единственная ценность, — объясняет он. — Мне подобное непонятно, но я знаю, что вам, живущим на Западе, это действительно свойственно. А у меня достаточно денег, чтобы дать вам мотивацию.

— Да, деньги...

Я не заканчиваю фразу, словно хочу оценить его предложение. Нельзя отвечать слишком быстро. Нужно выиграть время. В моем нынешнем состоянии я не способен действовать как надо. Необходимо успокоиться, наладить сердечный ритм, глотнуть кислорода, чтобы прочистить мозги. Крошечный участок мозга все еще позволяет мне играть роль, давая воину время на подготовку штурма.

— Это правда, я люблю деньги. Деньги дают возможность осуществить мечты и планы. А у меня их много...

— Вы типичный представитель западной цивилизации. Ваша система создана, чтобы удовлетворять аппетиты человека. Вами движут желание и зависть. Ничего удивительного, вы ведь полагаете, что жизнь заканчивается в этом низком мире, а рай можно купить за доллары и евро. Мы, мусульмане, живем по завету Пророка, и деньги для нас — одно из средств к достижению наших целей.

— Ваших целей?

— Объединить всех правоверных. Достичь Уммы. Создать исламское государство в сердце мусульманского мира, чтобы все верующие могли поклоняться Аллаху и занять свое место в другом мире. Истинном мире.

Он приукрашивает свою программу, выдает оскопленную версию, очищенную от насилия. Я пытаюсь справиться с лицом, чтобы не выдать ни своих убеждений, ни чувств, ни намерений.

У меня нет охоты слушать его разглагольствования, и я пользуюсь паузой, чтобы задать вопрос:

— Чем такой человек, как я, может быть вам полезен?

— Речь не об этом. Не впрямую... Вы нужны мне, чтобы решить проблему иного толка.

Он закрывает глаза, собираясь с мыслями, как будто хочет подобрать точные слова:

— Все просто: те, кто живет на Западе, считают меня дьяволом. Злобный, способный на самое худшее человек, который ни перед чем не остановится, чтобы добиться своей цели. Некоторые мусульмане почитают меня, боятся, обожают. Я хочу уменьшить разрыв между тем и другим восприятием моей личности. Я хочу, чтобы западные медиа поняли мои послания и могли донести их до людей. Часть общественного мнения уже сейчас воспринимает мои аргументы. Не мои методы, но гуманизм моих проповедей.

Он выдал эту ложь не моргнув глазом, убежденный, что слово «гуманизм» не противоречит природе его борьбы. Я пытаюсь сдержать

дрожь, но он успел уловить мое смятение:

— Вам не нравится термин «гуманизм»? Но именно он руководит моими действиями, дорогой друг. Совершенно очевидно, что в моем и вашем мире значение этого слова разнится. На Западе гуманизм есть олицетворение идеалистического видения мира, призыв к доброте и состраданию, которые заповедовал своим последователям Иисус. Красивое, но чрезвычайно наивное понимание гуманизма. Вы не различаете добро и зло, считаете, что ошибки, грехи и преступления есть результат слабости природы и их нужно прощать, чтобы человек в благодарность за понимание раскаялся и вспомнил об источнике добра в своей душе. В этом причина слабости Запада: он отказывается судить, наказывать и сражаться. Предпочитает сочувствовать, делать вид, что понимает. Запад больше не размышляет, он испытывает чувство вины. Он не осуждает, а страдает. Все это — чудовищное лицемерие. Потому что параллельно он угнетает, подавляет, захватывает, пытается, морит голодом и убивает народы, живущие по другим законам. Милосердие, любовь к ближнему, гуманитарные миссии обеспечивают ему чистую совесть и право продолжать убийства.

Шейх делает паузу, смотрит в окно и продолжает:

— Мой гуманизм заповедан Пророком. Его Закон должен лечь в основу нового мира. Только шариат способен победить коррупцию и исправить нравы. Все фундаментальные ценности человечества извращены. Порнография подменила любовь, корысть — братство, а деньги и власть — равенство. Сегодня каждый мужчина живет в подчинении, женщина унижена, ребенок обманут. Мой гуманизм призван восстановить мораль, которая вернет людям их достоинство.

— Убивая других людей?

Вопрос вырвался из глубины сознания, его вытолкнул гнев, медленно растекающийся по венам, разогревающий мускулы и скручивающий внутренности. Его слова пробивают защитный панцирь, в котором я ждал удобного случая, чтобы нанести удар. Я мог бы достать оружие и убить его, но этот чертов проповедник странным образом завораживает меня. Вернее будет сказать — интригует.

Я хочу выслушать его, понять, какими словами он маскирует свой бред.

Шейх не реагирует. Меня выдал агрессивный тон, но он делает вид, что ничего не заметил.

— Да, убивая других людей, — спокойно отвечает он. — Потому что это война. И потому что другого способа нет. Войну начали западные державы, которым помогают иудеи и христиане.

— На войне воюют армии. Когда армия сражается с невинными, это не война!

Я снова не сдержался. Мне показалось, что он улыбнулся, потом опустил глаза, подбирая слова:

— То, что и как вы говорили, объясняет, зачем я вас позвал. Мы ведем беседу о важных вещах, используем одни и те же понятия, но не понимаем друг друга, потому что у этих слов разное значение. Невинные? Армия? Война? На свете нет невинных. Большинство живущих на Западе людей — солдаты. Они голосуют за свои правительства, следовательно, одобряют политические и военные решения этих правительств, они принимают искаженные ценности, навязываемые средствами массовой информации, которые служат власти. Жертв нет — только солдаты. Одни активнее других, только и всего.

Эти слова выпустили на волю мою ненависть. Она вырвалась прямо из сердца, где я так долго копил ее.

Я вскакиваю, сую руку в карман и достаю оружие.

Шейх невозмутим, он как будто не замечает наставленного на него пистолета.

— Мой сын ни с кем не воевал! Он ни за кого не голосовал! Он не был солдатом, но его разорвало в клочья бомбой! Какое правое дело может это оправдать? Какое правое дело позволяет разрушать семьи? Какое сражение позволяет подобное варварство?

Я не кричу. Цежу слова сквозь зубы. Мне хочется вложить в них всю боль — свою, Бетти и Пьера, чтобы она стали каплями едкой кислоты, разъедающей лицо и душу.

Но он нисколько не взволнован. Хуже того — ничуть не удивлен поворотом дела. Словно ждал того, что случилось, или не раз переживал подобное.

— По детям, убитым американским и сионистским оружием, тоже плачут матери и отцы, — бросает он. — Но для таких, как вы, жизнь маленького араба или африканца стоит куда дешевле жизни маленького европейца.

Я по-прежнему держу его на мушке и готов стрелять, если появятся телохранители, но пока что все спокойно.

— Вы используете методы, которые сами же и осуждаете, вы хуже их, — холодно бросаю я ему в лицо. — Сидите в своей удобной квартирке и управляете армиями марионеток, ослепленных обещанием рая после смерти, где их встретят как героев! Вы понятия не имеете, какое зло сеете. Вы не слышите стонов тех, кто потерял близких. Вам не знакома боль

человека, сопровождающего на кладбище детский гробик! Вы и представить себе не можете, каково это — знать, что никогда больше не услышишь голос своего ребенка, что он никогда не будет ждать тебя в дверях дома, не бросится навстречу и не обнимет. Вы не знаете, как ужасно думать о днях, неделях и годах без него, о будущем, в котором его не будет! Вы безумец, произносящий религиозные речи, чтобы множить убийства. Вы не лучше тех, кого ненавидите.

— Ошибаетесь, Даниель, я знаю, — отвечает он бесцветным голосом. — Я потерял жену и детей, когда американцы сбросили бомбу на мою деревню в Афганистане. Они убили мою жену, двух сыновей и дочь.

Слова и образы мешаются у меня в мозгу. Я вижу разрушенный дом и обгоревшие тела, вижу шейха, рыдающего на развалинах.

— Вы лжете! Пытаетесь ускользнуть от смерти, потому что я убью вас. Я давно это задумал. Я живу только ради мести.

— Я не лгу. И не боюсь смерти. Я давно ее жду. Но вы меня не убьете. Вы не убийца, Даниель.

У меня дрожат колени, подгибаются ноги. Я не могу позволить сомнению проникнуть в мою душу.

— Сегодня я им стану. Моя жизнь утратила смысл. Пока вы живы, обрести его снова я не смогу.

— Думаете, Жером одобрил бы ваши действия?

У меня подкашиваются ноги. Рука повисает как плеть, не в силах удержать оружие.

— Как...

Говорить я тоже не могу. Слова застревают в горле.

— Я все о вас знаю, Даниель Леман. Мы много дней за вами наблюдаем. Из гостиницы «Бристоль» нам сообщили о странном постояльце, проявляющем излишнее любопытство на мой счет. Вы были не слишком аккуратны. Один из служащих — наш единоведец. В этом квартале у нас много своих людей. Мы узнали вашу историю и сразу поняли, что вы решили отомстить за сына. Оставалось определить способ. Мы полагали, вы нападете открыто, во время проповеди. Я перестал выходить из дома. Мои люди ходили за вами, следили во время ваших встреч с Мохтаром. Я оценил вашу изобретательность, хотя вы во многом полагались на случай и рисковали. Да будет вам известно, вы никогда не сумели бы достать меня подобным образом. Неужели вы и впрямь думали, что мы не проверим вашу личность до нашей встречи? Вы умны, Даниель, но боль заставила вас утратить чувство реальности. Вы допустили много ошибок в оценочных суждениях. Когда я понял, что вы не отступитесь,

предпочел не ждать, а ускорить события, сообщил Мохтару о ваших намерениях и попросил устроить эту... назовем ее так, встречу.

Я совершенно подавлен и больше ни на что не способен. Мозг отказывается работать, не справляясь с потоком слов, эмоций и образов. Сколько дней я потерял, строя планы, считая себя самым изворотливым, умным и неуязвимым. Я — болван, униженный и беспомощный.

— Почему вы меня не убили? Зачем позволили попасть в этот дом?

— Все дело в моей гуманности, — отвечает он, слегка пожав плечами. — Я надеялся, что вы откажетесь от своего плана. Надеялся — пока вы не достали оружие. Хотел, чтобы мои слова тронули вашу душу, помогли понять мои мотивы. Но вы решили доиграть свою роль до конца.

Уязвленная гордость заставляет меня поднять пистолет.

— Бросьте, Даниель, неужели вы полагаете, что мы позволили бы вам войти с заряженным оружием?

Лицо его все так же невозмутимо, он говорит мягким тоном, как будто сожалеет о моей наивности.

— Мои люди заменили патроны холостыми.

Гнев затуманивает мозг. Я нажимаю на спуск. Щелчок. Шейх моргает, но не теряет самообладания. Устремляет на меня холодный взгляд.

Два телохранителя кидаются ко мне.

— Сожалею, Даниель. Я понимаю, как вы подавлены и одиноки.

Я с криком кидаюсь на него, сходя с ума из-за собственной никчемности. Может, пока меня не схватили, я успею задушить его или хотя бы ударить? Нет. Удар под дых заставляет согнуться пополам от боли. Гориллы скручивают меня. Я слышу звук ударов, но ничего не чувствую. Вкус крови во рту смешивается с соленым вкусом слез.

— Это война, Даниель. А вы — солдат. Опасный противник — из-за ненависти, которая вас переполняет. Но вы наивны и потому безобидны.

Он поднимается, что-то говорит подручным по-арабски. Они удерживают меня перед шейхом, заломив руки за спину.

— Я убью вас! Убью...

Это кричу не я — моя ненависть, но голос звучит жалобно, как у усталого, растерянного ребенка.

— Нет, вы меня не убьете. Я понимаю ваш гнев. Я чувствовал то же, когда стоял среди развалин своего дома. Мы похожи. Мы питались от одного источника, но я сумел обратиться к Всевышнему, и Он направил мои мысли и дела. А вас злоба погубила. Она превратилась в безумие и

помешала действовать расчетливо. Вы провалились.

Я плюю ему в лицо.

И тут же получаю удар кулаком. Хрустнув, ломается нос. Люди шейха готовы обработать меня по полной программе, но он делает им знак остановиться. Его лицо утратило бесстрастность, он презрительно усмехается, вытирая щеку.

— Думаете, что вы лучше меня, Даниель? Но разве жизнь вашего сына ценнее жизни детей, погибших в Афганистане или Ираке? Ребенок-мусульманин менее важен, чем ребенок-христианин? Задайте себе эти вопросы и попробуйте ответить на них, употребив остатки здравомыслия. Мне жаль вас, нечестивцы! Вы возмущаетесь терактами, оплакиваете жертв одиннадцатого сентября, а то, что дети тысячами умирают от болезней и недоедания, что их убивают из оружия, сделанного в вашем мире... Вы проявляете капельку сочувствия, чтобы снять с себя вину, между двумя походами в ресторан, двумя удачно отпущенными шуточками. Ваш гнев и тот фальшивка, Даниель. В противном случае вы бы давно меня убили. И не наделали бы такого количества ошибок.

Он поднимает голову, оценивая мое состояние. Мой ненавидящий взгляд убеждает его, что можно продолжать.

— Наш гнев — это истинное, глубинное чувство, — бросает он, ударяя ребром одной ладони по другой. — Этот гнев заставляет людей жертвовать жизнями во имя праведного дела. Воины Аллаха идут в авиашколы, прощаются с родными, садятся в самолеты и врезаются в небоскребы: вот что такое искренность. Вы довольствуетесь видимостью, жалуетесь, проклинаете. У вас не осталось дела, которому стоит служить. Вы живете, чтобы удовлетворять собственные желания, прихоти и аппетиты. Вы бы меня не убили, Даниель. Если мои люди сейчас вас отпустят, вы, возможно, попытаетесь. Но не ради того, чтобы отомстить за сына, а всего лишь желая смыть оскорбление и заставить меня замолчать. Увы, Даниель, не выйдет: это война.

Легким движением руки он приказывает своим людям увести меня.

Жан

Эрик медленно шел к машине. День закончился, не принеся новостей о заложнике. Они потеряли несколько пунктов рейтинга, и в ближайшие дни ситуация будет только ухудшаться. Уже зазвучали критические голоса. Кое-кто обвинял силы правопорядка в неспособности взять надежный след, на что Министерство внутренних дел лаконично отвечало, что «были рассмотрены и продолжают прорабатываться серьезные версии». Другие выступали против сбора пожертвований, заявляя, что общественное мнение и СМИ, играя по правилам террористов, провоцируют мелкие группировки и негодяев всех мастей, нуждающихся в средствах. Пошли слухи об «увводе» части денег, отсылаемых в редакции газет и на телеканалы. Дело запутывалось, публика строила догадки, а Эрика Сюма одолевали сомнения. Неужели колесо фортуны снова повернулось?

Такова специфика его работы: моменты наивысшего счастья сменяются глубоким разочарованием. В молодости ему хватало оптимизма и выдержки переносить выкрутасы судьбы, но теперь любая помеха воспринималась как предвестие провала. Должен ли он стыдиться того, что сделал? Возможно. Ему не хотелось отвечать себе на этот вопрос честно, не желал он и трезво оценивать пройденный путь.

Эрик горько усмехнулся, представив заголовок на первой полосе скандального издания под собственной фотографией: «Какова цена этого человека?»

Кто сможет ответить на этот вопрос?

Только он сам.

Но ответ ему не нравится.

* * *

Хаким и Лахдар вошли в комнату и не говоря ни слова поставили у стены маленький телевизор.

— Что еще вы придумали? Соскучились по пыткам? — воскликнул Жан, испытывая облегчение, почти радость оттого, что можно наконец нарушить молчание.

Мучители проигнорировали крик души пленника.

Они подключили видеоплеер, вставили диск и вышли.

Жан с любопытством — и страхом — взглянул на экран, не зная, чего ожидать.

Первый же кадр настолько потряс Жана, что внутри у него все оборвалось.

Он стремительно погружался в глубины собственной памяти, но экран притягивал его как магнит, и он встряхнулся, сделав над собой невероятное усилие.

Женщина в кадре сидела на террасе кафе, пила эспрессо и отсутствующим взглядом смотрела в пустоту.

Они действительно подобралась совсем близко, знали, где ее найти, и хотели, чтобы он в этом не сомневался. Зачем? Чего они от него ждут?

С бешено бьющимся сердцем узник попытался подобраться к телевизору так близко, как позволял наручник.

Десять прошедших лет отпечатались на лице его жены, погасив блеск глаз и уничтожив следы бывшего счастья, но она все еще была очень красива.

Она машинально помешивала кофе ложечкой, поглощенная созерцанием воображаемого горизонта.

Что задумали эти люди? Что хотят сделать с женщиной, которую он так любил? К чему вся эта психологическая пытка?

— Мерзавцы, вы не имеете права! Она тут ни при чем! Она ничего не знала!

Его крики эхом отозвались в пустоте квартиры.

Через несколько минут сцена завершилась. И началась сызнова. Плеер был запрограммирован на повтор.

Даниель

Они пристегнули меня наручником к батарее в темной комнате под домом.

Какой-то человек с любопытством смотрит на меня. Я выдерживаю его взгляд.

— Опустит глаза, кялб!

Я не подчиняюсь. Что останется от моего достоинства, если я покорюсь?

Он подходит и бьет меня кулаком под дых.

Я падаю.

Он склоняется надо мной, приставляет палец ко лбу.

— Сегодня вечером, — произносит он, изобразив выстрел.

Все эти недели я думал о смерти с полным спокойствием, но умереть я должен был после шейха. А теперь потеряю жизнь ни за что.

* * *

Часа через три до меня донеслись какие-то глухие звуки.

Мой охранник встревожился, встал, подошел к двери, осторожно приоткрыл ее и тут же отлетел назад. Он попытался выхватить оружие, но два человека накинулись на него и скрутили.

— Он здесь!

Один из спасителей пристально смотрит на меня через прорези маски. Кто они такие? События снова опережают меня, собственная история выходит из-под контроля. Я больше ничем не управляю. И ничего не понимаю.

— Черт, он здесь, ребята! — возбужденно повторяет он.

Другой тип в маске изо всех сил бьет по голове охранника.

— Пошевеливайся! — приказывает первый, хватая меня за руку.

Я упираюсь, не зная, на что решиться. Хочу понять.

— Давай, пошли! Не торчать же нам тут до скончания века. Пока что все идет как надо, но скоро станет жарко!

— Но кто?..

Тут он наконец понимает, в чем дело, останавливается, делает знак

товарищу, и оба снимают маски.

Соломон и Витто.

Я застываю — не ожидал увидеть знакомые лица в этом аду.

— Да, хорошо они его отделали. Грязные ублюдки! — бурчит Витто, помогая мне подняться. Потом лучезарно улыбается и спрашивает:

— Ну что, Даниель, рад встрече со старыми корешами?

Соломон обыскивает карманы охранника, находит ключи и расстегивает наручники.

— Поторопись, братишка. Мы в таких делах не спецы, и я не уверен, что сумеем долго изображать крутых. Идем, я потом все тебе объясню. И главное — никаких имен.

У меня заходится сердце. Я как будто брежу. Что они здесь делают? Как узнали?

Они поднимают меня и выводят из комнаты, подталкивая в спину.

— А ты растолстел, Даниель, — бормочет Витто.

На первом этаже вижу двух лежащих на полу охранников.

— Бартоло и Набиль поработали, — шепчет мне на ухо Соломон, кивая на остальных моих спасителей.

— Валим отсюда! — кричит нам Бартоло. — Делаем ноги, ребята.

Шейх сидит за столом со связанными руками. К его затылку приставлен пистолет. Оружие держит широкоплечий здоровяк Рем и.

Я не понимаю, как они здесь оказались, но мою душу переполняет восторг. Мне хочется схватить их всех в охапку и выкрикивать слова благодарности и любви, но сейчас у нас есть дела поважнее: нужно уйти, не оставив следов.

Шейх утратил невозмутимость. В его глазах плещется паника.

— Вперед! — командует Соломон.

— Что будем делать с этим? — спрашивает Реми, кивнув на пленника.

Соломон смотрит на меня.

— Берем его с собой.

Я чувствую, что он колеблется.

— Послушай, я тебя понимаю, но все еще может хорошо закончиться, если остановимся сейчас.

— Берем его с собой!

— Черт, так я и знал. Ладно, пакуйте его. Все готовы?

— Нет, кузен исчез, — отвечает Набиль.

— Куда его снова понесло? — Соломон злится.

В этот момент появляется Витто с перекинутым за спину мешком.

— Вы же не думали уйти с пустыми руками? — интересуется он. — Я тут прихватил кое-что — золотишко, мелкие купюры, фотоаппарат, видеокамеру... Окупим дорожные расходы.

— Подгони грузовичок к крыльцу, — приказывает Соломон Реми. — Никто не должен видеть, как мы выходим.

Солнце садится. Мы загружаемся в машину. Витто толкает в спину притихшего шейха, заставляет лечь на пол и завязывает ему глаза. Бартоло и Набиль снимают маски и забираются назад.

Мы с Соломоном и Витто устраиваемся на переднем сиденье, Реми садится за руль.

— Трогай! Поехали!

* * *

Фургон едет по направлению к лондонским предместьям. Мы молчим, стараясь отдышаться, успокоиться и привести чувства в порядок.

Витто смотрит на меня с веселой усмешкой, спрашивает:

— Ну что, дружок, рад встрече?

Я изо всех сил сдавливаю ему плечо. Как выразить словами обуревающие меня мысли и чувства?

Мы все возбуждены, как бывало в молодости после удачного ограбления.

— Как вы узнали? — наконец спрашиваю я.

— Когда ты попросил достать тебе оборудование, я сразу все понял, — объясняет Соломон. — Я бы поступил так же. Я знал, что помощь ты не примешь, и проследил за тобой. Думаешь, я бы позволил тебе разбираться одному? Мы всегда все делали вместе, Даниель. Один на один с этими профи ты был заведомо обречен на провал. Однажды я увидел, как они зашли в гостиницу, где ты жил, и о чем-то говорили с официантом. Я вызвал ребят, и мы стали ходить за тобой по пятам. И правильно сделали. Целую неделю не выпускали тебя из поля зрения ни на минуту.

— Ну да, неделю играли в шпионов, жрали хрен знает что, ютились в каком-то клоповнике под Лондоном, — добавляет Реми. — На такое только ради друга и пойдешь.

— Мы видели, как вы заявили в этот дом, ты и этот плейбой, а потом он вышел один, и поняли, что дело плохо, — продолжает Соломон. — Место мы давно разведали, вот и рискнули. Они думали, ты один, так что у

нас было преимущество — фактор неожиданности. Они, ясное дело, могли быть вооружены, но мы налетели впятером и справились.

— Куда мы едем? — со вздохом облегчения спрашиваю я.

— Мы сняли домик в пригороде.

* * *

Старая каменная постройка в центре широкого поля плывет в тумане. До ближайшей деревни не меньше километра.

Мы входим, стараясь не шуметь. Бартоло и Набиль несут шейха в отдельную комнату, привязывают к кровати и возвращаются в столовую. Мы стоим и улыбаемся. Все мы слишком возбуждены и не находят слов. Потом Витто издает победный клич, высвобождая накопившееся напряжение, мы вторим ему и хохочем в голос. Обнимаемся, они по очереди тискают меня, говорят, как рады снова быть вместе.

Бартоло достает пиво. Мои друзья чокаются и пьют за свое невероятное приключение, радуются, что сами остались живы, что спасли меня. Каждый излагает свою версию событий, объясняет, что чувствовал, чего опасался...

Я почти забыл о своей боли в этой нереальной атмосфере всеобщего возбуждения и счастья, в кругу этой второй семьи, которую почти забыл.

Мы садимся за стол, пьем пиво с бутербродами.

Витто и Бартоло говорят не закрывая рта, рассказывают, как жили в те годы, что мы не виделись. Каждый хочет похвастаться достижениями.

Кузены сообщают, что женаты на сестрах, и при этом скалятся во весь рот, как счастливые новобрачные. Они называют по именам детей, явно гордясь тем, что стали основателями клана.

— Не могу видеть, как мои сыновья вяжутся со всякой мелкой шушерой, — на полном серьезе сообщает Бартоло.

— Согласен, у нынешней шпаны нет чувства чести.

Витто говорит, что отсидел срок за ограбление. Соломон вспоминает, что этот злосчастный эпизод стал для него поворотным моментом, он взял судьбу в свои руки, получил профессию и теперь один растит трех дочерей и восстанавливает старые дома. Иногда работает на английские семьи, пожелавшие обустроить жилище на французский манер. Благодаря одному такому семейству он и снял этот коттедж.

Набиль держит гараж, ремонтирует машины и обеспечивает жене и

двум отпрыскам безбедное существование.

— Видел бы ты моих сына и дочь! Маленькие французы. Не ругаются, говорят без ошибок. Я ими очень горжусь.

А вот Реми не расстался с прежней жизнью.

— У меня сезонная работенка, — смеется он. — Как только появляются деньжата, отправляюсь путешествовать, покупаю тачку, спускаю всё и снова берусь за дело. У меня двое ребятишек от двух баб, но мы не общаемся. Я не образцовый гражданин, но мне это нравится.

Время от времени они собираются, празднуют дни рождения и Рождество. Я выпал из их жизни и чувствую себя дураком. Они были моими братьями по оружию. Моими братьями по крови. Они не держат на меня зла за то, что я ушел, раз всё бросили и поспешили на помощь. Чувства вины и благодарности смешиваются в моей душе воедино, но я не осмеливаюсь облечь их в слова. Мне хочется сказать, как я сожалею о нашей разлуке, попросить прощения, поблагодарить, но ни они, ни я не забудем, что не общались целых десять лет, и никакие извинения не залечат нанесенного дружбе урона.

Мы выпали из реальности. Люди шейха и английская полиция наверняка уже вышли на тропу войны, а мы вспоминаем прошлое, рассказываем друг другу о том, как живем, и радуемся, как дети, что снова сумели объединить силы и умения и выйти победителями из рискованной ситуации. Нас возбуждает эйфория момента, мы дали выход давно сдерживаемому возбуждению и стрессу. Мы снова стали шайкой молодых негодяев, вернувшихся с удачного ограбления и радующихся своей дружбе и близости.

Время словно бы остановилось во время этой простой трапезы. Прошлое и будущее встретились и слились.

Мы никогда не расставались.

Мой сын не погиб.

Жан

В этот час кабинеты пустовали. Эрик приложил бидж к электронному турникету и вошел в здание. Он страдал бессонницей и часто приходил на работу первым. Коллеги видели в этом проявление профессионализма. На самом деле так он боролся со своими страхами и тревогами. Он взял кофе в автомате, пошел по длинному коридору и вдруг заметил свет под дверью ньюс-рум и услышал, что кто-то работает на компьютере. Это была Клара.

— Привет, — бросил он.

Журналистка обернулась и улыбнулась ему:

— Здравствуй, Эрик, я слышала, что ты пришел.

— Что ты здесь делаешь так рано?

— Могу спросить тебя о том же.

— Я часто прихожу ни свет ни заря.

— Знаю. Возможно, потому и опередила тебя. — Она сопровождала эту странную фразу загадочным взглядом.

— Ты хотела со мной поговорить?

Эрик сел рядом с девушкой и глотнул кофе. Его голос все еще звучал сипло, понадобится несколько чашек горячего питья, чтобы расслабить голосовые связки.

— Да... в общем, нет, — смущенно пробормотала Клара.

— Какой-то непонятный вышел ответ, — усмехнулся Эрик.

Молодая женщина скорчила сконфуженную детскую гримаску.

— Думаешь, с тобой легко разговаривать? Ты такой неуловимый. Мне нужно сказать тебе кучу вещей. Сколько раз я хотела с тобой поговорить, но не середь бела дня, когда вокруг полно народу... Я просто не решалась.

— Хочешь, чтобы я взял у тебя интервью? Клара хихикнула, стараясь справиться со страхом:

— Нет, сама справлюсь... Я об этом наверняка пожалею, но мне плевать.

Она сделала глубокий вдох.

— Во-первых... хочу, чтобы ты знал: я безмерно тобой восхищаюсь. Ты был для меня... образцом, когда я только начинала учиться профессии.

— Хорошенький способ объяснить мне, какой я старый журналюга, — пошутил Сюма.

— Прошу тебя, не перебивай. Мне и так непросто.

Она опустила глаза, как будто искала точные слова, но тут же вскинула голову и взглянула в лицо Эрику.

— Я считаю тебя замечательным профессионалом. То, как ты работаешь, как принимаешь решения, говоришь со зрителями... как справляешься со сложными ситуациями и подаешь сюжеты... Работать с тобой — невероятная удача.

— Внешность обманчива, Клара.

— Я сужу не по внешности. Мне кажется, что я сумела заглянуть за маску уверенного в себе профессионала и увидела твое настоящее лицо.

Сюма поднял бровь и пристально посмотрел на Клару. Красота девушки, ее страстность и смущение тронули его сердце. Он никогда не пытался ухаживать за ней всерьез, считая, что слишком стар для любовных игр, да и не совсем свободен.

Он флиртовал с Кларой, делал ей комплименты, но дальше не заходил. Возможно, из опасения получить отказ и потерять остатки мужского самолюбия.

— И каково оно, это лицо? — спросил он.

— Это лицо очень чувствительного, раненного жизнью человека. Профессия тебя не пощадила. Думаю, что и личная жизнь этого человека легкой не была.

Эрик набычился. Дело было не во вторжении в его личную жизнь, а в том, что сопливая девчонка вычислила его слабости и посмела о них заговорить.

— Мне не нравится ход нашего разговора, — пробурчал он. — Не знаю, чего ты добиваешься, но я в твоём участии не нуждаюсь, — раздраженно добавил он, вставая.

Его слова задела Клару.

— Это не участие, — пролепетала она. — Я просто пытаюсь объяснить, что уважаю тебя не только как профессионала, но и как человека. То есть... это не уважение... а чувства...

Эрик напрягся, ища в лице Клары подтверждение ее словам.

Они услышали, как открылись двери лифта.

— Я пошел, — тихо сказал Эрик.

— Может, как-нибудь вечером продолжим разговор? — спросила Клара.

— Может, и продолжим, — бросил он.

— Как насчет сегодня? — предложила Клара.

Сюма не ответил.

— Я зайду за тобой в семь, — решительно сообщила Клара.

Она застала его врасплох, и Эрик, не зная, как себя вести, просто махнул рукой и наконец ушел. Впервые за много лет его душа встрепенулась.

Даниель

Ночь окутала старый дом с окнами-эркерами. Мои друзья дремлют вокруг стола, устроившись на диванчике и в креслах. Я стою у окна, вглядываясь в окрестности, и пытаюсь уцепиться за реальность. Мне почти удалось раствориться в сумерках английского луга, но тут подходит Соломон с зажатой в зубах сигаретой. Он стоит у меня за спиной и смотрит на отражение на стекле.

— Чертов проклятый день! — бормочет он.

— Знаешь, я хотел тебя поблагодарить, я...

— Брось, проехали.

Я умолкаю.

— Что ты сделаешь с шейхом? — спрашивает он, не дав мне опомниться.

— Убью его.

Я вижу, как он качает головой, бросает окурок и затаптывает его.

— Чушь! Ты не убийца. Мы были веселой шпаной, настоящими задирами. Но убийство — другое дело.

— Я знаю, что такое убийство. Узнал на собственной шкуре.

— Не смешивай все в одну кучу, Даниель. И не притворяйся, что не понимаешь. Твое горе — только твое, но, если бы я потерял ребенка, действовал бы так же, правда по горячим следам. Я бы не стал выжидать столько времени, сидеть в засаде, надеяться, умирать от тоски и страха. И я бы уж точно не бросил семью. Только что, в горячке схватки, я мог бы убить, чтобы спасти свою жизнь или ваши, но мне становилось не по себе от одной лишь мысли об этом. Я наблюдал, как ты прячешься в номере гостиницы, готовясь нанести удар, как ломаешь комедию, и не узнавал тебя, Даниель. Я не вмешивался — был уверен, что ты опомнишься, сядешь в самолет и вернешься к своим, чтобы вместе пережить горе. Ты всегда был самым решительным из нас, что и говорить, но я с трудом представляю, как тыходишь в подвал, поднимаешь пистолет, целишься в лицо тому типу, смотришь ему прямо в глаза и нажимаешь на спуск. Только не ты, Даниель.

— Я так и не увидел тела сына после взрыва... следователи попросили описать одежду, в которой был Жером, отдать им зубную карту. Только так они смогли опознать некоторые... останки. Все поместилось в ящик. Его мы и похоронили. И я... даже не уверен, что все куски плоти принадлежали моему сыну.

— Я знаю, Даниель.
— Нет, ты не знаешь.
— Но хотел бы знать.
— Он был славный мальчик. Я очень им гордился.
— У тебя остался еще один сын. Ты что, гордишься им меньше и отказываешься быть его отцом?
Его слова действуют как удар.
— Я никем не смогу быть, если не убью этого человека.
— Сможешь. Жертвой. Человеком, который оплакивает смерть ребенка.
Он хочет обнять меня за плечо, замечает, что я плачу, и из деликатности опускает руку.
— Поговорим завтра. Сегодня все слишком устали.

* * *

Мы привязали пленника к кровати, бросили на пол матрас, и они по очереди караулили его. Меня отстранили — сказали, что я должен отдохнуть. Это был только предлог, они боятся, что я доведу дело до конца, но надеются, что убивать шейха я все-таки не стану. Они завязали пленнику глаза, чтобы тот не видел их лиц.

Я не спал. Или почти не спал. Фазы быстрого сна и бодрствования смешивались, не давая отличить сны от пережитых наяву невероятных событий. Но в этом-то состоянии отупения я наконец придумал решение, после чего встал, принял душ и сварил кофе.

На кухне появился Витто с влажными волосами и полотенцем на бедрах. Схватил чашку, закурил, уселся напротив меня и улыбнулся.

— Помолодел лет на двадцать, — пошутил он.

Мы немного помолчали, просто смотрели друг на друга и улыбались, потом я спросил, чтобы сгладить неловкость момента:

— Кто его сторожит?

— Набиль. Заступил час назад. Хоть это и ни к чему. Куда он денется, твой террорист?

В этот момент входит Реми — хмурый, непричесанный и явно не расположенный к беседе.

— Знаем-знаем, как ты любишь рано вставать, — поддевает его

Витто. — Не бойсь, разговорами мы тебя утомлять не станем.

Из-за двери комнаты, где заперт шейх, внезапно раздается громкий голос, и мы кидаемся туда.

Набиль расхаживает из угла в угол, наставив указательный палец на Фейсала, а тот что-то говорит ему по-арабски.

— Не обращай ко мне на арабском, — кричит Набиль. — Я ведь уже сказал, что не понимаю! И не нуждаюсь в твоих моральных наставлениях! Я такой же мусульманин, как ты, я молюсь, но ты явно читал другой Коран. В моей Книге написано о любви, к которой Пророк призывает всех правоверных, а твой экземпляр залит кровью!

Шейх повышает голос.

— Не надрывайся, — говорит Набиль. — Можешь прочесть все суры и хасиды, можешь грозить мне адскими муками — на моих руках крови нет. А вот тебе придется держать ответ перед всемогущим Аллахом! Будешь объяснять, как посмел использовать Его имя, отбирая жизни у невинных.

Он прерывисто вздыхает.

— Я сглупил, — объясняет он нам, — сказал ему, что тоже мусульманин и не понимаю его призывов к убийству. Вот он и пытается промыть мне мозги, внушает чувство вины. Говорит, мы одной породы, одной крови. Хотел, чтобы я развязал его для молитвы. За дурака меня держит! Не хочу больше караулить этого шейха.

— Не кипятись, я тебя сменю, — успокаивает его Витто.

— Незачем, оставим его одного. Пошли на кухню, хочу с вами поговорить.

— Я-то помолюсь, болван, а вот кто услышит твою молитву? — бросает на прощание Набиль.

Крики разбудили Соломона и Бартоло, они застали самый конец сцены и теперь отправляются умываться.

* * *

Мы сидим, пьем кофе, шутим, смеемся, но атмосфера в кухне напряженная. Их беспокоит судьба шейха. Если этим все и кончится, они будут счастливы, что снова встретились, пережили невероятное приключение и вышли из него целыми и невредимыми. По ту сторону Ла-Манша их ждет привычная жизнь: жена, дети, заработанное тяжким трудом

положение и возможность перебирать в памяти безумные лондонские дни. Они меня, конечно, не бросят, что бы я ни решил, но надеются на достойный исход, не зная, что значит для меня достоинство в подобной ситуации и в моем душевном состоянии.

— Мне столько всего нужно вам сказать, — начинаю я. — С чего же начать...

Я смотрю на склонившиеся над столом лица и не нахожу слов.

Куда делась легкость, с которой я общался с коллегами и клиентами? Осталась там, куда переодевания и хитроумные схемы задвинули мою прежнюю жизнь. Передо мной сидят люди, к которым я питаю любовь и восхищение. Каких слов они от меня ждут? Искренних, идущих от сердца.

— Ну, во-первых и в-главных — я люблю вас.

Они смеются, удивленные моей искренностью и серьезностью тона.

— А мы — нет. Мы тут оказались потому, что любим приключения и путешествия, — бросает Витто, чтобы снять охватившую всех неловкость.

— Я никогда не забуду того, что вы для меня сделали. Я понял, что вы — тоже моя семья. Нет, не так — я об этом вспомнил.

— Не доставай, Дани! — прикрикивает Реми. — Кончай ныть, мы всё знаем, и ты нам ничего не должен. Мы счастливы, что помогли, будет что вспомнить на старости лет.

— Не говоря уж о том, что добыча, которую я взял у того психа, покроет все дорожные расходы. Там тысяч на двадцать евро, не меньше, можем все вместе куда-нибудь съездить!

Они начинают обсуждать предложение и ужасно веселятся, только Соломон молчит и не сводит с меня глаз.

— Я принял решение и прошу вас не комментировать его и не противиться.

Они умолкают.

Соломон закуривает очередную сигарету, откидывается назад, чтобы лучше всех видеть.

— Вы вернетесь домой и оставите меня с шейхом одного.

— Оставить тебя одного? С какой это стати? — вскидывается Набиль.

— А с такой, что эта история больше вас не касается.

— Ты шутишь? — негодует он. — Еще как касается! Мы тебя не бросим. Вместе доведем дело до конца и вместе вернемся домой.

Остальные кивают, соглашаясь.

— Нет. Вы достаточно потрудились. Нам повезло, все прошло благополучно, но теперь... Люди шейха наверняка уже подняли тревогу и заявили в полицию. Если уедете сейчас, вернетесь во Францию без

проблем, но через несколько часов будет поздно.

— Не гони пургу, Дани, ты сам сказал — дело может плохо обернуться, значит, мы остаемся.

— Тем более что мы видели, как ты умеешь выпутываться! — иронизирует Бартоло. — Лично я отказываюсь дезертировать.

— Мы остаемся! — подтверждает Набиль.

— Нет, вы нужны мне в другом месте. Все должно было сложиться иначе. Я наивно думал — тут ты прав, Бартоло! — что смогу убрать шейха и остаться неопознанным. Но его люди знают, кто я, и могут нанести визит Бетти и Пьеру. Заберите их и увезите в надежное место.

Они ненадолго задумываются над моими словами. Получается, я не отсылаю их, а прошу о помощи.

— Нет нужды уезжать. Я позвоню жене, и она их спрячет.

Ребята кивают.

Я растерян, не знаю, как переубедить их.

— Дани прав, — вмешивается Соломон, который все это время молча наблюдал за нами.

Витто, Бартоло, Набиль и Реми с изумлением смотрят на него. Воссоединившаяся банда подчиняется прежним законам.

— Но, Соломон... — бормочет Витто.

— Вы вернетесь и позаботитесь о Бетти с Пьером. А я останусь с ним, — жестким тоном произносит он, глядя мне в глаза.

— Соломон...

Он не позволяет мне продолжить:

— Игра слишком опасна, Дани. Один ты не справишься. Но если я останусь, они согласятся уехать. У тебя нет выбора.

— Хорошо, Соломон, — подумав, соглашаюсь я.

— А мы, значит, как полные придурки вернемся домой, да? Ну спасибо, парни, — рывкает Реми, выражая не только недовольство, но и согласие.

— Я о нем позабочусь, не волнуйтесь. Давайте собирайте манатки и сматывайтесь!

Они с недовольным видом подчиняются вожаку и расходятся по комнатам.

Через полчаса мы обнимаемся на прощание.

— О твоих мы позаботимся, Дани, не волнуйся. А вы держите ухо востро! — советует Реми.

— И если запахнет жареным... — добавляет Набиль.

Бартоло сжимает меня в объятиях.

— Вот же черт, мы в последний раз так же прощались двадцать лет назад. Ты уж тут постарайся, чтобы в следующий раз не встретиться в богадельне.

— И не забудь, что мы договорились провести вместе отпуск, — вставляет Витто. — Держи нас в курсе, Соломон, на этого типа надежды мало.

Я отвожу Витто в сторону и протягиваю ему конверт:

— Я написал Бетти записку. Думал, если все обернется плохо, ее найдут при мне и отошлют. Поручаю это тебе.

— Ну что за мрачнюк, вечно думаешь о худшем! — бурчит он и с явной неохотой убирает конверт в карман.

Они выходят в утренний туман, останавливаются возле машины и машут нам.

— Обожаю их, — шепчет Соломон.

— Я тоже.

У меня тяжело на сердце. Душу гложет мрачное предчувствие, что больше я друзей не увижу.

* * *

Я сообщаю Соломону свой план, и мы приступаем к его осуществлению.

Соломон натягивает капюшон, приводит на кухню шейха и силой заставляя его сесть. Фейсал пугливо озирается, смотрит на меня.

— Что вы собираетесь делать? — спрашивает он.

С проповедника-террориста сошла вся спесь. Маска высокомерной невозмутимости дала трещину. Он пытается взять себя в руки, но события последних часов пробили его броню.

— Я собираюсь убить вас, — спокойно сообщаю я.

Он вглядывается в мое лицо, надеясь прочесть на нем опровержение страшных слов, но ничего не видит и поворачивается к Соломону.

— Не позволяйте ему, — молит он, — скажите, что это ошибка.

Соломон не реагирует.

— Не я заказчик теракта, который унес жизнь вашего сына! — выкрикивает он. — Я не командую никем и ничем. Пресса и телевидение повесили это на меня, потому что им требовалось ткнуть в кого-нибудь пальцем. Я ничего не опровергал, это было мне на руку.

— Вы член «Аль-Каиды», — говорит Соломон.

— Никто не является членом «Аль-Каиды»! Это не организация, а состояние духа, воли, способ действий. Все отчаявшиеся мусульманского мира могут объявить себя членами «Аль-Каиды». Неужели вы верите, что я встречался с Бен Ладеном, говорил с ним? Бросьте... Я во многом с ним согласен, это так, но отнюдь не во всем. Далеко не во всем! Я, как и вы, занимаюсь связями с общественностью... Я посредник между страхами западного мира и ненавистью тех, кто поддерживает Бен Ладена и его соратников! Я знаю силу слов, когда неясен расклад. Моя цель — объединить вокруг себя как можно больше несчастных!

— Значит, вы их предаете, — заявляет Соломон.

Страх искажает лицо шейха, взгляд становится тусклым.

— Предаю... пустое слово... Я использую любые средства, чтобы добиться своей цели.

— Выходит, для тех, кто боготворит вас, вы предатель, — холодно говорю я. — Как еще назвать того, кто обманывает своих? Если бы ваша паства услышала ваши речи, вас немедленно записали бы в предатели.

— Конечно, — соглашается он, опуская глаза. — Но только потому, что в сражении, которое мы ведем, они видят не дальше собственного носа.

Я встаю, хватаю пистолет и приставляю ему ко лбу.

— Пора обратиться к вашему Богу.

Шейха начинает бить дрожь.

— Нет, умоляю вас, не делайте этого!

— Я думал, вы не боитесь смерти. Радуйтесь, вы умрете как мученик.

— Нет! Я не хочу умирать!

— А как же ваши семьдесят девственниц?

— Это аллегория! Прошу вас...

— Значит, вы лгали, обещая гарем тем отчаявшимся, которых просите пожертвовать жизнью?

— Нет, не лгал. Все не так! Вы должны это понимать, вы занимаетесь тем же самым.

— Вы пользуетесь доверчивостью людей, их отчаянием.

— Конечно пользуюсь! А как, по-вашему, выигрываются войны? Что говорил своим солдатам Наполеон? Что обещал армиям Гитлер? Счастье,

блаженство, власть, гордость... Война есть война.

— Вот как вы это понимаете... В действительности вам нужна только власть. Плевать вы хотели на правое дело.

— Дело оправдывает власть, — бросает он.

— Нет, в вашем случае власть главенствует над делом, — возражаю я. — Вы дошли до того, что солгали мне о гибели в Афганистане жены и детей, так ведь?

Он поднимает на меня удивленный взгляд:

— Как вы узнали?

— Я не знал — только подозревал. Вы сфальшивили. Но теперь я знаю наверняка.

Он отворачивается, злясь на себя за то, что так легко попался в расставленную мной ловушку. Он отвратителен мне своим лицемерием.

— Эта ложь помогла вам создать себе репутацию мученика-бунтаря и морочить голову последователям. У вас нет чувства чести, вы мне отвратительны. Вы не достойны жить.

Я вжимаю дуло пистолета в лоб шейха.

— Сделайте что-нибудь! — в ужасе кричит он Соломону. — Если он меня убьет, мои люди достанут его.

— Вы меня уже убили, — говорю я.

— Они будут преследовать вашу семью!

— Они под защитой. Читайте молитву.

Шейх опускает голову. Пот выступает у него на висках, стекает по щекам на бороду.

Он бормочет молитву.

— Как вы думаете, сколько людей испытали тот страх, который вы чувствуете сейчас? Сколько несчастных даже не успели воззвать к Богу, когда ваши фанатики перерезали им горло?

Он на мгновение умолкает. Возможно, хочет ответить, но спохватывается и снова начинает бормотать молитвы.

Я взвожу курок. Он щурится, как будто хочет оттолкнуть пулю, льет слезы, не переставая молиться.

Я отступаю на несколько шагов, прицеливаюсь и нажимаю на спуск. Звук выстрела прерывает его бормотание.

* * *

Он открывает глаза через две секунды, не успев осознать случившееся.
— Ваши холостые патроны, — объясняю я.

Он что-то лопочет, потом падает на пол и раздражается рыданиями.

— Видели бы вас сейчас те несчастные, что взорвали себя, наслушавшись ваших проповедей...

Я выхожу из комнаты. Мне кажется, что я не дышал целую вечность. Нужно выйти на воздух и прийти в себя.

Не могу определить словами свое состояние. Что я чувствую? Облегчение? Неудовлетворенность, потому что не убил его? Мысли мешаются в голове.

Соломон, шестым чувством уловив мое смятение, подходит и говорит:

— Это было верное решение, Дани.

— Я должен был убить его.

— В некотором смысле ты это сделал. Но не стал убийцей — в отличие от него.

— Ты, безусловно, прав, но как же все сложно...

— Ладно, пошли. Нужно закончить работу. Я покорно следую за другом, понимая, что в моем нынешнем состоянии правильней всего будет довериться его здравому смыслу.

Жан

Борис Дебрюин еще раз перечитал отчет своих сотрудников. Дело осложнялось. Всякий раз, когда появлялся очередной след, выяснялось, что он никуда не ведет, и исчезала всякая надежда продвинуть расследование. Дебрюину удалось объединить усилия служб безопасности и антитеррористических подразделений, но это мало что дало.

Министр без конца звонил и требовал результатов. Этот человек дал ему нынешнюю должность, но Борис Дебрюин не испытывал к нему благодарности. Этим назначением он был обязан своему безупречному послужному списку, значительным достижениям в работе и старым связям, так что конкурентов у него не было. Дебрюин всю жизнь служил своей стране, собирал данные и составлял отчеты, которые редко принимались во внимание, он был душой и телом предан идее Французской республики — идее, за которую, выскажи он ее вслух, его обозвали бы ископаемым технократом. Это не мешало Дебрюину рьяно ловить террористов, внедряя в их сети смелых агентов, которые, как он знал, тоже не сильно его любили.

Министр был человеком иной породы. Этот оппортунист ловко использовал раздутую средствами массовой информации истерию, чтобы создать себе имидж защитника общественной безопасности. Он олицетворял все, что шеф Оперативного отдела терпеть не мог, но как человек долга исполнял все его приказы и распоряжения.

Неприятность заключалась в том, что сейчас он должен был сообщить министру полученную информацию. И эти данные вынудят их изменить ход расследования и взять другой след. Вот только он не знал, какой именно.

Глава секретариата ответил на звонок, Борис Дебрюин назвался, и его немедленно соединили с министром.

— Есть новости, Дебрюин? Хорошие новости?

Тон был угрожающим.

— Нет, господин министр, новость вряд ли можно назвать хорошей.

Министр выдержал раздраженную паузу.

— Не тяните, — приказал он наконец.

— Жан Ларив умер пятнадцать лет назад.

* * *

Эрик опаздывал на четверть часа. Он провел беспокойную ночь. Ему снились странные сны, в которых он разговаривал с женой и детьми. Слов он не помнил, но точно знал, что они ссорились. «Угрызения совести», — подумал он. Эрик носил при себе нечистую совесть, как другие хранят фотографии дорогого усопшего: приняв твердое решение забыть, но не имея сил выбросить.

Поднявшись на свой этаж, Эрик немедленно ощутил всеобщее возбуждение.

— Привет, Эрик! Ты уже в курсе?

Ему показалось, что Клара намеренно караулила его у лифта.

— Изабель оставляла тебе сообщения? — спросила она, незаметно поглаживая его ладонь.

После того вечера, который они провели вместе, Эрик все еще держал ее на расстоянии, но Кларе нравилось флиртовать с ним на работе — так, что никто не замечал, а Эрик смущался.

— Я забыл включить телефон, — ответил он, предчувствуя, хоть и не зная, что за информация пришла на канал.

— Мы получили новый конверт! Ой, прости — ТЫ получил новый конверт. Кусок видеозаписи с лицом заложника!

Эрику показалось, что по телу, от затылка до пяток, прошел разряд электрического тока. Хватило одной фразы, чтобы вернулось граничащее со счастьем возбуждение. Только новая информация способна обеспечить ему эти редкие перемены настроения, и плевать, что порой она приводит его в смятение: несколько минут, несколько следующих часов он будет дышать полной грудью. Эрику показалось, что он помолодел и выбросил из головы неприятные ночные видения. Сейчас ему понадобится вся журналистская проницательность и острота ума. Он поцеловал Клару в щеку и поспешил в ньюс-рум.

Изабель, Шарль и все сотрудники новостной редакции уже ждали его, не скрывая нетерпения.

— Черт побери, Эрик, куда ты провалился? Я раз сто пытался до тебя дозвониться.

— Знаю, — бросил Сюма, плюхнулся в кресло и взглянул на плазменный экран. — Показывайте.

Шарль нажал на «пуск».

— Картинка длится несколько секунд, — предупредил он. — Качество средненькое, хорошо видны глаза и черты лица, хотя борода и волосы многое скрывают.

Запись начиналась с размытого изображения, через две секунды на экране возникло лицо заложника с затравленным взглядом, длинной бородой и всклокоченными волосами. Перепуганный человек пытается отодвинуться от приставленного к горлу ножа, его взгляд мечется и наконец упирается в объектив камеры.

— Все, — объявила Клара.

— Это не новая запись. Планы, звук, положение тела и некоторые детали прически и одежды бездомного ясно на это указывают. Похитители как будто сознательно изъяли этот кусок, чтобы дослать вторым, так сказать, заходом.

— Они что, играют с нами? — удивился Эрик.

— Можно сказать и так, — кивнул Шарль. — Хотят подогреть интерес СМИ и общественного мнения, продемонстрировав лицо заложника.

— Послание было?

— Да. Тот же вопрос, что и в прошлый раз: «Какова цена этого человека?» — ответила Изабель.

Шарль взволновался:

— Похоже, их не удовлетворил полученный ответ. Они дают нам дополнительный элемент, но повторяют вопрос.

Помолчав, он продолжил:

— Это значит, что собранная сумма недостаточна... или деньги им не нужны.

— А может, они хотят забрать то, что уже собрано, — вмешался Эрик.

— Нет, — не согласился Шарль, — они ведь даже не заикнулись о способе передачи. Их не устраивает наш ответ.

Эрик молчал. Что-то — он сам не знал что — его беспокоило. Возбуждение превратилось в глухую тревогу, сбивавшую его с толку и щемившую сердце. Неужели все дело в странном диалоге с похитителями, напоминающем манипулирование, или в угрозе, проглядывающей в повторенном похитителями вопросе? Возможно. Он склонился к последнему объяснению, поскольку оно избавляло его от тяжести на душе.

— Нужно подстраховаться и предупредить площадь Бово до показа записи, — объявил он, не отрывая взгляда от лица человека на экране.

Идея Эрика удивила коллег.

— В чем дело? — спросила Изабель.

Сюма беспомощно развел руками, показывая, что ни в чем не уверен.

— Не знаю... Что-то в этом деле мне не нравится. Мы должны защитить себя от возможных сюрпризов.

Шарль поднялся, не в силах справиться с возбуждением.

— Я согласен с Эриком. Мы задержим показ материала на полдня и даже на сутки — возможно, появится новая информация о заложнике. Заодно продемонстрируем похитителям, что сами принимаем решения.

— Но они могут разозлиться, если не увидят свою запись в вечернем выпуске, и пошлют диск на другие каналы, которые не станут терзаться сомнениями! — воскликнула Клара.

— Это вряд ли. Пока что мы были единственными получателями, — ответил Шарль.

Эрик решил вмешаться. Возможность упустить сенсацию составляла куда более конкретную угрозу, чем зыбкое предчувствие, возникшее после просмотра видео.

— У нас есть промежуточное решение. Можно сообщить о получении диска и послания и объявить, что мы их изучаем и покажем в следующем выпуске...

— Отличная идея, — согласилась Изабель, — и великолепная приманка.

* * *

За полдня полиция опознала заложника.

«Нам необходимо проинформировать вас, месье Сюма, сведения крайне важные». Голос Фредерика Лена в телефонной трубке звучал очень серьезно, даже повелительно, встреча была назначена прямо в Министерстве внутренних дел.

Эрик взял такси и по пути на площадь Бово попытался справиться с обуревавшими его противоречивыми чувствами. Он мог гордиться, что один из самых влиятельных политиков страны выбрал его в собеседники. Детское тщеславие было не к лицу маститому журналисту, но Эрик так и не смог избавиться от этого чувства, входя во двор величественного здания. Кроме того, его терзали сомнения. Неужто он где-то облажался, поверил, что сам ведет игру, а в действительности был всего лишь пешкой?

Не мог он избавиться и от смутного страха. Логика этой истории

ускользала от него. Возможно, его ждет крупное разочарование. Эрик предчувствовал, что предстоящая встреча вряд ли польстит его самолюбию — уж скорее заставит усомниться в верности собственных суждений. Его не пригласили — вызвали, и не в пресс-центр, не в студию, а прямо в министерство.

Войдя в зал заседаний, Эрик немедленно ощутил напряженную атмосферу. Лица у всех присутствующих были непроницаемые, а по манере здороваться и пристальным взглядам он понял, что никакого обмена информацией не будет.

Спокойным выглядел только Фредерик Лен. Он представил Эрика собравшимся и сообщил, что министр появится с минуты на минуту. В зале установилась тишина, и Эрик постарался встряхнуться и показать собеседникам, что они не слишком его впечатлили.

Министр коротко поздоровался, сел рядом с Эриком, и эта близость с высоким лицом странным образом успокоила его. Министр слегка отодвинул кресло, чтобы видеть и подчиненных, и журналиста.

— Вы знаете, зачем господин министр попросил вас прийти? — спросил Борис Дебрюин.

Вступление Эрику не понравилось. С какой стати этот человек допрашивает его? Он собирался общаться с хозяином площади Бово и его секретарем по связям с общественностью, а попал на заседание суда, где ему задают абсурдные вопросы.

— Вы хотите сообщить мне важную информацию, — ответил он. — И касается она, конечно, личности заложника.

Дебрюин кивнул, давая понять, что журналист угадал.

— У вас самого есть какие-то предположения? — поинтересовался шеф Оперативного отдела.

— Конечно нет! — возмутился Эрик, с трудом сдерживая холодную ярость.

В этот момент в мозгу у него прозвучал сигнал тревоги. Как будто он солгал, проходя проверку на детекторе лжи. Солгал самому себе.

— Не понимаю, к чему все эти вопросы! — бросил он и немедленно пожалел, что взял такой тон.

Он не должен вести себя, как подозреваемый на допросе.

— Извините, был излишне резок, — сказал Дебрюин. — Я просто пытаюсь...

— ...выяснить, не скрываю ли я чего, — сухо перебил его Эрик.

Дебрюин коротко улыбнулся, подтверждая правоту журналиста.

— Зачем бы я стал что-то от вас скрывать? — раздражился Сюма.

Борис Дебрюин посмотрел на своих людей, перевел взгляд на министра, как будто хотел спросить, может ли ответить на вопрос Сюма на этой стадии разговора.

— Дело в том, что вы... знаете этого человека, — сухо сообщил он.

Эрик нахмурился, но невозмутимости не утратил, ожидая подтверждения информации, которая не показалась ему совсем уж неожиданной, хотя и удивила его.

Дебрюин сделал знак Самюэлю Мерлю, тот достал из конверта три фотографии и протянул их Эрику.

На первом снимке был крупнен кадр из последней записи.

— Наши специалисты отретушировали изображение, убрали бороду и придали лицу нейтральный вид.

Мерль положил на стол второй снимок.

— Вот что получилось. Так мы и опознали бездомного. Старый знакомый.

Он показал Эрику третью, последнюю фотографию. На ней было лицо более молодого мужчины.

Эрик все понял.

Вот что ускользнуло от него во время просмотра. Да нет, не ускользнуло — он просто не захотел посмотреть правде в лицо. Правде, отсылавшей его на десять лет назад.

— Узнаете? — спросил Дебрюин, и его глаза хищно блеснули.

— Конечно, — прошептал Эрик Сюма. — Это Даниель Леман.

Даниель

Соломон снимает промокший плащ.

— Я доехал до центра Лондона, зашел в интернет-кафе и сделал то, что ты велел. Думаешь, этого достаточно? Эти люди проверяют свою электронную почту? Я накупил газет — все пишут о похищении.

— Я слушал радио и смотрел телевизор. Они знают мое имя.

— Ах так... Я тоже слушал, но ни черта не понял, слишком быстро лопочут. Французские газеты называют нас «неизвестной боевой группой» или «ударной группой». Нас считают наемниками. Ребятам это понравится. А что тот псих?

— Пришел в себя. Молчит.

Соломон привез пиццу. Он отрезает кусок и относит шейху, но тот отказывается. Мы едим молча. В воздухе еще висит напряжение. Дождь глухо барабанит по крыше и окнам, наполняя дом печалью, граничащей с отчаянием.

Мы включаем телевизор, чтобы посмотреть новости.

Главный сюжет всех выпусков — похищение. В первых кадрах показывают дом шейха. Сыщики работают за оцеплением, патрульные сдерживают зевак. Корреспондентка излагает скупые факты.

— Ничего не понимаю, — жалуется Соломон. — Переключи на французский канал.

Я щелкаю пультом.

— Гляди-ка, они получили фотографию! Шустрые, черти!

На экране появляется лицо шейха с приставленным к виску пистолетом.

— Менее часа назад похитители прислали этот снимок, — звучит голос за кадром. — Без комментариев. На нем отчетливо видно испуганное лицо шейха Фейсала, которого кто-то держит на мушке. Сначала следователи предположили, что акцию могла осуществить небольшая соперничающая группировка, но теперь мы знаем, что похищение, скорее всего, организовал вот этот человек.

На экране появляется мое лицо. Фотография была сделана год назад, во время торжественного ужина, на котором я председательствовал от имени агентства.

— Этого человека зовут Даниель Леман. Француз, два месяца назад

потерял сына, погибшего во время взрыва автобуса номер восемьдесят три в Париже.

Я вздрагиваю, увидев лицо Жерома. Мой сын улыбается с полароидного снимка, сделанного на его последнем дне рождения. Снимок продал «Пари Матч» сосед, его сын был в числе гостей. После гибели Жерома я перестал читать газеты.

— По мнению соратников исламского проповедника, Леман мог действовать из мести. Следствие подозревало, что шейх Фейсал был идейным вдохновителем и заказчиком кровавого теракта, однако по сведениям, полученным из Скотленд-Ярда, обвинение против него не выдвигалось. Возможно, именно поэтому Даниель Леман и решил вершить правосудие сам. По некоторым данным, вместе с Леманом действовала группа боевиков, вероятно наемников.

Я слушаю, как чужой человек рассказывает о моей жизни лишенными эмоций словами, сводящими всю историю к перечислению фактов и дат, якобы имеющих значение, но думаю совсем о другом. О неизбежном бегстве.

Соломон кладет руку мне на плечо. Я принимаю это за жест дружеского участия, но он сжимает пальцы, чтобы я взглянул на экран.

Оператор снимает мой дом.

— По словам одного из соседей, — продолжает голос за кадром, — жена и сын Даниеля Лемана покинули свое жилище сегодня рано утром. Что им известно о действиях главы семейства?

— Реми все сделал, — успокаивает меня Соломон. — Они под защитой.

— Убил ли Даниель Леман шейха? — спрашивает комментатор и продолжает нанизывать один вопрос на другой, вызывая у меня головокружение. — Или взял его в заложники? А если так, с какой целью? Вот о чем в данный момент спрашивают себя следователи.

Дальше идет интервью какого-то английского полицейского, но я не слушаю. Выскакиваю из коттеджа и бегу, бегу, бегу. Останавливаюсь, почувствовав капли дождя на лице. Пусть смешаются со слезами и смоят черные мысли, недавнее прошлое и вернут меня в прежнюю, до кошмара, жизнь.

Соломон обмотал мне шею полотенцем и сунул в руку стакан виски.

— Слушай меня, — говорит он, — это к лучшему. Теперь легавые будут защищать твоих.

— Я поставил их в ужасное положение. Они такого не заслужили.

— Брось, Даниель, не рви себе душу. Я уверен, они тобой гордятся... И понимают, почему ты так себя вел, почему неделями не давал о себе знать, зачем сбежал от них. Теперь им точно стало легче.

— Но на какую жизнь я их обрекаю?

— Их защитят. Меня больше волнует, что будет с тобой. Тебе придется затаиться, надолго. Не знаю где, я пока не придумал, но мы все устроим, и вы снова будете вместе. Где-нибудь в другой стране...

Я совершенно растерян, не способен логически мыслить, меня одолевают дурные предчувствия.

— Вот что я предлагаю: пошлем кассету, как и собирались. Потом отвезем шейха подальше и отпустим. Сами останемся в этом доме — на неделю-другую. Скоро парни пришлют на мое имя «до востребования» поддельные документы для тебя. Мы сядем на паром, доберемся до Франции и спрячем тебя, без проблем выдадим за иностранца. Выждешь какое-то время, дело забудется, и мы пришлем к тебе Бетти и Пьера.

План Соломона кажется мне романтическим бредом, слишком уж легко он отменяет все препятствия, но я не спорю: пусть мой друг хоть недолго потешится иллюзией счастливого исхода.

Впрочем, он вряд ли обманывается на этот счет.

* * *

— Вы меня отпускаете? — недоверчиво спрашивает шейх.

— Да. Вывезем за несколько километров и освободим, — бросает Соломон.

— Не понимаю.

— Вы правы, мне не хватает мужества убить вас, — цежу я сквозь зубы.

Он на мгновение задумывается, потом спрашивает:

— И на этом все закончится? Я вам не верю.

— Не закончится. Я навсегда лишу вас возможности плести заговоры.

Он хмурится, в глазах мелькает паника.

— Как вам это удастся? Заставите меня поклясться, что я перестану руководить моими людьми?

— Нет, я сделаю так, что вы не сможете к ним вернуться!

Я поворачиваюсь к Соломону. Он включает камеру.

— Мы записали наш последний разговор. И послали копию на ваш

адрес. Надеюсь, соратники оценят ее по достоинству.

Шейх меняется в лице:

— Вы бы не посмели... Они вам не поверят. Я скажу... что лгал ради спасения жизни.

— Конечно скажете. Но они станут задавать себе вопросы, начнут копаться в вашем прошлом, возникнут сомнения. Они вам не простят.

— Вы не можете... так поступить! Лучше сразу убейте. Вы понятия не имеете, по каким законам живут эти люди.

— Вы сами выбрали себе друзей и образ жизни, знали, чем рискуете. В худшем случае станете парией. Как я. Ударитесь в бега, будете прятаться. В лучшем — потеряете приверженцев и вернетесь к обычной жизни. Не сможете наслаждаться живительным ощущением власти, станете желчным и умрете в одиночестве. Разве может быть наказание справедливей?

— Вы бредите. Они меня убьют, понимаете, убьют!

— Какая жалость!

— Моя смерть ничего не изменит! — кричит он. — Меня заменит другой, еще более непримиримый лидер.

— Не сомневаюсь.

— Во всем этом нет никакого смысла!

Чтобы прекратить бесполезный и мучительный спор, Соломон затыкает шейху рот кляпом, завязывает ему глаза, выводит на улицу, открывает багажник и заталкивает пленника внутрь. Потом садится за руль и трогается с места. Через час пути он отпустит шейха где-нибудь в чистом поле.

Так есть ли смысл во всей этой истории?

***

Я с тревогой жду возвращения Соломона и брожу по дому, прокручивая в голове одни и те же вопросы. Чего я добился? Прав я был или ошибался? Наливаю себе виски и обхожу пустые комнаты. Думаю о Бетти и Пьере. Получили они мое письмо или нет? Возможно, они передадут его полиции, чтобы доказать свою непричастность? Я больше не могу терзаться сомнениями и включаю телевизор.

Я радуюсь возвращению Соломона, но с унынием и тоской справиться не могу.

— Я оставил его на природе километрах в сорока отсюда, — со смехом сообщает он, снимая промокшую куртку. — Покрутился немного, чтобы он поверил, будто мы проехали большое расстояние. Черт возьми, дружище, ты уговорил полбутылки.

Он замечает лихорадочный блеск моих глаз и спохватывается:

— В чем дело? Все прошло хорошо, скоро все закончится.

— Но... вости, — с трудом выговариваю я.

— Что случилось?

— Пресса называет меня безответственным, они взяли сторону шейха. Политикам не терпится меня заклеить. Я стал дичью, зверем, которого надо загнать и убить.

— А ты чего ждал? Что они выставят тебя героем? Поборником справедливости?

— Нет, конечно, но в их словах чувствуется... страх. Они назначили меня дежурным негодяем не из-за моральной стороны того, что я совершил. Ими движет не возмущение — да как он посмел взять правосудие в свои руки! — а боязнь ответных действий! Они клянутся на всех каналах, что поймают меня и сурово осудят за то, что я якобы подверг огромному риску население... Они уже получают угрозы.

— Но ты же знаешь, как это работает. И исламисты тоже знают и играют на страхах этих кретинов-политиков. Почему ты забываешь о тех, кто тебя поддержал? Об отцах, заявивших, что, окажись они в подобной ситуации, хотели бы обладать твоим мужеством и поступить, как ты? Ты герой для семей жертв терактов, чьи убийцы так и остались безнаказанными. Вот взгляни, я купил французские газеты.

— И многие осмелились заявить подобное? Завтра никто не станет их слушать. Все, что я совершил, лишится смысла.

— Ты меня утомляешь, Дани, выпивка явно не пошла тебе на пользу. — Он вырывает у меня бутылку. — Не будь пессимистом, придурок. У меня хорошие новости, если тебе интересно. Я позвонил Витто из кабины, и он сказал, что с Бетти и Пьером все в порядке. Бетти допросили, но ни в чем не заподозрили и обвинений не выдвинули. Через два дня будут готовы документы. Они решают, как переправить нас во Францию.

— Я всех втянул в историю, — лепечу я, не слушая, что говорит Соломон.

— Даниель, взгляни на вещи позитивно: ты дал Бетти возможность думать не только о смерти Жерома! Разве не это главное? Ладно, ты сейчас не в себе, ложись и поспи.

Он помогает мне встать и укладывает в постель.

* * *

Соломон делает несколько попыток завязать разговор и вывести меня из состояния прострации, вспоминает детство, рассказывает, как живет, спрашивает о моей работе и о том, как я добился столь высокого положения, но мне никак не удается сбросить напряжение, и я отделяюсь односложными ответами и кислыми улыбками.

Утомившийся Соломон укладывается на диван, включает телевизор, достает неизменную пачку сигарет и притворяется, что его страшно интересует футбол.

— Ты беспокоишься? — не выдержав, спрашивает он.

— А ты как думаешь? Мы освободили шейха два дня назад, но ничего не происходит. Куда он провалился? Почему газеты и телевидение не сообщают о его возвращении?

— Возможно, легавые прячут его, — не слишком убежденно предполагает он. — Допрашивают, чтобы собрать информацию и отловить тебя. Хотят использовать эффект неожиданности.

— Не думаю. Если бы полицейские нашли его, они бы немедленно об этом сообщили, чтобы умаслить его разъяренных сторонников.

Соломон пожимает плечами, выражая сомнение: он не верит, что у легавых вообще есть логика.

— В любом случае не стоит дергаться. Мы пробудем здесь еще какое-то время. Несколько дней. Возможно, недель.

Соломон не отделяет свою судьбу от моей. Он даже рассуждает за нас обоих, чему я несказанно рад, поскольку полностью утратил способность думать о будущем, даже о самом ближайшем. У меня кружится голова, я стою на дрожащих ногах на краю пропасти и ничего не могу с собой поделать.

Мое будущее подобно бездне.

* * *

— Документы у меня!

На лице Соломона сияет довольная улыбка, он помахивает конвертом,

но, встретившись со мной взглядом, застывает на месте.

— В чем дело?

— Они убили шейха.

Через две секунды до него доходит, и он тяжело опускается на диван.

— Вот дерьмо! Посмотрели кассету и решили отомстить?

— Возможно, но дело не только в этом. Свалив вину на меня, они получают идеальный предлог для публичной демонстрации своего гнева. У них появляется реальный шанс напугать власти, и они его не упустят... так что жди новых терактов.

— Мерзавцы! — рычит Соломон.

— Я все провалил! Только идиот мог не предвидеть такого исхода! Теперь все скопом сядут нам на хвост. Легавые будут из кожи вон лезть, чтобы арестовать меня и умиротворить экстремистов, а те попытаются опередить служителей закона и убрать меня прежде, чем я изложу свою версию событий.

Соломон помрачнел. Он сражен случившимся.

Как бы мне хотелось, чтобы мой друг оставил меня и скрылся. Но он ни за что не согласится.

— Переждем здесь, пока все не успокоится, — решает он.

Я молчу, делая вид, что согласен.

Но решение уже принято.

* * *

Я ушел. С невероятными предосторожностями, чтобы обмануть бдительность Соломона. Я заранее приготовил кое-какие вещи, поставил мешок у двери и лег одетым. Выждав для верности несколько часов, встал и выскользнул из дома в сырую ночь.

* * *

Другого выхода не было. Соломон никогда бы меня не отпустил. А я больше не мог подвергать его жизнь ненужному риску и смотреть, как он попусту тратит время и живет в разлуке с семьей. Эта история обернулась бессмысленным кошмаром, если в ней вообще был какой-то смысл. Я чувствую, что не скоро смогу вернуться во Францию, нужно исчезнуть или

вообще сдохнуть, но у меня кишка тонка. Хочу остаться один, избавить родных от опасной близости со мной, утопить свою жизнь в спиртном, перестать наконец думать о провале нашего дела.

Я не желаю ни с кем делиться неудачей. Я знаю, что люди шейха не перестанут искать меня и в конце концов найдут, чтобы отомстить за нанесенное оскорбление, не дать заговорить, преподать урок другим. Это случится завтра, через несколько дней, недель, а может, через месяц. Не важно, будущего у меня нет.

По новым документам — отличного качества, Соломон не подвел! — мое имя Жан Ларив. На весь остаток моей глупой, идиотской жизни.

Мрачная ночь принимает меня в свои холодные объятия. Перед глазами простирается темное враждебное пространство, предвещающая мне скорбное будущее. Но я все-таки делаю шаг и двигаюсь вперед. В темноте, не имея цели и не видя ориентиров, но я иду.

Прощай, Соломон. И спасибо тебе. Я знаю, ты не оставишь моих. Расскажешь им о долгих часах, что мы провели вместе. Ты не дашь Пьеру забыть меня. Напомнишь Бетти о моей любви. Смотри не переусердствуй: моя семья должна избавиться от воспоминаний обо мне и сотворить новое, иное будущее.

Я напишу свою историю. Облеку мысли в слова в попытке выявить смысл. Я буду писать для себя и — главное — для них. Если успею закончить прежде, чем смерть настигнет меня, отошлю написанное Бетти и Пьеру. Им это понадобится, чтобы во всем разобраться, пережить горе и повернуться лицом к будущему.

Пить, писать и умереть — как Фанте.

Без иллюзий, без надежды.

* * *

Она уже два часа мешает ложечкой свой кофе. Даниель пытался не смотреть, не видеть — скрючился на полу у стены, спрятал голову под подушкой, но изображение на экране звало его, и он в конце концов оборачивался, и снова смотрел, и пытался угадать, о чем думает женщина, разделившая с ним такие прекрасные и такие мучительные мгновения жизни.

Потом он окончательно сдался и уже не сводил глаз с экрана.

— О чем ты думаешь, Бетти? — прошептал он, обращаясь к

телевизору. — Почему ты так печальна? Из-за Жерома? Не можешь его забыть, как и я? Он приходит хоть изредка, говорит с тобой? Со мной встречаться перестал. Наш сын не хотел, чтобы я убивал его убийцу, он так мне и сказал. Наверняка точно знал, чем все закончится. Жером хотел защитить отца от убийц и от него самого, чтобы он не превратился в убийцу. Я не послушался его, Бетти. Я не понимал, что делаю. Моя боль была слишком сильной, а чувство вины — непомерным для человеческого сердца. Я должен был что-то сделать. Я понимал степень риска, знал, что могу погибнуть, потерять тебя и Пьера, заставить вас снова скорбеть по усопшему. Но у меня не было сил просто сидеть и упиваться своим горем. Я был иначе воспитан. Я создавал себя в бою, в схватке, в борьбе с другими и самим собой.

Слезы медленно текли по его щекам.

— Что с тобой случилось? Как ты поступила после моего исчезновения? Какие мысли пришли тебе в голову? А Пьер, как он рос и вырос, лишившись брата и отца? Мой маленький храбрый мальчуган. Как он справился со своей болью? Обратил ее в силу? Он похож на меня? Вы простили мне причиненные страдания?

Он услышал, как скрипнула дверь за его спиной.

Неужели мучители подслушивали?

И радовались своей изобретательности? Даниель окончательно лишился сил и взмолился, задыхаясь от рыданий:

— Пощадите, не причиняйте им зла! Я готов валяться у вас в ногах, только не трогайте мою жену! Бейте меня! Унижайте! Убейте! Но оставьте ее в покое! Она и без того достаточно страдала! Она не заслужила такой участи!

* * *

Лунный свет отражался от выступов стеллажей, создавая в комнате зыбко-серую угрожающую перспективу. Эрик не надеялся заснуть, а свет погасил лишь для того, чтобы забыться в полумраке, стать одной из застывших теней этой мрачной обстановки. Он терпеть не мог ночь, воспринимал ее как сдачу позиций, как отречение. Не спать, заменить солнечный свет светом электрических фонарей, изящных светильников своего дома или тусклым освещением рабочего кабинета было для него актом сопротивления. Сопротивления небытию, помутнению сознания,

страху смерти.

Но этим вечером он погасил весь свет и сидел в темноте, чтобы ни о чем не думать. Не терзать себя вопросами, на которые не знал ответов.

Он не услышал, как открылась дверь. Неоновые лампы моргнули и зажглись, и он закрыл глаза, защищаясь от их слепящего света.

— Черт, что это ты делаешь в темноте? — недовольно буркнул Шарль.

Это был не вопрос — скорее неуклюжая попытка извиниться за вторжение.

— Я пытался дозвониться, — продолжил он. — Ты отключил мобильный?

Сюма открыл глаза. Старый друг стоял перед ним, переминаясь с ноги на ногу, отведя взгляд и не решаясь сесть.

— Нам нужно поговорить. Попытаться осознать происходящее с тобой. С нами... — поправился он.

— Только не сегодня вечером, Шарль. Перенесем на завтра.

— Нет, именно сегодня. Завтра будет некогда приводить мысли в порядок, придется действовать по обстановке. События ускоряют ход, и мы должны немедленно выработать позицию и решить, как действовать.

— Прошу тебя, Шарль...

— Кого ты тут передо мной изображаешь, Эрик? Бедолагу, жаждущего сидеть в темноте и жалеть себя, сетуя на злую судьбу? Какая банальность!

Шарль умел поддеть Эрика, спровоцировать протест — то есть спор.

Но Сюма не возмутился, не стал огрызаться. В присутствии старого товарища, наделенного острым, живым умом, думалось явно легче, был шанс разобраться в ситуации.

— Они пытаются выставить меня на посмешище.

— Ладно, это гипотеза номер один. Базовый постулат: они мечтают отомстить. Десять лет назад ты защищал Лемана, и они тебе этого не простили.

Шарль помолчал, собираясь с мыслями.

— Признай, что эта теория не выдерживает никакой критики. Террористы и тогда в гробу видали твое мнение. А уж сейчас, десять лет спустя...

— Они просто хотят совместить приятное с полезным, — с печальной улыбкой промолвил Эрик. — Эти люди искали его десять лет, нашли, похитили, требуют выкуп и решают использовать меня как посредника. Победа на всех фронтах.

— Отклоняем гипотезу номер один. Она не слишком правдоподобна. Я мог бы ее принять, оставайся ты ведущим новостей на «Франс-6». Но если

их цель — деньги, если они хотят добиться всеобщего внимания, а потом убить заложника, то чертовски рискуют провалить дело, обратившись к каналу, который если и может чем похвастаться, то уж никак не популярностью.

Эрик задумался.

— Но послание они прислали именно мне.

— Гипотеза номер два: они требуют, чтобы именно мы, представители западной цивилизации, судили убийцу их духовного лидера. А тебе предназначена роль беспристрастного арбитра. Учитывая занятую тобой в прошлом позицию, никто не заподозрит тебя в симпатии к их движению. Ты защищал человека, взявшего в заложники шейха, перевозил его мужество, восхищался его решимостью взять на себя функции недееспособного правосудия. Сегодня они оказались в аналогичном положении, потому-то и решили привлечь тебя.

Идея Шарля показалась Сюма вполне правдоподобной.

— Возможно... Но не думаю, что мне отвели роль ведущего в дебатах. Действуя подобным образом, они обвиняют меня. Пристегивают к преступлению Даниеля Лемана, чтобы меня, как и его, судило общественное мнение. Мы оба оказались на скамье подсудимых, он — как убийца, я — как сообщник. Мне придется вернуться к событиям десятилетней давности и сделать достоянием публики обстоятельства дела и мое к нему отношение.

Шарль вздохнул:

— Ты жаждешь самоуничтожения. Нравится изображать жертву? Тебе прекрасно известно, что ничего возмутительного ты тогда не сказал и никого не оскорбил. Кое-кто из писак и завистливые собратья-телевизионщики просто раздули из мухи слона, к тому же можно сказать, что общественное мнение тебя уже осудило и покарало. Зачем похитителям тебя добивать? Мы имеем дело либо с идейными фанатиками — в этом случае они хотят публичной дискуссии, либо с банальным похищением, что, впрочем, не делает его менее гнусным, тогда им нужны реклама и бабки. Возможно, они пытаются спутать карты и сделать ситуацию нечитываемой.

— Тут они вполне преуспели.

— Что думают министр и его люди?

— Они тоже отбросили все эти гипотезы. И еще одну: требование выкупа адресовано лично мне.

— То есть?

— Похитителям что-то от меня нужно.

— Бред. У тебя нет денег, это общеизвестно.

— Так-то оно так, но они хотят, чтобы я был их переговорщиком, их рупором, а может даже тем, кто передаст им деньги.

— Как легавые видят твое участие в этой истории?

— Я должен исполнять роль ведущего, но мне следует умерить свой пыл.

Шарль взорвался:

— Умерить пыл? Пусть даже они правы по сути, правительство не может нам приказывать и указывать!

Эрик пожал плечами:

— Мне чертовски хочется все бросить, Шарль. Я жаждал вернуться в первачи, сделал ставку на эту историю, но вел себя как самовлюбленный, эгоистичный кретин, так что гордиться мне нечем.

— Ты бредишь! Мы вступили в медийную игру, и это было легко, забавно и, пожалуй, волнующе. Но начинается все только сейчас. Теперь мы сможем показать, на что способны тележурналисты...

Шарль разволновался, вскочил и заходил по комнате, размахивая руками. Он пытался заразить Эрика оптимизмом, передать ему свою увлеченность.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Эрик.

— Мы начнем открытое обсуждение, устроим опрос телезрителей, привлечем интеллектуалов.

На лице Эрика отразилось сомнение.

— Не улавливаю идею.

— Если не ошибаюсь, вопрос поставлен так: «Какова цена этого человека?» До сего дня мы спрашивали у общества, сколько стоит заложник-бродяга. А теперь спросим, во сколько они оценивают жизнь Даниеля Лемана! И предложим судить его: «Дамы и господа, имел ли этот человек право отомстить за смерть своего сына?» Ты поставишь вопрос четко и ясно и будешь предельно откровенен: террористы выбрали тебя из-за твоей позиции в прошлом, ты уже расплатился за последствия, но и сегодня продолжаешь спрашивать себя, верно ли тогда поступил.

— Я не задаю себе никаких вопросов, Шарль. В тот день я был совершенно убежден в своей правоте. Меня тошнило от лицемерия властей и непостоянства публики. Так что я ни о чем не жалею.

— Вот и объяви об этом с экрана! Наши коллеги спустят на тебя всех собак, но ты выскажешь собственное мнение, спросишь, что думают они, и развернешь дискуссию... Поставишь на повестку дня фундаментальный вопрос — тот самый, что был актуален и десять лет назад, и сегодня:

должны ли мы играть в игру, навязанную нам террористами, вступить с ними в торг, уступить силе?

Эрик почувствовал возбуждение — ему нравилась такая перспектива. Он мог свести счеты, высказать свою точку зрения. Мгновение спустя он помрачнел:

— Площади Бово это не понравится. Нас закроют.

— Очень может быть. Зато из пустых «передатчиков информации» мы превратимся в возмутителей спокойствия. Будут оргвыводы и последствия? Плевать. Если нам суждено исчезнуть со сцены, мы уйдем, громко хлопнув дверью. Как насчет красивого финала?

Он протянул Эрику руку.

— Согласен. Стартуем, — ответил тот, и они скрепили договор рукопожатием.

* * *

На экране появились финальные титры передачи.

Рубашка Эрика промокла от пота. Он обрисовал ситуацию в мельчайших деталях, четко, ясно и сдержанно, так что лишь отдельные слова и напряженный взгляд выдавали владевшие им чувства.

Начал он с того, что назвал имя заложника.

— Даниель Леман. Вспомните, десять лет назад...

Кадры кинохроники помогли зрителям освежить в памяти давнишние события: случайная гибель сына, похищение шейха Фейсала, широкая поддержка, обнаружение тела экстремистского проповедника, осуждение со стороны властей и средств массовой информации, поворот на сто восемьдесят градусов в общественном мнении.

Потом Эрик напомнил, что в тот момент в некотором смысле поддержал Даниеля, за что и получил нарекания в свой адрес со стороны коллег и представителей администрации.

— Это стоило мне работы. Мой уход с канала никак не был связан с профессиональным выбором — вопреки тому, что тогда говорилось. Меня выпроводили за то, что я дал собственную оценку ситуации, защищая Даниеля Лемана, понял его отчаянный жест.

Следом пошел сюжет о бесчинствах террористов, которые нашли и похитили убийцу своего лидера, после чего Эрик Сюма получил странное

сообщение.

Эрик посмотрел прямо в камеру. Он не играл. Впервые за все годы работы сюжет полностью захватил его. Он смотрел в камеру и думал о сотнях тысяч людей по ту сторону экрана. Им владело страстное желание тронуть сердца зрителей, заставить их собраться, вырвать из приятной вечерней истомы, чтобы они услышали, поняли.

— Итак, вопрос, дамы и господа: сколько стоит этот человек? Я говорю не о деньгах, а о моральной цене. Забудем о политических и медийных соображениях, оставим на время безопасность. Прогоним страхи и предрассудки и постараемся ответить на заданный вопрос максимально искренне.

На экране появилось лицо Даниеля.

— Заслуживает ли этот напуганный, изможденный, превратившийся в бездомного бродягу человек такой участи? Похитители подвергнут его мучениям, а потом казнят — он это заслужил? Не слишком ли быстро власти и СМИ осудили его десять лет назад? И каковы были критерии? Страх перед террористами? Стремление избежать насилия? Десять лет назад меня пригвоздили к кресту за то, что я высказал подобные предположения и выступил против кампании линчевания в газетах.

Да, я тогда занял крайнюю позицию. Возможно, меня и сегодня упрекнут за резкость высказываний, выходящую за рамки профессиональной этики. Плевать!

Слишком высоки ставки. Эта история ставит перед нашим обществом вопрос о господствующих в нем ценностях, о его способности защищать эти ценности от их противников, от тех, кто играет на наших страхах и пользуется слабыми местами.

На площадке царил напряженная атмосфера. Техники и журналисты хранили молчание, застыв в неподвижности: каждый ощущал, что переживает исторический момент. Никогда еще Эрик не был так искренне захвачен сюжетом передачи. Модуляции его голоса проникали в мозг слушателей, странным образом заставляя их ощущать себя единым целым с коллегой.

— Сегодня я всего лишь хочу услышать ваше мнение. Ваше суждение. Какова цена этого человека? Понимаете ли вы боль и отчаяние, заставившее Даниеля Лемана выследить одного из виновников смерти сына, похитить его, а затем убить?

Я не призываю оправдать Лемана, забыть о совершенном им убийстве. Если он останется жив, он должен будет ответить за содеянное. Задавая этот вопрос, я всего лишь призываю судить его в атмосфере, очистившейся

от политической и медийной раздраженности и цинизма. Я мечтаю об избавлении от страха, который пытаются внушить нам террористы. Хочу, чтобы мы вышли из их игры. Чего они добиваются своим странным посланием? Чтобы мы определили денежную стоимость заложника? Объяснили, что он ничего не стоит? Приговорили к смерти?

Эрик замолчал, переводя дыхание. Обвел взглядом площадку и понял, что его пыл передался всем окружающим.

— Многие из вас полагают, что уже дали ответ, сделав взнос в пользу освобождения заложника. Но прежде он был для нас всего лишь бездомным, невинной жертвой. Мы поддались естественному, но немотивированному сочувствию.

Сюма покачал головой, словно жалея о сказанном.

— Хочу быть с вами вполне откровенен, — продолжил он очень серьезно. — «Теле-8» использовал эту историю, чтобы растрогать вас и повысить свой рейтинг. Мы сыграли на вашей человечности, чтобы наши газеты лучше продавались. Сочувствие... это порыв сердца, не рассудка. Действуя подобным образом, мы приняли навязанную террористами игру. Сегодня, как и в прошлом, они «создают продукт» — мы обеспечиваем его продвижение. А поскольку продвижение происходит успешно, они изобретают другие продукты, все более сильнодействующие и дорогие. Они доверили нам послание и картинку, мы их распространили. Мы сделали даже больше, чем они ожидали, выступив в роли послушных и надежных пресс-атташе террора.

Чего они добивались? Мы не знаем. И нас не должно это волновать! Важно ответить на главные вопросы: какова цена этого человека? Чего мы хотим для него? Должны или нет требовать его освобождения? Как следует относиться к тем, кто берет заложников, кто сеет террор и смерть во славу своих идей?

Эрик повысил голос. На висках у него выступила испарина, спина под рубашкой взмокла. Изабель сделала ему знак: пора было выходить из эфира.

— Если нужно заплатить выкуп, мы потребуем гласности переговоров. И будем в них участвовать. Нет — лицемерию, закуливному сговору, уступкам террористам и тайной передаче денег, долой уловки, позволяющие политикам произносить прочувственные речи и проявлять твердость... постфактум. Мы выступаем за полную открытость, и мы выскажем террористам, как к ним относимся, и зайдем жесткую позицию. Мы объясним, что и у нас есть истинные ценности, а выкуп платим не из сочувствия их идеям, а потому, что руководствуемся гуманными

соображениями и чувством солидарности. Судить заложника, если это потребуется, будет закон, а не они, не газеты, не телевидение, не власть и уж точно не запуганное, замороченное общественное мнение.

Он хотел произнести вескую, запоминающуюся финальную фразу, но не стал и, понизив голос, сдержанно поблагодарил зрителей за внимание.

Передача закончилась, но тишину в павильоне нарушало только гудение камер и магнитофонов. Члены группы стояли неподвижно и молча смотрели на Эрика, подбадривая его взглядами и улыбкой.

Появился Шарль с полотенцем.

— Держи, — сказал он, — вытри лицо, а то выглядишь черт-те как.

* * *

Оставшись наедине с советником по связям с общественностью, министр дал волю гневу:

— Мы не контролируем ситуацию! Этот недоносок Сюма обошел нас. Исполнил жалкий трюк, изобразил журналисту, которого вдруг одолели сущностные проблемы человеческого бытия, и теперь мы вынуждены действовать открыто. Он мне за это заплатит!

Фредерик Лен отвел взгляд. Недовольство патрона по касательной задевало и его. Побочной и не самой приятной стороной его работы была ответственность за любой ущерб, нанесенный имиджу министра. Любая проблема возвращалась к нему как бумеранг: он должен был предвидеть, догадаться, включить шестое чувство. Но разве можно что-либо предугадать, не имея на руках ни одного козыря? С упреждающими действиями они опоздали, теперь нужно хорошенько подумать, как поизящней защитить репутацию шефа.

— Думаю, мы сможем использовать ситуацию.

Он сделал паузу, давая министру время осмыслить сказанное.

— Сюма подложил нам свинью, он вывел дело за рамки полицейского и судебного расследования, поставив вопрос о ценностных ориентирах общества, о политической морали и нашем подходе к безопасности. Пресса неистовствует. Первые отклики заставляют предположить, что споры развернутся и вокруг дела десятилетней давности. Наверняка встанет вопрос об объективности тогдашних руководителей властных структур, газет и телевидения. У меня нет сомнений насчет исхода дискуссий: все без исключения встанут на сторону Даниеля Лемана. То, чего никто не хотел

видеть тогда, станет непреложной истиной. Оценивать факты будут куда объективней. И что же обнаружится на поверку? С одной стороны, ищущий справедливости бедолага, с другой — исламистский лидер, подозреваемый в гнусном подстрекательстве к жестоким покушениям на жизнь мирных граждан. Так к какому же лагерю мы примкнем?

— Правительство не может ввязываться в открытую дискуссию. Обоснованы споры или нет, наша позиция крайне невыгодна. Сюма понуждает нас к открытым и гласным переговорам, но ведь в большинстве случаев проблема с заложниками разрешается только после уплаты выкупа.

— Все верно, но сегодня дело не в освобождении Лемана — речь идет о его цене. И о нашей тоже. Так не будем ждать, когда нас загонят в угол. Отреагируем немедленно. Открестимся от позиции тогдашних властей. Мы можем сорвать банк, приняв игру Сюма и вступив в спор со штатными защитниками новой морали. Давайте открыто признаем ошибки предшественников, заявим, что Лемана распяли по наущению трусливых политиков, ставивших во главу угла соображения безопасности. Скажем, что готовы к открытым переговорам с террористами, а если они откажутся или убьют Лемана, проявим в ответ максимальную жестокость!

— Террористы наверняка откажутся! Они убьют Лемана и пришлют нам его труп...

— Не важно, ответственность ляжет на всех. Мы проведем масштабную антитеррористическую операцию, примем участие в похоронах Лемана и сможем с гордостью заявлять, что не дрогнули перед террором. Разве у нас есть выбор? Нет. Мы либо действуем на упреждение и пытаемся взять ситуацию под контроль, либо плывем по течению. Во втором случае мы испортим репутацию навсегда: если Лемана освободят, слава достанется прессе и общественному мнению, а если убьют — нас распнут за беспомощность и неспособность выполнять свои обязанности.

Министр молчал, обдумывая услышанное.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Я дам интервью и выскажусь по всем пунктам.

— Мне связаться с Сюма?

— Нет, с «ТФ-1». Я прочту этого любителя копать в грязном белье.

* * *

Вначале Даниель был так поглощен своим горем, что почти лелеял эту

боль. Он отказывался здраво рассуждать, не желал взвешивать ситуацию, смотреть новости. Потом задумался о смысле похищения и попытался оценить перспективу. С его глаз словно спала пелена. Открывшаяся истина была как потрясение, как шок, она могла осветить и обогреть, вдохнуть новую жизнь: его тюремщики не были исламскими террористами.

Больше того — они не желали его смерти. Это подтверждали события последних часов.

Зачем исламистам подвергать его моральной пытке? Чтобы отомстить за своего духовного вождя? Абсурд.

Фанатики убили бы его, взяв на себя ответственность.

Их поведение выглядит еще более странным, если они просто хотят получить выкуп.

В последние дни поведение этих людей изменилось. Они незаметно за ним наблюдали, следили за его реакциями, продолжая делать вид, что не обращают на него внимания.

Да, он не ошибается: они хотят растормошить его.

* * *

Эрик Сьюма сидел в своем кабинете. Его одолевали тревожные мысли. В дверь постучали.

Он не отозвался, но через две секунды в дверях возникла Клара:

— Я стучала, но...

Журналистка замолчала, смущенная замкнутым выражением его лица.

— Извини, что помешала.

— Входи же, входи. Что-то случилось?

Клара почувствовала, как тает ее решимость.

— Да нет... Просто хотела проверить, как ты.

— Я в порядке.

Она сделала глубокий вдох, решительным шагом пересекла кабинет и села напротив Эрика.

— Тебе известны мои чувства. Я понимаю, что ты не готов к новым отношениям, но зачем-то прикрываешься надуманными предлогами: разница в возрасте, мы вместе работаем... Хотя дело не в том.

— Неужели? — Казалось, Эрика позабавили слова Клары. — А в чем же?

— В самооценке. Ты себя недооцениваешь. Ты много пережил и

самозабвенно зализываешь раны, вместо того чтобы смотреть вперед.

— В будущее? — съязвил Сюма, пряча смущение за иронией. — В моем возрасте, знаешь ли, больше размышляешь о прошлом.

— Чушь! В действительности тебя мучит история десятилетней давности с Леманом.

— Да что ты об этом знаешь? — вскинулся Эрик.

Клара пожала плечами:

— Много чего. И кстати, весьма противоречивого. Десять лет назад большинство членов нынешней команды учились в школе. Может, ты мне объяснишь?

Клара выглядела смущенной собственной дерзостью.

Эрик печально улыбнулся.

— Попробую. Десять лет назад я был ведущим новостной программы на канале «Франс-6». Я переживал период профессиональных сомнений. Стал знаменитостью, все имел: славу, власть, деньги, женщин. Коллеги начали критиковать меня. Моя известность и публичность раздражали окружающих. Некоторые считали меня пустышкой. Я действительно был не более чем звеном хорошо отлаженного конвейера: читал телесуфлер, лебезил перед звездами шоу-бизнеса и политиками, когда брал у них интервью! И чувствовал себя паршивой марионеткой. В этот самый момент началось дело Лемана. Главное тебе известно: обезумевший от горя отец преследует человека, которого считает убийцей сына, похищает его и держит в заложниках где-то в лондонском предместье. Пресса и телевидение изображали его человеком, который восстал против безнаказанности некоторых приспешников экстремистских мусульманских движений. Поведение Лемана вызывало понимание у общественного мнения, его готовы были записать в герои, и так бы оно и случилось, если бы не грянул гром — известие об убийстве заложника.

Узнав о смерти шейха, я подумал: «Так и надо, справедливость восторжествовала». Потом я об этом пожалел, потому что не имел права радоваться гибели человека. Религиозного вождя изрешетили пулями, руки и ноги у него были связаны, на глазах черная повязка. Выглядело это ужасно, и я сразу понял: Леман недолго останется героем. В последующие дни мои опасения подтвердились: политики, журналисты, спецы по антитеррору и некоторые интеллектуалы засучили рукава и набросились на него, как свора голодных псов. Его обвиняли в безответственности. Заявляли, что горе лишило его рассудка и он действовал, не думая о последствиях. Утверждали, что он жестоко и бесчеловечно убил беззащитного человека, став на одну доску с теми, кого так ненавидел.

На самом деле речь шла не о поступке Лемана. Политики опасались отголосков его действий. Они были в бешенстве, потому что он, сам того не желая, разоблачил их бездействие. Журналисты проявили не больше здравого смысла. Я уже тогда обратил внимание на одну опасную тенденцию: некоторые коллеги сочувствовали участи жертв, но в своих сюжетах во главу угла ставили беспросветную нищету и отчаяние террористов. Один щелкопер договорился до того, что назвал подорвавшего себя в автобусе шахида человеком, «убившим себя от безысходности». Так что кое-кто считал жертвой шейха, ведь тот погиб. Логика, основанная исключительно на эмоциях.

— И никто не высказывал иного мнения?

— Отчего же. Некоторые критические умы пытались рассуждать, отталкиваясь от событий, понять, а не осуждать несчастного отца, считать случившееся следствием жестокости террористов и неспособности властей обуздать зло, а не наоборот. Но хор возмущенных голосов здравомыслящих граждан быстро заглушил их аргументы. На похоронах шейха его сторонники бились в истерике, британские и французские флаги сжигали перед камерами, и произошел взрыв. Немногие журналисты в Париже и Лондоне осмелились возмутиться. Их комментарии провоцировали угрозы и проклятия мужчин и женщин, оплакивавших «духовного лидера». Кое-кто из моих собратьев по перу даже послал соболезнования близким шейха.

— А ты?

— Будь я зрителем, ограничился бы брюзжанием перед телевизором. Но я был действующим лицом информационного пространства. Я был соучастником — из-за своей пассивности. И сломался. После смерти шейха тогдашний министр внутренних дел дал мне интервью. Он произнес обличительную речь против Даниеля Лемана, заявив, что отцовское горе не оправдывает опрометчивого поступка. В заключение он назвал Даниеля террористом. «Террорист — это человек, убивающий невинных во имя того, чтобы быть услышанным и послужить своему делу» — вот что он посмел сказать. Я не смог смириться с такой подлостью и спросил: «Но разве тот, кого сегодня выставляют духовным лидером, чист и невиновен?» Мой вопрос удивил всех в студии, я это почувствовал. В наушнике раздался голос шеф-редактора: «Осторожно, Эрик! Твой вопрос звучит двусмысленно».

— Так оно и было, — подала реплику Клара.

— Нет. Именно об этом спрашивали себя политики и общественное мнение до похищения и убийства шейха. «Вы меня удивляете, — ответил министр. — Шейха никогда ни в чем не обвиняли. Недопустимо оскорблять

память этого достойного человека, которого мы только что предали земле». Какой лицемер!

— И что ты сделал?

— Задал следующий вопрос: «Не кажется ли вам, что расследование теракта в автобусе номер восемьдесят три велось слишком поспешно? Разве шейх не был одним из реальных подозреваемых? До и после трагического происшествия этот человек высказывался вполне ясно: он поддерживал террористов... духовно».

— «Это безответственное утверждение», — не сдержался министр. Он был очень раздражен. «На данный момент единственный отъявленный террорист — Даниель Леман».

Этот ответ, в котором была доля истины, взбесил меня. «А вы не думаете, что поступили бы так же, если бы бомба разорвала в клочья вашего сына?» — спросил я, чтобы припереть министра к стенке, заставить его занять более ясную позицию. Он нетерпеливо передернул плечами и поднял глаза к аппаратной. Шеф-редактор приказал мне немедленно прекратить провоцировать гостя. Министр не захотел терять лицо. «Нет, — ответил он. — Ситуация, в которой каждый потакает своим желанием, наплевав на законы, называется анархией. А анархия — это варварство. Только демократия способна сделать человека воистину гуманным». Он был очень раздражен тем, как повернулся разговор, и задал мне вопрос: «Если я правильно понял, месье Сюма, вы готовы уподобиться Леману?» Напряжение последних дней, ощущение униженности из-за необходимости вечно кому-то угождать и насмешливая ухмылка министра заставили меня ответить максимально искренне: «Нет. Я бы не смог поступить, как Даниель Леман. Мне не хватило бы мужества».

— Ух ты...

— В этот самый момент и закончилась моя карьера телезвезды одного из крупнейших каналов французского телевидения. Не сразу после интервью, до этого не дошло. Сначала отреагировали политики и собратья-журналисты. На канале некоторое время делали вид, что поддерживают меня, руководство не хотело выглядеть прикормленным властью. Время шло, со мной спорили, меня критиковали... Я знаю, что не во всем был прав тогда. Я совершил большую ошибку, выйдя из себя, был неосторожен в словах, перешел за грань дозволенного в подобных передачах.

Клара покачала головой.

— Ты был честен и искренен, — не согласилась она.

Эрик молча смотрел ей в лицо. Желание очаровать, соблазнить сменилось искренним сочувствием. Ему захотелось обнять и поцеловать

Клару, но он сдержался и только погладил выступающие скулы, обвел пальцем контур пухлых губ.

— Мне бы твою уверенность! Возможно, я просто хотел дать отпор своим недоброжелателям, доказать, что я не подхалим и не угодник. Если уж быть честным до конца, я не уверен, что не жаждал известности. В последнее время я вдруг осознал, что скучаю по славе, вот и ввязался в эту новую историю, хотел напомнить окружающим о своем существовании, доказать, что со мной не все кончено.

Клару смутила откровенность Эрика, она опустила голову, не зная, что отвечать.

— Все мы так поступаем, — наконец сказала она. — У нас трудная работа. Мы зависим от признания коллег и любви публики. Вот и гонимся за популярностью.

Сюма пожал плечами:

— Все так, если признание основано на мишурной славе, если в глазах коллег и публики мы видим только ревность и зависть к нашему положению, нашим деньгам, нашей власти. И не так, если признание — награда за мужество и профессионализм. Увы, сегодня в расчет принимается только популярность. И не важно, как она заработана. Знаешь, чему научила меня эта история? Цена человека зависит от того, как долго он дарил любовь своим близким и наслаждался их любовью.

Клара сжала руку Эрика.

— Может, пора применить это знание к себе? — прошептала она.

* * *

Борис Дебрюин совещался со своими людьми. Фредерик Лен устроился в сторонке, предпочтя роль наблюдателя: он не ожидал услышать ничего нового.

— Не можете их найти? — раздраженно поинтересовался Дебрюин.

Самюэль Мерль пожал плечами, признавая свое бессилие.

— Не можем. Семья исчезла. Мы обыскали дом, расспросили соседей и ее коллег. Они словно растворились в воздухе.

— Полагаете, их похитили? — Дебрюин был явно встревожен.

— Возможно. Судя по всему, они исчезли за три дня до того, как «Теле-8» получил запись с Даниелем Леманом. Она не пришла на работу. Мы не нашли в доме ни малейших следов борьбы. Если их и похитили, то

по дороге.

— Что вы узнали?

— Они ведут размеренное, спокойное существование. Ее время от времени навещают старые друзья. Сын всегда жил с ней. Парень талантлив, но крайне сдержан, пожалуй, даже закрыт. Учится на психолога. Друзей у него немного, дружат с детства, познакомились после гибели его брата в Ассоциации помощи жертвам терактов. Говорят, он уже несколько лет занимается поисками отца.

Дебрюин чертыхнулся.

— Эта история — полный абсурд! Если их тоже захватили, почему те, кто это сделал, объявили только о похищении Даниеля?

— Они не собирались раскрывать карты сразу, — вступил в разговор Жан-Франсуа Гонсалес. — Хотели привлечь наше внимание, получить широкую аудиторию. Возможен и другой вариант: семью Даниеля Лемана похитили, чтобы продемонстрировать ему, кто главный в игре, принудить примкнуть к ним, выступить с признанием. Не исключено, что его использовали, а потом убили.

— Гипотеза на гипотезе, только на это вы и способны! — взорвался Дебрюин. — Ни одного надежного следа!

— В этой истории отсутствует какая бы то ни было логика — ни террористы, ни обычные вымогатели так не действуют, — попытался оправдаться Гонсалес.

— До сегодняшнего дня у нас действительно не было ничего конкретного, — подхватил Самюэль Мерль. — Но теперь мы знаем имя — или имена — заложников и сможем провести настоящее расследование.

— Очень вам рекомендую, — буркнул Дебрюин. — Мы должны немедленно взять ситуацию под контроль, министр взбешен.

На этом совещание закончилось, и все разошлись.

— Что станете делать с этой информацией? — спросил Борис Дебрюин Фредерика Лена.

— Позиция министра ясна и недвусмысленна: нам следует создать впечатление, что мы — хозяева положения. То есть мы храним молчание и ждем, когда ваши люди выйдут на след похитителей. А если заложников убили и тела скоро обнаружат? Или они захотят обменять только Лемана, а семья останется у них в плену?

От этой перспективы советника министра пробила дрожь.

— Принимать решения не в моей компетенции. Я проинформирую министра и буду держать вас в курсе.

* * *

Лахдар стоял, склонившись над Даниелем, когда тот почувствовал чужое присутствие и проснулся.

— Кто вы и чего от меня хотите? — спросил он.

Несколько мгновений Лахдар смотрел на него не моргая.

— Я знаю, вы не мусульманские экстремисты.

Даниелю показалось, что на лице его тюремщика промелькнула улыбка.

— Чего вы от меня ждете?

Лахдар взял стул и сел напротив заложника.

— Вы не хотите меня убивать, и вам не нужен выкуп, я в этом уверен. Так зачем же... зачем вы терзаете меня... психически?

— А ты? Зачем ты заставил страдать жену и сына? Зачем превратил их жизнь в кошмар?

Вопросы прозвучали как удар и стали спусковым механизмом.

— Я должен был так поступить. Что бы ты сделал на моем месте? Представь, что однажды кто-то убьет твоего ребенка во имя какой-то своей неведомой цели. А еще представь, что преступление осталось безнаказанным. Больше того — его значение приуменьшили ради умиротворения убийцы! Ты бы стал спокойно сидеть и ждать, когда его покарает Бог? Это было делом чести! И выживания...

— И ты готов поступить так снова — ввергать жену и сына в пучину отчаяния?

— Жизнь, смерть... эти понятия утратили для меня смысл, — устало произнес Даниель. — Мне казалось, что я умер. Превратился в зомби. Мной руководили инстинкт и одержимость. Потеря сына при таких обстоятельствах выбросила меня в параллельный мир, где действовала иная логика.

— Ты используешь те же доводы, что и террористы: говоря так, ты защищаешь дело убитого тобой человека.

Это замечание ранило Даниеля.

— Я не убивал шейха, — сказал он, чтобы вырваться из тупика, куда загонял его Лахдар. — В алкогольном бреде я иногда пытался убедить себя в обратном. Но я его не убивал. Мне не хватило мужества. Я не был убийцей. Я отступился, я хотел одного — вернуться к жене и сыну и вместе с ними оплакивать смерть Жерома. Но все пошло не так. Все поверили, что я преступник. Пресса и общественное мнение оскорбляли меня, мое имя

изваляли в грязи. Люди шейха наверняка стали бы меня искать. Я должен был бежать, исчезнуть, раствориться. И никогда не возвращаться. Только так я мог уберечь жену и сына.

— Я знаю.

Даниель поднял голову:

— Знаешь? Да кто ты такой, черт побери? Кто вы и кто ваш главарь? Почему он никогда не снимает маску?

Лахдар пристально взгляделся в лицо Даниеля, словно искал на нем ответ.

— Думаю, ты уже понял. Но может, хочешь еще немного поразмышлять над истиной?

Он резко встал и покинул комнату.

На пороге возник человек. Кто это был? Хаким? Он стоял против света, и Даниель не мог отчетливо разглядеть главаря похитителей. Впервые за все время на нем не было маски, но очертания лица расплывались в ослепительно-ярком свете дня.

Человек шагнул вперед и взглянул в глаза заложнику.

Даниеля поразило его напряженный взгляд. Потом он взгляделся в лицо незнакомца и пошатнулся.

* * *

— Я ухожу.

Шарль оторвался от утренних газет, удивленный тоном Эрика. Он не располагал ни к обсуждению, ни к спорам и не был призывом о помощи.

— То есть?

— Как только мы узнаем развязку этого дела, я уйду.

Шарль насмешливо улыбнулся:

— Твоя давняя мечта. Хочешь все бросить, стяжав славу?

— Не доставай меня. Да, я любил свою известность. Страстно. Слепо. Но сегодня я даже не знаю, кто я и чего стою как журналист и человек.

— Цена человека... — задумчиво проговорил Шарль. — Кто ее определяет?

— Я долго путал две вещи: мою цену и цену телерейтингов. Изредка мое сознание прояснялось, и я осознавал всю тщету и суетность этого маскарада, но потом уподоблялся наркоману, меня манили власть и известность, и я как мотылек обжигался об их огонь... Я даже не замечал,

какую боль причиняю близким, можешь себе представить? Я не сумел удержать жену, Шарль. Думаю, цену человека определяют те, с кем связала его судьба.

— Вот именно, Эрик. Твоя судьба связана со средствами массовой информации, на которые ты работаешь, с коллегами и зрителями...

— Нет, Шарль. Они определяют товарную стоимость. А вот мои близкие могут сказать, сколько я стою как человек. Должен признаться, они не слишком высоко меня ценят.

— Мы все товарищи по несчастью, Эрик. Меня жена тоже бросила. Мы одиночки. Журналисты разводятся чаще представителей других профессий.

— Я говорил не об этом, Шарль. Я положил семейную жизнь на алтарь гордыни, а не любви к своему делу.

— Ты просто дошел до ручки, устал как собака. Это дело оказалось слишком трудным и...

— Нет, — перебил Эрик, — оно принесло мне огромную пользу. Я наконец-то понял, кем больше не хочу быть.

— Значит, ты больше не хочешь быть журналистом?

— Хотел бы, но сегодня понимаю, что никогда не был настоящим профессионалом. За исключением того дня, когда я решил воззвать к чувству ответственности политиков, к их совести. И я очень дорого заплатил за «оскорбление величества». Мы ведь все поголовно лакеи короля и придворные шуты.

Шарль покачал головой:

— Мне тоже приходили в голову такие мысли, я размышлял о профессиональной этике, моих отношениях с деньгами и властью... должен сказать, что некоторые ответы мне не понравились. Но, знаешь, я, несмотря ни на что, все еще учусь нашему ремеслу и пытаюсь разобраться в себе. Думаю, сегодня я сильнее, чем был вчера. И не остановлюсь. Человек может измениться сам и изменить положение вещей, Эрик.

— Ты, возможно, и способен, Шарль, в тебе сохранились прямота, некоторые убеждения, личная позиция и отношение к жизни. Ты сумел остаться собой. Я бы хотел походить на тебя. В самом начале я брал с тебя пример, но потом нашлись другие образцы для подражания.

— Я предал немало своих идеалов, уж ты мне поверь, Эрик... В том числе за последние несколько дней. И все-таки я не отступлюсь. У меня впереди всего несколько лет, я хочу стать лучше и однажды — чем черт не шутит! — вернуться к былым идеалам.

— Здесь я себя не найду, Шарль, не знаю ни где это случится, ни как,

но точно не здесь.

— Значит, наша работа полностью утратила для тебя интерес?

— Именно так. Меня вообще больше ничего не интересует.

Они помолчали.

— А впрочем... Я хотел бы познакомиться с Даниелем Леманом. Он один возбуждает мое любопытство, я хочу ему помочь. Искренне, от всей души. Отец, способный все потерять, все бросить, чтобы придать хоть какой-то смысл гибели сына...

— Именно так оправдывают свои действия многие террористы.

— Он всего лишь хотел отомстить человеку, которого считал ответственным за смерть мальчика. На невинных Леман не посягал.

— Террористы тоже так говорят. Они просто используют другую систему координат, у них иной подход к ответственности и не похожее на наше понимание невинности.

— Возможно. Но мы расходимся во мнениях. Мои ценности заставляют меня желать освобождения Даниеля Лемана, но он конченный человек. Ему не выбраться. Они его непременно убьют. А если освободят, власти его осудят и посадят... И мы станем соучастниками этого осуждения. Мы приговорили Лемана, дав слово террористам.

— Он уже был приговорен.

* * *

Пьер и Даниель сидели в саду и молча смотрели вдаль.

Пьер уже рассказал в общих чертах, как он с двумя друзьями, Соломоном и его людьми разработал этот сценарий. Но Даниель хотел узнать больше деталей. Он должен был понять, услышать, почему они выбрали именно такой путь.

— Я всегда тебя искал. Это стало смыслом моей жизни. Я потерял брата, потом отца. Мама плыла по течению, я ничего не мог сделать для Жерома, вот и рос, веря, что однажды найду тебя, спасу и заставлю весь мир признать давешнюю неправду и оценить тебя по достоинству. И мама снова научится улыбаться. Я чувствовал себя ответственным за наше несчастье. Жером поехал на автобусе, потому что меня пришлось вести к врачу. Ты исчез, потому что Жером погиб. Я ненавидел общество за то, что они обращались с тобой, как с убийцей. Я вырослел с такой жадной жаждой реванша, что без конца придумывал безумные сценарии, как тебя отыскать,

заставить их извиниться, признать ошибку.

— Но ты подвергал свою жизнь опасности...

— Я ничего не терял. Я был одержим желанием найти тебя. Жил только ради этого. Хотел оказаться на высоте, быть достойным тебя и того, что ты сделал. В конце концов наши поиски увенчались успехом, и мне пришел в голову этот план. Твой давний замысел был безумным. Дерзким, героическим, но безумным. Мой укладывался в те же рамки. Я считал безумцами убийц брата и тех, кто тебя осудил. В себе я не сомневался, потому что искал смысл. По твоему примеру. И, как и ты, не имел права на ошибку.

— Но зачем понадобился весь этот спектакль?

— Только так мы могли вернуть тебя к жизни. Мы напали на твой след, и я наконец увидел тебя: ты лежал среди коробок и был мертвецки пьян. Мне хотелось обнять тебя, прижать к себе, ведь я так долго ждал этой минуты, но я понимал, что не могу встать перед тобой, сказать: «Пошли, папа, все кончено, мы возвращаемся домой» и просто отвезти тебя к маме. Ты тонул в алкогольном бреде. Утратил всяческое достоинство. Я должен был вернуть тебе рассудок и мужскую гордость.

— Ты был уверен, что все получится?

— Я ведь изучаю психологию... Я выбрал метод КПГ — когнитивно-поведенческой терапии и на его основе разработал лечение. Ты должен был сойтись лицом к лицу с собственными страхами и постепенно вернуться в нормальное состояние. Нужно было заставить тебя проделать путь, обратный тому, что привел тебя к психической деградации. Я ни в чем не был уверен, но выбора не существовало. Я позволил друзьям применить это... лечение и появлялся только тогда, когда в этом была необходимость: мне не хватило бы сил дойти до конца. Было невыносимо смотреть, как ты страдаешь... Но я ничего не терял, зато мог вновь обрести отца. Нужно было погрузиться в твоё безумие, отыскать тебя, облечь в плоть твои фантазмы. А потом напугать, чтобы ты усомнился в желании умереть. Выбить у тебя почву из-под ног и заставить снова волноваться за близких, воссоздать объединявшие нас родственные узы. Чтобы ты отверг смерть и захотел жить со мной и мамой.

Пьер встал и сделал несколько шагов.

— Ты страдал, боролся с абстинентным синдромом и безумием... Потом наступил чудовищный момент, когда ты запаниковал и бросился в воду! Ужасно, но ты должен был пройти через ад, чтобы снова захотеть жить.

По щекам Даниеля текли слезы.

— Я ничего не мог сделать для Жерома. Но для моего отца... — Пьер помолчал и продолжил: — Знаешь, твой дневник... Первые строки свидетельствовали, что ты писал его для нас с мамой. И я его прочел и многое узнал о твоей жизни. Хотя главное мне было известно. Любовь к маме, к сыновьям... мужество. Все это позволило мне выстоять и дойти до конца, веря в мой идеал.

— Меня мучит один вопрос, — сказал Даниель. — Твоя мама была в курсе?

— Частично. Я сказал, что нашел тебя, что займусь тобой и привезу домой, когда ты поправишься и будешь в безопасности. Она бы ни за что не согласилась на подобную экзекуцию и не позволила мне так рисковать.

— Где она?

— На юге, с Соломоном. Все эти годы твои друзья защищали нас. Они помогли найти тебя и составить этот план. Когда я поделился своей идеей с Соломоном, он со мной не согласился. Предлагал забрать тебя и привезти к нам. «Дадим ему пару оплеух, и мозги встанут на место...» Он считает меня таким же упрямым идиотом, как ты.

Они обменялись улыбками.

— Все эти годы мама ждала. И думала о тебе. Она участвовала в поисках и даже наняла частных сыщиков.

Даниель был потрясен:

— Разве можно простить мне пережитые вами страдания?

— Мы смогли, когда поняли, что ты поступил так ради нас. Ты хотел убить того человека, шейха, чтобы тяжкая несправедливость гибели Жерома не погубила нас.

— Жером... Ты знаешь, мне чудилось, что я видел его и говорил с ним после теракта...

Пьер печально понурился.

— И что теперь? — спросил Даниель. — Уедем? Пустимся в бега?

— В бегстве мало достоинства.

— Но ведь я в розыске, общественное мнение меня уже осудило.

— Знаю, но тебя приговорил суд первой инстанции и оправдал апелляционный.

Даниель удивился:

— Не понимаю.

— Я уже говорил, что мой план должен был позволить тебе восстановить честь и достоинство. Полностью восстановить. Я много лет вынашивал этот план с единственной целью: заставить тех и других

признать свою ошибку.

Пьер схватил газеты, лежавшие на проржавевшем железном столике.

«Достойный человек», — гласила подпись под фотографией Даниеля в одном из ежедневных изданий. «Свобода и правосудие для Лемана», — требовало другое.

Экс-заложник быстро пробежал глазами статьи.

— Черт побери, Пьер, теперь полиция ополчится против тебя!

— Ничего подобного, они ищут религиозных фанатиков. Мы продумали каждую деталь, чтобы обдурить легавых. Когда нам показалось, что они напали на след первого укрытия, мы тут же перебрались в другое.

В этот момент появились друзья Пьера. Хаким держал в руках поднос с чашками. В воздухе вкусно запахло кофе.

Даниель встретил их восхищенным взглядом, как незнакомцев.

— Мне нет нужды представлять их...

— Очень даже есть.

— Они мои друзья, какими были для тебя Соломон, Витто, Набиль, Бартоло и Реми. Настоящие друзья. Хаким потерял семью во время теракта в Ираке. Сестра Лахдара была в одном автобусе с Жеромом. Мы познакомились в Ассоциации помощи детям — жертвам войны и терроризма. Меня туда направил психолог.

— И вы согласились участвовать в такой опасной игре? — спросил Даниель у своих тюремщиков.

— А что мы теряли? — ответил Хаким, сделав глоток кофе. — Людям вроде нас необходимо уцепиться за идеал, верить, что не все прогнило в нашем низком мире. Для нас эта история исполнена смысла.

— Как же я вас проклинал!

— Я хорошо ломаю комедию, — ухмыльнулся Хаким. — И у меня, выражаясь научным языком, была серьезная мотивация: я не мог видеть, как вы упиваетесь своим горем! С другой стороны, я вами восхищался... Но роль есть роль. Я потерял всю семью и приходил в бешенство, глядя, как вы пьете и сходите с ума, а сын и жена ждут вашего возвращения. Я хотел любой ценой заставить вас реагировать, вынырнуть на поверхность.

Они помолчали, наслаждаясь мгновениями обретенного счастья.

— И что теперь? — спросил Даниель.

— Общественное мнение тебя осудило, а мы добились твоей реабилитации. Но полного удовлетворения не получили. Судебное решение, основанное на жалости, нам не нужно. Мы выиграли сражение, теперь победим в войне: добьемся отмены решения.

— Ну да, потребуем прекращения дела, — похвалился Лахдар.

— Но как?

Хаким показал ему пакет и фотоаппарат.

— Осталось сыграть последнее действие.

Эрик Сюма медленно ехал по национальному шоссе. Утром он получил письмо, в котором ему назначали встречу.

Он в точности выполнил инструкции. Вышел из здания через цокольный этаж, оставил машину на парковке, спустился в метро, пересел на скоростное метро. Убедиться, нет ли слежки, выйдя из поезда, сесть в машину — ключи будут в бардачке — и отправиться к месту встречи.

Эрик понимал, что многие назвали бы его поведение безответственным. Распечатав письмо, он испытал минутное сомнение, но, увидев фотографию Даниеля Лемана, сидящего на стуле на самом солнцепеке, твердо решил ехать. Фотография была сделана недавно, это подтверждали свежие газеты на столике. На снимке Леман выглядел усталым, но спокойным, поза была ненапряженной. Что означала эта инсценировка? Чего добиваются похитители? Хотят и его взять в заложники? Вступить с ним в переговоры? Он начал просчитывать риски, но тут же прогнал эти мысли прочь. Если он может что-то сделать для Даниеля Лемана, то сделает это, не колеблясь ни секунды. А если попадет в ловушку, куда его попытаются заманить обещанием сенсации, то так тому и быть. Для него это вопрос выживания. Он должен доказать, что стоит дороже собственного имиджа.

Навигатор довел Эрика до конечного пункта. Он остановился, выключил зажигание и подождал несколько минут на пустынной площадке. Окружающий пейзаж выглядел холодным и суровым, и Эрика пробрала дрожь. Ему было страшно, но он чувствовал и это особое возбуждение, которое испытывал в первые годы работы, рискуя жизнью ради информации.

Похитители наверняка за ним наблюдали, желая убедиться, что он не привел хвост. Через четверть часа на дороге появился грузовичок и медленно проехал мимо Эрика. Он заметил в кабине двоих. Грузовичок остановился в нескольких метрах от машины журналиста, и один из сидевших в нем мужчин вышел.

Эрик вздрогнул.

Незнакомец подошел и протянул руку.

— Спасибо, что пришли, — просто сказал он.

Ему было не больше двадцати, и держался он очень спокойно.

— Меня зовут Пьер.
— Эрик Сюма, — представился журналист.
Пьер улыбнулся:
— Я знаю.
— Кто вы? Как участвуете в этом деле? И чего хотите от меня?
— Не волнуйтесь. У меня на ваш счет самые честные намерения.
— Я не волнуюсь. Просто удивлен, и... мне любопытно.
— Я сын Даниеля Лемана. И главарь группы, которая его похитила.
Идемте, не стоит здесь оставаться.

* * *

Они сели в кабину грузовичка, и Пьер во всех подробностях рассказал Эрику их историю. Тот слушал, ошеломленный деталями безумной авантюры. Каждая фраза, каждое откровение Пьера заставляли его пересмотреть собственное восприятие фактов. Он был одновременно растроган актом сыновней любви и уязвлен тем, как его использовали.

— Итак, вы мной манипулировали, — заключил он, пытаясь скрыть прорывавшуюся в голосе неуместную детскую обиду.

— Как посмотреть. Вы можете считать, что я выбрал вас из уважения, веря, что только вы способны донести до мира это послание.

— Уважения? — переспросил Эрик, хотя догадывался о причинах такого выбора.

— Да, из-за того, как вы отнеслись к отцу, когда его обвинили в убийстве. Мне исполнилось десять, я был маленьким мальчиком, у которого погиб брат, а отца вываляли в грязи. Я слышал, как вы его защищали. Вы один. И дорого за это заплатили.

Эрику польстило, что такой храбрый молодой человек, способный из сыновней любви пойти на опасное безумство, так его уважает.

— Я должен быть с вами честен. Тогда, десять лет назад, я встал на сторону Даниеля, руководствуясь... обстоятельствами, контекстом ситуации, и не думаю, что заслуживаю вашей благодарности.

Пьер рассмеялся:

— Принимая решения, мы всегда берем в расчет контекст, но он не способен заставить нас принять их. Все всегда решают ценности. Я оценил ваши. Думаю, у нас много общего и я могу доверять вам. Я рисковал, назначая эту встречу. Вы могли передать информацию полиции и явиться

сюда со съемочной группой, чтобы запечатлеть арест опасных террористов. Но вы этого не сделали. Значит, не готовы на все ради удовлетворения личного интереса. Вы, как и я, рисковали, приехав на встречу. Нет, месье Сюма, вряд ли я в вас ошибся.

— Надеюсь, вы вызвали меня не для того, чтобы рассказать эту историю или испытать мою смелость?

Пьер издал короткий смешок:

— Конечно нет. Вы всяком случае, не только ради этого. Важно, чтобы вы узнали правду — всю правду.

— То есть?

— Мой отец не убивал шейха.

Ошеломленный Эрик молча смотрел на собеседника.

— Так кто же убийца?

— Не знаю. Вероятней всего, его собственные приспешники.

— Но каков мотив? У вас есть доказательства невинности вашего отца?

— Прямых доказательств нет. Зато есть запись, свидетельствующая, что отец не собирался убивать шейха. Держите. — Пьер протянул диск журналисту. — Сами все увидите. Отец хотел внушить шейху, что собирается его убить. Разговор у них вышел весьма содержательный. Кое-кто скажет, что убийство Фейсала произошло после съемки, но я считаю, что слова шейха заставят всех здравомыслящих людей усомниться в этом.

Эрик схватил диск:

— У кого хранилась эта запись? Почему вы раньше ее не показали?

— Запись хранил человек, который был в тот день с отцом. Это копия, оригинал отослали людям проповедника, чтобы дискредитировать его в глазах организации. Именно за это Фейсала и убили. Товарищ отца хотел обнародовать запись только после того, как разыщет его. Она не являлась формальным доказательством, зато могла укрепить террористов в желании выследить и убить Даниеля, чтобы он не заговорил.

— Почему этот человек не выступил сам?

— Кто бы ему поверил? Кроме того, он мог подвергнуть значительному риску других участников событий — людей, защищавших нас с мамой. Единственным верным решением было найти отца, а уж потом открыть правду. Вот только мы не думали, что ждать придется так долго...

Эрик был потрясен услышанным:

— Значит... ваш отец прошел через этот ад... ни за что. Его просто-напросто подставили.

В воздухе повисло тягостное молчание. Разговор произвел на обоих сильное впечатление.

— Как себя чувствует ваш отец?

— Я бы назвал его чудом исцеленным. Он спасся, но ему понадобятся отдых и вся наша любовь, чтобы окончательно прийти в себя.

— Почему он не сдается властям?

— Говорю вам: для правосудия запись не доказательство. Я не допущу, чтобы его допрашивали, он не выдержит дознания и суда. В любом случае честь и достоинство ему вернут не полиция и не суд. Я хочу, чтобы общественное мнение было полностью информировано, прежде чем вынесет вердикт. Я уверен, люди поймут истинную ценность моего отца.

— Что вы собираетесь делать?

— Полиция от нас не отстанет. Мы уедем, уедем далеко. И начнем жизнь с начала.

Искренне взволнованный, Эрик обдумал услышанное и вдруг улыбнулся.

— Думаю, я сумею остудить их пыл, — с хитрой улыбкой сообщил он. Пьер удивленно поднял брови.

— Я покажу запись в своей передаче и расскажу вашу историю. А потом предложу сделку министру внутренних дел, чтобы он принял мою версию и отозвал своих ищек.

— С чего бы ему соглашаться?

— Я знаю цену этому человеку, — рассмеялся Эрик. — Он предпочтет присоединиться к общественному мнению... если это будет ему выгодно. Кроме того, у меня тоже есть запись, которая может поставить министра в крайне неловкое положение. Эта запись доказывает, что пресловутое этическое чувство сего господина угасает, когда включается его честолюбие.

— Вы играете с огнем.

— Я не слишком рискую. Это дело в любом случае последнее. Я ухожу из профессии. Пора подумать о себе.

Произнеся последнюю фразу, Эрик решил позвонить Кларе, как только вернется домой.

* * *

Перед крыльцом остановились две машины.

Открылась дверца, появилась Бетти и на мгновение застыла на месте. Даниель смотрел на нее из сада.

От волнения оба лишились дара речи, ни один не мог сделать шаг навстречу другому. Слишком многое нужно было сказать и выстроить заново.

Соломон, Набиль, Витто и Бартоло со сдержанным волнением наблюдали за Даниелем. Этот момент истины принадлежал только ему и Бетти, не им. Пока нет.

Пьер наблюдал за происходящим, стоя у окна на первом этаже.

Наконец Бетти сделала первый неуверенный шаг вперед.

Даниель хотел было пойти ей навстречу, но ноги не слушались, и он остался ждать и смотрел на приближающийся силуэт жены, на очертания чуть постаревшего лица, а потом вдруг увидел улыбку и сияющие глаза.

Улыбка была грустной, взгляд умиротворенным.

Он раскрыл ей неловкие объятия, не зная, что их ждет впереди, но счастливый тем, что может прижать ее к себе.

Эпилог

Папа, мама, Пьер, я смотрю на вас оттуда, где нахожусь, и люблю вас.

Смерть — всего лишь слово, обозначающее отсутствие. Проходит время, но боль из-за моего неожиданного ухода не утихает.

Знайте, что время мы воспринимаем по-разному.

Для вас оно — жестокая, разъединяющая нас реальность. Черета часов, дней и лет.

Для меня — неуловимое мгновение, короткое, как ночь с чудесными сновидениями. Однажды, когда мы снова будем вместе, я вам их перескажу.

Я не так уж и далеко от вас. Я наблюдаю за вами, и объединяющие вас благородные чувства делают меня сильнее.

Эти эмоции, эта истина позволяют мне подняться еще выше, приблизиться к небесным огням, где подлинная ценность человека проявляется в самом чистом виде.

Там я буду ждать вас и радоваться, что вы старитесь, любя друг друга.

Не торопитесь. Вашим душам необходимо время, чтобы стать совершенными, обрести новое дыхание и долететь до меня.

Думайте обо мне, чтобы любить меня еще сильнее, и радуйтесь, зная, что я счастлив в ожидании.

Но не торопитесь. Время для меня — ничто.

Ночь.

Чудные сны.

А завтра вы будете рядом.

Благодарности

Благодарю всех, кого уже благодарил за мой первый роман, потому что они все еще со мной.

Благодарю моего брата Ролана Коэна — за его боевой дух.

Мою большую семью — тутошнюю и тамошнюю: Розину Дасилва, Джеки, Мишеля и Леона Азуле, Мод Бенаму, Клода Коэна, Армана Коэна, Эстель и Дова Коэн, Готферштейн Фэмили, Полоуин Фэмили.

Мою новую семью, самых первых читательниц и читателей за восторженные и часто трогательные отзывы и желание разделить со мной приключение:

Соню Ламазьер, Надин Ревер, Орели Капассо, Венсана Ширмера, Кристину Жорж, Корину Бонно, Ники и Брайса Д., Микаэля Ламбозо, Фанни Розе, Софи Бонвино и Сильви, Марка Букета, Меган Дрейфус, Софи Мазюрель, Эмелину Монтьялу, Орели Барб, Ванессу Де Хесус, Валери Кондет-Робен, Элен Атже, Марка Фурнье, Эрика Масса, Мишеля Ванесса, Жеральдину Бюссон и многих других, коих не могу перечислить поименно, потому что не записал имен и фамилий, за что они наверняка на меня обидятся.

Благодарю моего издателя Тьерри Бийяра за наши разноплановые, плодотворные и теплые отношения.

---

notes

Примечания

1

Собака (*араб.*).

2

Умма — сообщество верующих.

3

Таухид — единобожие, единство Аллаха.

4

«Убийца издержек» (cost-killers, *англ.*) — специалист по резкому снижению расходов, затрат.

5

Министерство внутренних дел Франции.

6

Контрразведкой во Франции занимается Управление безопасности территорий.

7

В разработанный французским правительством план «Вижипират» входит список мер, предусмотренных на случай различного рода кризисов, в первую очередь связанных с угрозой терактов.

8

УФРТ — государственная компания «Управление французского радиовещания и телевидения», упразднена в 1976 г.

Table of Contents

[Тьерри Коэн Я СДЕЛАЮ ЭТО ДЛЯ ТЕБЯ](#)

[Пролог](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Жан](#)

[Даниель](#)

[Эпилог](#)

[Благодарности](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)